

Мазурка Домбровского - 2

Поручик
из Варшавы

Рыжик

Annotation

Подпоручик Домбровский возвращается из Парижа. Новое звание. Новое назначение. Новые приключения. Что ждёт нашего героя? Давайте, узнаем!

И кто сказал, что плохие дороги — это исконно русская проблема? Три с половиной сотни километров, которые раньше я бы проехал часа за четыре с половиной, нам пришлось тащиться аж восемь часов — целый рабочий день в просвещённых странах, где работодатель хотя бы делает вид, что беспокоится о своих рабочих.

Хорошо хоть, что пан Ковальский в Париж приехал на прекрасном Хорьхе-600 в комплектации четырёхмерного пульмана-лимузина, благодаря чему наше путешествие на север Французской Республики, несмотря на весьма печальные обстоятельства, было проведено в относительном комфорте. Да и Тереза, которую похитители накачивали снотворным (чтобы особых проблем девушка не создавала), с трудом отходила от пережитого и большую часть времени спала в объятиях отца.

Пару раз по дороге мы застревали, но местные жители, обращавшие внимание на дорогой лимузин (которых было выпущено всего около пятидесяти штук, о чём мне поведал пан Ковальский) регулярно приходили на помощь и помогали выбраться из западни, за что и были вознаграждены такими желанными франками.

К точке назначения — морскому порту города Шербур, мы приехали около одиннадцати вечера. В ночной темноте грузились на небольшой грузопассажирский пароход под шведским флагом. Пан Ковальский был настолько щедрым, что нам с капитаном Врубелем арендовал отдельные каюты класса «полулюкс», впрочем, я оценить их так и не смог, потому что провёл всю часть нашего морского путешествия в обнимку с тазиком — настолько сильно меня доконала морская болезнь.

Во время коротких остановок в Датском городке Эсбьерг и в Германском Ростоке, я с радостью ходил по берегу, нервно кутаясь в свою шинель от холодного ветра, дующего со стороны моря и мысленно пропевая знакомую мне по двадцать первому веку присказку, заменяя её слова под текущую ситуацию, и не важно, что в рифму получалось далеко не всегда:

*Человек — это труп,
Завёрнутый в тулуп,
Замученный до слёз,
Выброшенный на мороз...*

А ведь действительно — температура вокруг была не ниже нуля, но этот чёртов промозглый ветер...

Впрочем, через несколько дней, когда наш кораблик прошёл почти две тысячи километров и причалил в вольном городе Данциге, который поляки называли Гданьском, я облегчённо выдохнул — нет, не понимаю я моряков, которым только и дай, чтобы оказаться на морской палубе... Может быть когда-то и была какая-то романтика в этом, но уж точно не сейчас...

В Гданьске, после прохождения таможенного контроля, мы тут же заселились в небольшую, но уютную гостиницу, которую держал немолодой немец. За весьма умеренную плату нам выделили по номеру, обеспечили горячим трёхразовым питанием. Меня же больше всего порадовала возможность полежать в горячей ванной, а потом и простая в общем-то возможность завалиться и поспать...

Проспал ваш покорный слуга почти сутки — последняя неделя выдалась слишком уж

нервной и морально выматывающей, отчасти даже бессонной, вот организм и потребовал своего.

Стоило мне прийти в себя, как я обнаружил, что соседние номера оказались пусты — ни семейства Ковальских, ни пана капитана Врубеля в гостинице обнаружить не удалось. Было уже, я немного приуныл, но к своему превеликому удивлению обнаружил в кармане своей шинели пухлый конверт, в котором обнаружилась весьма крупная сумма в злотых и коротенькую записку от пана Ковальского:

«Прошу простить за наше скорое отбытие, но дела ждут в Варшаве.

По возвращению в столицу, вы всегда будете желанным гостем в моём доме.

Надеюсь, вы не откажетесь от небольшого денежного вознаграждения за спасение моей дочери? Это самое малое, что я могу сделать для вас.

С уважением, Станислав Ковальский»

Отложив письмо в сторону, я пересчитал деньги. Купюры были в номиналах по два, пять, десять, двадцать и сто злотых. На круг вышло — десять тысяч. Очень большая сумма, тем более, что я знал о том, что гражданская версия хорошего польского армейского мотоцикла Sokol-1000 стоит больше четырёх тысяч. Прикинув, я понял, что в этом конверте оказался весь мой оклад за несколько лет. Шутка ли — две штуки баксов в тридцать девятом году!*

У меня даже в очередной раз появилась дурная мыслишка — бросить всё, ничего не менять, и, пока есть возможность, прямым ходом рвануть в Соединённые Штаты Америки, ну или в Аргентину. На первое время денег должно хватить, а там уже и я что-нибудь да придумаю. Чай, не совсем дурак. Вот только для этого всё-равно придётся вернуться в Варшаву. Хотя бы для того, чтобы забрать с собой Терезу и попытаться уговорить пана Ковальского продать всё, что у него есть, чтобы с хорошим стартовым капиталом начать всё сначала в месте, где война не сможет помешать мирной жизни...

Прогулка по городу-государству Данциг с первых минут мне не понравилась. Первое негативное впечатление появилось сразу же после того, как я покинул гостиницу — сильный холодный ветер, дувший с моря, несмотря на то, что я закутался в шинель и прикрыл лицо армейским шарфом, пронизывал, кажется, до самых костей. А потом ещё эти... Прикопались...

Троих мужчин, намеренно следующих в мою сторону я заметил сразу. Все в однообразных черных не то шинелях, не то плащах, перепоясанные одинаковыми ремнями, у одного из них на нём крепилась кобура для пистолета, а у двоих других — подсумки для винтовочных патронов. Сами же винтовки, как вы понимаете, весели у двоих на плечах. Головы у них были покрыты непривычного вида шапками.

Вначале я даже подумал, что меня хотят за что-то арестовать. Но кто? Польская контрразведка (дефензива)? Нет — там хватает специалистов, которые приблизились бы просто ко мне на улице и с высокой долей вероятности обезоружили бы так, что я не смог бы оказать никакого сопротивления. Польская полиция? Опять же — нет. За время своего пребывания в Варшаве и во время поездок с командировками по Польше в ту же десятую кавалерийскую бригаду (см. первую часть серии — «Подпоручик из Варшавы»), я успел насмотреться на польскую полицию — те всегда были одеты несколько иначе, да на фуражках носили кокарды с орлом. Тут же у них шапки. И на них эмблема — «Тотенкопф»*.

Я даже несколько удивился — какого чёрта «эсэсовцы» могут так просто бродить по вроде как ещё польской территории?

Непроизвольно я ждал в кармане шинели миниатюрный браунинг — трофей из Франции, который ваш покорный слуга так и не удосужился сдать. Да и вывезти просто так его бы не получилось — спасибо пану Ковальскому, именно благодаря ему досмотры на обеих таможах были чисто формальными: сверили документы, поставили печати, да пропустили, даже не заглядывая в багаж, и, уж упаси боже — даже не просили показать, что находится в карманах.

Впрочем, все мои сомнения развеялись, когда я не заметил на шинелях петлиц войск СС, знакомых по фильмам и реконструкциям. Ещё немногим после, когда тот, что вооружён пистолетом (голубоглазый блондин, кстати, сошедший, будто бы с плакатов для Ваффен-СС) чётко козырнул мне и на неплохом польском, но со всё-таки хорошо различимым акцентом (уж не немецким ли?), представился:

— Эрвин Шенк. Полиция Вольного Города Данциг. Предоставьте ваши документы для проверки.

— Подпоручик Домбровский. — С шиком козырнув двумя пальцами, представился я, после чего поёжился от резкого порыва ветра, дующего со стороны моря.

Офицерская книжка и командировочное предписание, полученное в Париже, удовлетворило полицейских.

— Счастливого пути. На вокзал вон туда! — Деланно улыбнувшись, показал мне направление движения старший патруля.

— Благодарю! — Максимально беспечно улыбнулся уже я, убирая свои документы под шинель, а сам едва не поёжился, на этот раз, от взгляда старшего патруля. Он смотрел на меня, будто бы через прорезь прицела. Остальные же патрульные, в это время просто считали ворон.

*В марте 1939-го года за один доллар давали 5,29 злотых. Взято с <https://paul-atrydes.livejournal.com/30949.html>

*С 1935-го года полиция Вольного Города Данциг носила кокарды в виде черепов.

До здания вокзала, расположенного прямо в самом центре Гданьска-Данцига я добрался, проходя мимо целого ряда гостиниц: «Монополь», «Континенталь», «Гранд отель Рейхсхоф» и «Норддойчер Хоф». Все вывески, как вы понимаете, были на немецком языке. Как и таблички на здании вокзала — «Danzig Hauptbahnhof».

Ещё пару раз мне попадались патрули местной полиции. И, если в первый раз им хватило только командировочного предписания и офицерской книжки, то во второй раз, старший патруля этим не удовлетворился и захотел проверить мои личные вещи.

— Только в присутствии понятых! — Улыбнулся я. — Вон, пан майор стоит, и девушка красивая. Думаю, они могут помочь нам в нашем нелёгком деле?

Старший патруля, невысокий и пузатый мужчина «лет за сорок», с противным, заплывшим лицом, подумав несколько секунд, вернул мне документы и сквозь зубы проговорил по-польски:

— Свободен.

— Свободны, господин подпоручик! — Твёрдо поправил его я, после чего схватил свой чемоданчик, и не козыряя, пошёл в сторону железнодорожных касс, возле которых столпилась небольшая очередь. Впрочем, несмотря на извечный шум в таких местах, как железнодорожный вокзал, я услышал, что полицейский что-то сказал мне в спину по-

немецки, а его напарник, громко захрюкав, засмеялся. Понять дословно я бы и не смог, но что-то вроде «полиш швайне» уловил, после чего повернулся через левое плечо и сложил из пальцев правой руки пистолетик, сделав вид, что стреляю в толстого.

Полицейские тут же прекратили смеяться, что-то злобно крикнули в мою сторону, после чего повернулись и пошли к перрону.

Отстояв короткую очередь, и, оказавшись перед стеклом кассы, я обратил внимание на молодую кассиршу по ту сторону. Настроение тут же резко поползло вверх. Любой мужчина меня прекрасно поймёт.

По-немецки я не говорил, поэтому начал по-польски, правда, шуточно козырнув, чем вызвал улыбку у девушки:

— Мне один билет до Варшавы. На ближайший поезд!

К моему счастью, кассирша ответила на неплохом польском, и, что характерно, без акцента:

— Ближайший поезд отходит только через два с половиной часа, но там остались только места в вагоны повышенного комфорта.

Почесав затылок (ох, и была меня мама в своё время по рукам, стараясь избавить от такой дурной привычки), я махнул рукой и весело подмигнув девушке, согласился:

— А давайте! Один раз живём!

Впрочем, когда она озвучила цену билета, я слегка приуныл — сумма получалась вполне приличная, тем более, для моего жалования подпоручика. Но я в очередной раз согласился — вознаграждение за поиск Терезы от пана Ковальского было ещё не тронуту, так почему бы не начать его тратить с пользой для себя и для дела?

Расплатившись в польских злотых, я тут же задал вопрос:

— Прекрасная панночка, не подскажете, где бы тут можно было оставить вещи на несколько часов, и, как бы пройти в ближайшее прекрасное заведение, дабы утолить свой голод?

— Камера хранения за углом! — Улыбнувшись, ответила девушка. — А дальше по улице есть шикарный ресторан. Вы его увидите. Там всегда у входа находится дворецкий в ливрее, мимо не пройдёте!

— А не ответите ещё на один вопрос? — Продолжая улыбаться, спрашиваю я.

— Да, конечно, пан офицер? — Кассирша приподняла на меня свои голубые глаза.

— А у вас случаем перерыв на обед не скоро наступит? Просто понимаете, я жутко не люблю завтракать один, особенно, в обеденное время... А друзья... Я проездом в этом городе и ещё не успел обзавестись ими. Может быть вы составите мне компанию?..

Наблюдая, как лицо девушки покрылось красным цветом, я едва не засмеялся.

— Если вы подождёте меня десять минут, я могла бы составить вам компанию... — Скромно ответила голубоглазая блондинка.

— Отлично! Тогда ровно через десять минут я буду вас ждать вот там! — Я аккуратно показал пальчиком на стенд с газетами, после чего также шуточно козырнул, и, подхватив свой чемоданчик, направился в сторону камеры хранения.

Девушка, чьего имени я пока ещё не узнал, появилась ровно через десять минут. Одета она была в лёгкое пальто бежевого цвета и аккуратную шапочку того же цвета. Подставив левую руку, и вновь улыбнувшись, я проговорил:

— Ведите меня, моя милая богиня... кхм...

Блондинка зардела и негромко представилась:

— Хельга!

— Ян! Очень приятно!..

Шли мы недолго, но за это время я вполне успел узнать немного и о городе-государстве: Вольный Город Данциг был образован в январе двадцатого года согласно Версальскому договору. На его территории находился как сам город Данциг-Гданьск, так и несколько сотен мелких населённых пунктов вокруг. В соответствии с решением Лиги Наций, город не входил ни в состав Польши, ни в состав Германии. В городе была создана своя военизированная полиция (с которой я уже повстречался), в которой служили не только местные, но и приезжие германцы...

— Представляете, неделю назад, на своё день рождение, мой брат пригласил офицера полиции и он, когда выпил и захмелел, во время танца мне признался, что он офицер СС, а я обещала... Ой! — Отстранившись от меня чуть в сторону, девушка прикрыла свой очаровательный ротик ладошкой, прикрытой перчаткой.

— А вы обещали, никому об этом не говорить? — Догадался я. — Не беспокойтесь, Хельга! Я никому не расскажу об этой тайне...

В своё время, читая об обороне Вестерплатте и боях за здание польской почты в Данциге-Гданьске я читал о том, что тут, в городе воевало какое-то подразделение СС. Это, конечно, были не те прекрасно обученные Ваффен-СС, что ломали оборону советских войск под Харьковом в сорок третьем, но... но и этих эсэсовцев хватило, чтобы перевесить чашу весов на германскую сторону. Если же предположить, что в составе местной полиции есть солдаты и офицеры СС, то... То они вполне могут подговорить местных полицейских к участию в погромах и дальнейших боях.

Интересная информация. Вот только что с ней дальше делать? А вот тут — чёрт его знает. Но сообщить об этом полковнику по прибытию в Варшаву — точно стоит!

Успокоившись, девушка тут же вновь обняла меня за левую руку, и мы пошли дальше. Правда, прогулка наша не отличалась большой продолжительностью — я обратил внимание на ресторан, над которым гордо веяла вывеска «Altes Danzig» готическим шрифтом. У массивных стеклянных дверей находился швейцар в богатой ливрее, который, стоило нам только подойти, тут же распахнул перед нами двери.

Желая поблагодарить мёрзнущего на ещё зимней (несмотря на весенний календарь) швейцара, я протянул ему в руки купюру в два злотых — не то чтобы очень много, но приятно. Помню, в своё время, когда там, в веке двадцать первом я работал в одном из предприятия общепита (а куда ещё податься студенту, который учится на очном обучении за свои деньги и ему необходим свободный график?), мне как-то дали на чай обычный полтинник — рад же я был тогда, будто бы мне в карман засунули купюру, тысяч так в пять рублей. А всё почему? Да потому что человеку всегда важно внимание! Деньги, конечно, тоже важны. Но... Внимание важнее что ли? Нет, не для всех, конечно, но всё-таки.

— Благодарю, господин офицер! — Вытянулся во «фрунт» швейцар. Окинув его взглядом, я сразу же различил в нём старого вояку, который, должно быть, сражался в германской армии ещё в Великую Войну. Почему именно в германской? Да потому что по-польски он говорил не то что бы очень плохо, но акцент всё-таки чувствовался!

В небольшом вестибюле мы оставили верхнюю одежду, после чего ведомые немолодым мужчиной-администратором (или как они тут называются), проследовали в зал.

— Рекомендую вам расположиться у вот того столика! — Остановившись, вежливо показал он нам места у окна. — Отсюда вам откроется неплохой вид на наш старый Данциг!

- Благодарю! — Отодвинув массивное кресло перед девушкой, ответил я.
— Официант сейчас подойдёт к вам, одно мгновение, господа!

На фото — полицейские вольного города Данциг.

Глава 1. Новое назначение

Посиделки с Хельгой продлились недолго — уже через час девушка вновь была на рабочем месте. Мы только и успели, что немного перекусить, мило пообщаться и обменяться адресами — зачем только? Я писать вряд ли стану — честно предупредил девушку, что не очень люблю это дело. Может, она мне напишет? Хотя, тоже нежелательно: Хельга — немка, и ей очень сильно мешает её связь с польским офицером, когда придут немцы.

В общем — попрощался я с девушкой, поскучал немного в зале ожидания, поджидая такой необходимый мне сейчас поезд, продумывая попутно то, чем мне предстоит заняться в дороге. К сожалению, раненый Спыхальский так и остался в Париже, поэтому скоротать время за разговором с хорошим собеседником вряд ли удастся, а лезть в душу случайным попутчикам — уже я не люблю.

К счастью, дело я себе нашёл очень быстро — можно подать в приёмную Маршала свои размышления о создании танково-моторизированных групп в составе пехотных дивизий. С одной стороны, это позволит командиру дивизии иметь пусть небольшое, но весьма кусачее и мобильное подразделение для реагирования на различные угрозы, а с другой — постоянный состав таких подразделений может обеспечить удовлетворимую слаженность действий в бою. Уж всяко лучше танкисту идти в бой с пехотинцем, который знает, как взаимодействовать с бронетехникой.

Достав блокнот, тут же написал списочный состав такой группы:

«Мотоциклетный отряд — шесть мотоциклов Sokolc колясками и пулемётами для разведки и связи. Восемнадцать человек личного состава.

Танковый взвод — пять лёгких танков 7ТР или Виккерс. Шестнадцать человек личного состава.

Мотопехотная рота — десять грузовых автомобилей. Сто пятьдесят человек личного состава.

Артиллерийский взвод — два полевых орудия калибром 75-мм, четыре грузовых автомобиля. Двадцать пять- тридцать человек личного состава.

Хозяйственное отделение — полевая кухня, грузовой автомобиль. Шесть-десять человек личного состава.

Итого: двести пятнадцать — двести двадцать четыре человека личного состава, среди них семь — офицеров. Пять легких танков. Шесть мотоциклов. Тринадцать грузовых автомобилей. Два орудия. Полевая кухня.»

Посидев немного, вспомнил, что в сентябре тридцать девятого года Польша сможет выставить против Германии около сорока дивизий. И тогда придётся в состав таких вот отдельных дивизионных групп отдать две сотни танков, ещё больше размазав их по войскам.

— Нет, это нам не подходит! — Почесав затылок, буркнул я, вырывая листок из блокнота. Скомкав его и обнаружив ближайшую урну, отправляюсь выкидывать мусор, продолжая бурчать себе под нос. — Ерунда какая-то, вроде и информации известной много, а как ситуацию исправить, хрен его знает...

За скорбными размышлениями о том, что я какой-то неправильный «попаданец» — как же, вроде и знаю много, но ничего поменять за те три месяца, что нахожусь в прошлом, так ничего и не вышло — не заметил, как прошло время, и на путь подали такой ожидаемый мной паровоз.

После недолгой суеты — проверки проездных документов и устройства на своём месте, я с радостью отметил, что от Гданьска-Данцига у меня нет попутчика. Это означало, что я могу вполне неплохо провести время, пытаясь запланировать свои дальнейшие действия.

Несколько часов провёл в раздумьях «за рюмкой чая» — одну бутылочку которого я успел прихватить из Парижа. И чем больше я сидел, тем больше понимал, что все мои телодвижения, направленные на хоть какую-то попытку изменить историю глобально, просто обречены на провал. Смотрите сами:

С танками у Польши ничего точно не получится — своя школа танкостроения успешно сформировалась, те же 7ТР (весьма неплохая машина по нынешним временам) уже создана и обкатана в войсках, ведутся работы по версии этого танка с противоснарядным бронированием (то, что в моём времени назовут 9ТР). Вот только промышленности, способной производить бронетехнику нет. Воевать на два фронта Польша также не сможет. Ей просто будет нечем воевать. Да и советское правительство от «Освободительного похода» вряд ли откажется. А уж о том, что поляки будут воевать против Красной Армии — это общеизвестный факт. И мне с такими поляками уж точно не по пути. Как представляю, что мне придётся стрелять в своего прадеда, который в сентябре тридцать девятого будет простым красноармейцем — так передёргивает. Польская государственность с идеями от «Можя до можа» нежизнеспособна. Никто не будет терпеть настолько агрессивного соседа. В самой Польской Республике очень много проблем. «Осадничество» на востоке настраивает население против польского руководства. Уже сейчас там действуют различные националистические банды. Да и про лагерь в Берёзе-Картузской, куда можно было попасть только за то, что ты украинец или белорус, в моём времени весьма широко известно. Да и про крестьянские восстания* тоже не забываем!

*Крестьянская забастовка 1937-го года. В некоторых источниках указывается как Крестьянское Восстание — серия стачек, забастовок и протестов, подавленных полицией и армией силой. Более тысячи человек было арестовано. В годы германской оккупации, многие участники забастовки вступили в «крестьянские батальоны» — подпольную организацию, сражающуюся против Гитлеровской Германии.

В общем — мне с такой Польшей однозначно не по пути.

Я в очередной раз вздохнул — вот почему я не мог вселиться в какого-нибудь лейтенанта Красной Армии? Жил бы себе спокойно, не тужил, да потихоньку историю менял, благо, про Советский Союз мне известно намного больше, чем про Польшу этого периода. Так нет — вселился в поляка, есть шанс сдохнуть в сентябре тридцать девятого, а есть шанс — что большевики расстреляют! Нет, я, конечно, не верю, что Катынский расстрел устроили советские чекисты, но проверять как оно было на самом деле, у меня желания почему-то нет...

В Варшаву поезд приехал на рассвете. Город ещё был покрыт утренней прохладой, которая совсем скоро должна будет смениться первым апрельским солнышком.

Покинув вагон и пройдя немного по перрону, я тут же был перехвачен военным патрулём. Старшим у них был такой же, как и я, подпоручик. Только пехотинец. С ним была пара стрелков, на плечах которых были повязки с надписями: «Комендантский Патруль». После проверки документов, я тут же был отпущен по своим делам — командировочные предписания, проездные документы у меня были в нормальном состоянии, сроков ваш

покорный слуга также не нарушал, поэтому и причин для задержания не было. Хотя... Тут как посмотреть. Любой военный (даже такой липовый, как я) прекрасно понимает, что прицепиться к внешнему виду можно всегда...

До съёмной квартиры добрался на такси — ещё немного опустошив свой запас золотых. Там сразу же направился в ванную комнату, с дороги было необходимо привести себя в порядок. Ещё минут сорок было потрачено на водные процедуры, после чего я достал из чемодана свой парадный мундир и при помощи огромного чугунного утюга, как мог, погладил его. Получилось, по правде говоря, как-то не очень.

Пока собирался, наступило время выдвигаться к месту службы. В моих планах было с утра доложить полковнику, после чего тихо и незаметно слинять со службы, решая свои дела. Поэтому, на приём к непосредственному начальнику просто необходимо было попасть одному из первых — желания сидеть в приёмной у меня не было.

Снова такси, знакомые, практически ставшие родными улицы, и, вскоре я стою перед зданием Генерального Штаба.

На флагштоке также гордо реет флаг Польской Республики, а у входа застыли два часовых в прекрасно подогнанной форме, с карабинами Маузера на плечах. При моём появлении, оба бойца тут же вскинули винтовки «На Караул». Проходя мимо них, я козырнул двумя пальцами, а сам подумал лишь о том, что не завидую этим солдатам — это сколько же раз за день им нужно заниматься подобной показухой? Не счесть.

В дежурном помещении за стеклом обнаружился знакомый поручик, впрочем, его имени я вспомнить так и не смог. А вот он меня вспомнил и вполне дружелюбно поприветствовал меня, поднимаясь из-за своего места:

— Ян, уже вернулся? Как Париж? А Парижанки?

Когда поручик оказался передо мной, покинув своё рабочее место, и, протянул мне руку, я аккуратно пожал её, после чего ответил:

— Именно. Из Парижа. Красивый город. Жаль только, про парижанок ничего не смогу сказать. Мне всё больше пришлось общаться с различными усатыми мужчинами, носящими военную форму и смотрящих на меня, как на идиота!

— Да-да, эта французская заносчивость! — Улыбнулся поручик. — Как вспомню их офицера, что читал нам тактику в училище, так вешаться хочется. Всё называл нас, поляков, «недоносками, которые ничего не могут».

— Извини, мне идти нужно. — Попытался я избежать дальнейшего разговора. — Не знаешь, пан полковник Сосновский уже на месте?

— Пока не прибыл.

— Тогда я пошёл, надеюсь успеть к нему первым. Увидимся! — Попрощался я.

— Увидимся! — Хлопнул меня по плечу поручик.

Из-за раннего времени, людей в здании было немного — только ночные уборщики, завершающие свою работу, да ранние пташки, вроде меня. В общем — тишина и спокойствие, что не могло меня не радовать.

До приёмной полковника я добрался весьма быстро. И, к счастью, оказался первым из посетителей, о чём мне поведал адъютант полковника в чине капитана. Он же предложил чаю и поинтересовался, как прошла поездка в Париж.

— Извини, не могу ничего рассказывать. Подписку давал. — Коротко ответил я. Капитан лишь улыбнулся и понятливо кивнул.

Разговор не клеился. Капитана этого я практически не знал — согласитесь, редко кто

замечает различного рода секретарей и помощников. Сейчас же я внимательно изучал этого офицера. Уже не молод — лет около сорока, левая рука в перчатке, а на кавалерийском мундире, весьма красноречиво говорящий о его владельце, орден креста «Вертугги Милитари».

Проследив за мой взглядом, капитан сдержанно улыбнулся:

— За Варшаву. Там же и кисть руки потерял.

Я кивнул:

— Хорошо, что выжил.

— Я тоже так думаю, хотя тогда так не считал.

Устроившись поудобнее в своём кресле, капитан уже собирался начать что-то рассказывать, но, вдруг, резко вскочил на ноги, вытянулся и начал докладывать:

— Пан полковник, за время вашего отсутствия происшествий не случилось. К вам посетитель, подпоручик Домбровский. Документы от пана подполковника из Кракова тоже у меня.

Махнув рукой, прерывая словоохотливого подчинённого, пан полковник Сосновский повернулся ко мне:

— Через пять минут.

— Слушаюсь, пан полковник! — Вытянувшись, гаркнул я.

— Вацлав, подай мне кофе. Также, через пять минут.

— Слушаюсь, пан полковник! — Ещё больше вытянувшись, ответил капитан.

Сосновский же, сморщившись, словно от зубной боли, достал из кармана ключ и вошёл в свой кабинет, мягко закрыв за собой дверь.

— Шеф не в духе. — Шёпотом сообщил мне капитан, хорошо знавший своего начальника. — Наверное, опять дочка, что-то сделала.

Обсуждать дочку полковника, ту самую Эльжбету, с которой, судя по всему, весьма близко был знаком «мой предшественник» в этом теле, я посчитал весьма глупым и нецелесообразным, поэтому лишь пожал плечами. Капитан же, ожидавший от меня чего-то иного, лишь странно посмотрел на меня, после чего сказал:

— Пора, заходи.

Оценивательно посмотрев на своё отражение в зеркале и не найдя к чему придраться, я подошёл к двери и три раза постучал в неё кулаком, после чего потянул дверную ручку на себя, и, просунув в образовавшийся проём голову, спросил:

— Пан полковник, разрешите войти?

Услышав разрешение, вошёл, прикрыв за собой дверь.

— Пан полковник, подпоручик Домбровский. Представляюсь по случаю прибытия из краткосрочной командировки.

Оценивательно изучив мой внешний вид, Сосновский пригласил меня присесть, показав место по правую руку от себя. Дождавшись, когда я усядусь на предложенное место, и, переведу дух, полковник начал задавать различные вопросы. На какие-то я отвечал сходу, на какие-то отвечал после небольшого размышления. Минут через десять, когда блиц-опрос был завершён, а капитан поставил перед своим шефом-таки чашечку с ароматным чёрным кофе, в кабинете наступила тишина.

Сделав несколько глотков, и в очередной раз сморщившись, полковник отставил чашку с кофе в сторону, после чего отодвинул один из ящиков своего стола и достал из неё обычную серую папку, протянул её мне.

— Изучи.

Послушно развязав тесёмки и раскрыв папку, я обнаружил разорванный на четыре части лист бумаги. Сложив его, начал читать:

«Начальнику...

Рапорт.

Я, подпоручик Домбровский Ян...

Прошу перевести меня для дальнейшего прохождения службы...

В связи с чем...

Прошу удовлетворить...»

Отложив разорванный рапорт в сторону, беру второй лист бумаги с похожим содержанием, после чего поднимаю вопросительный взгляд на полковника.

— Там ровно двенадцать рапортов. Ранее я их просто складировал, не давая хода. Сейчас же, после всех твоих походов в Францию, мне рекомендовали от тебя избавиться.

Полковник замолчал и внимательно посмотрел на меня.

— Если бы не моё обещание твоему отцу, я бы тебя просто вышвырнул из армии, после всего, что ты сделал с моей Эльжбетой. Но я обещал твоему отцу. Поэтому.

Каждая фраза, которую говорил полковник, давалась ему с трудом, отчего его речь становилась всё более и более рубленой.

— Поэтому. Ты. Переводишься. Принято решение. Сформировать отдельную танковую роту. В армии «Познань». Лично генерал Кутшеба* просил подобрать ему толковых офицеров. Тебя я рекомендую ему на должность командира роты. Всё.

— Благодарю, пан полковник! — Вытянулся я, сам не знаю от чего улыбаясь. — Только...

— Что? — Вытянулось лицо полковника.

— Должность командира роты. Она же... Поручику положено!

Лицо полковника налилось краской, но полковник вместо того, чтобы начать на меня орать, лишь процедил сквозь зубы:

— Приказ будет готов к вечеру. Свободен.

— Слушаюсь, пан полковник!

*Дивизионный генерал Тадеуш Кутшеба. Начиная службу при австро-венгерском Генеральном Штабе, откуда ушёл капитаном. С ноября 1928-го года, комендант Высшей Военной Школы в Варшаве. В 1938-м году подготовил "Проект стратегического плана на случай войны с Германией". 23-го марта 1939-го года назначен инспектором армии "Познань".

Глава 2. Предложение пана Ковальского

Знаете, а есть свои плюсы в службе при штабе — практически нормированный рабочий день, можно соблюдать хоть какой-то график. Вот только подковёрная возня надоела. Стоило мне только получить вторую звёздочку на погон, как тут же ещё совсем недавно знакомые молодые офицеры начали подкалывать — «пан поручик, разрешите обратиться? Разрешите закурить?» или «пан поручик, разрешите отлучиться на законный обед?». И всё с издёвкой. Ну, удружил пан полковник... Старое место уже находится под другим офицером, а на новом я как бы и лишний. Хоть на службе не появляйся. Хотя и должен — приказ о переводе всё задерживается.

Скривившись в очередной раз на фразу в свой адрес, коротко махнув рукой, мол, делайте что хотите, завязал тесёмки папки и убрал её в небольшой портфель из жёлтой кожи — приобрёл по случаю, а то как же, пока ещё штабной работник, но без портфеля, не порядок!

Открыв несгораемый сейф рядом со столом, удостоверился, что никаких своих документов в нём не оставляю, после чего для вида положил пару бумажек и на виду у всех, самодовольно закрыл ставшее таким небезопасным хранилище для документов. Да-да, мой личный сейф, как выяснилось, небезопасен. Самолично проверял — незаметно засунул обломок спички за дверцу так, чтобы в случае несанкционированного открытия, она выпала. Как итог — обнаружил этот обломок под сейфом утром. Вот так вот. Хорошо хоть, что ничего противозаконного у меня в документах не хранится. Но на мысли наводит неприятные.

Окинув ещё раз взглядом троих молодых подпоручиков-делопроизводителей отдела, в котором мне пришлось временно осесть (от работы в комиссии по модернизации бронетанковых войск меня уже отстранили), я встал, подошёл к вешалке и пристроил на голове свою фуражку. Сняв с плечиков кожаную куртку, надел её и внимательно посмотрел в зеркало. Увиденное меня удовлетворило — для встречи с паном Ковальским, сойдёт.

Попетляв несколько минут по коридорам, оказываюсь на улице, чтобы лицом к лицу столкнуться с Ежи. С этим оружейником у меня сложились максимально тёплые отношения, что было подтверждено и в этот раз — по лицу и глазам я отчётливо увидел радость от встречи.

— Ян! Приветствую! — Протянул мне он руку. — Извини, не успел поздравить тебя с новым званием!

— Здравствуй, Ежи! — Улыбнувшись ответил я на рукопожатие. — Ничего, всё прекрасно понимаю, служба!

— Именно! Служба! Но я бы не был собой, если бы не поздравил своего друга! — Неожиданно засмеялся оружейник, после чего как-то резко стал вновь серьёзным:

— Пан поручик, разрешите поздравить вас с новым воинским званием!

На этот раз засмеялся уже я:

— Ежи, зачем эта официальщина? Я всегда думал, что ты её терпеть не можешь!

— Да, ты прав. — Вновь улыбнулся оружейник, после чего перешёл на шёпот и заговорщицки улыбнулся:

— Только ты пану полковнику не говори. Ладно, я вижу, ты спешишь. Поэтому я быстро. Отойдём в сторонку?

— Да, почему бы и нет? — Кивнул ваш покорный слуга.

Через несколько минут, когда мы отошли в ближайшую подворотню, Ежи раскрыл свой саквояж и достал из него кобуру скрытного ношения с пистолетом внутри.

— Помня твой подарок из Франции, я не мог тебе не подарить оружие. Тем более, у тебя очень сильно горят глаза, как только ты выходишь на огневой рубеж. В общем, это немецкий Вальтер РРК, калибром 7,65-мм, магазин на семь патронов.

Достав пистолет из кобуры, я не без интереса рассматривал оружие небезызвестного в моём времени книжного и киношного героя, созданного британским журналистом, офицером военно-морской разведки и писателем Яном Флемингом. Да-да, я о знаменитом Джеймсе Бонде, который любил мартини с водкой по рецепту «смешать, но не взбалтывать».

С немецким оружием я сталкивался неоднократно, ну, во всяком случае, с его охолощёнными версиями. Держал в руках Люгер Р-08 и Вальтер Р-38, стрелял из МР-40 и карабина Маузера-98к. Но Вальтер-РРК мне доводилось видеть только в кинофильмах и читать в книгах.

— Это просто царский подарок... — Растерянно сказал я.

— Извини, что не в такой богатой комплектации, как твой подарок. — Улыбнулся Ежи, после чего достал из кармана кителя часы-луковку, посмотрев на циферблат, нахмурился. — Ян, мне нужно бежать. Надеюсь, вечером увидимся?

— Конечно!

Разобравшись с вещами, мы пожали друг-другу руки, после чего разошлись в разные стороны: Ежи быстрым шагом направился к зданию генерального штаба, а я — к стоянке такси, что была в конце улицы.

Знаете, чем хорош двадцатый век? Не догадываетесь? А вот я понял — о пробках на дорогах тут практически не слышали. Чтобы добраться до другого конца Варшавы на такси мне потребовалось каких-то десять минут и небольшая сумма в злотых.

О том, что пан Ковальский меня уже ждёт, я понял ещё на небольшой парковке перед весьма дорогим рестораном — автомобиль на котором мы буквально бежали из Франции уже стоял на свободном месте, аккуратно приткнувшись боком к бордюру, а за рулём скучал молодой парень в весьма дорогом костюме. Шофёр — тут же понял я.

Расплатившись с таксистом и покинув его чудесный «Польски-Фиат», я направился к главному входу в ресторан. Вот только спокойно пройти не удалось — дорогу мне преградил высокий мужчина, настоящий шкаф размером два на два метра, такой типичный вышибала, только в богато украшенной ливрее.

— Это очень дорогое заведение. Вам будет не по карману. — Негромко предупредил меня он.

— Я бы не был настолько категоричен. — Осторожно ответил ему я, сжимая правой рукой в кармане куртки карманный пистолет, увезённый из Франции.

Вообще, Франция меня многому научила — я, например, с той самой поездки ни одного дня не провёл без оружия в кармане. Да и языковой подготовкой озаботился — купил краткий польско-немецкий разговорник и начал разучивать ходовые фразы. Хорошо было бы найти учителя немецкого языка, вот только накануне своего перевода из Варшавы я в этом смысла не видел — на месте найду какого-нибудь преподавателя и буду честно учить язык с уклоном в военное направление.

— Пан офицер, я вам ещё раз повторяю, это заведение не для вас. Найдите себе что-то попроще. — Начал закипать швейцар.

— Слушай, уважаемый. — Начал закипать уже я. — Меня тут ждут. И если ты не освободишь дорогу, то я просто прострелю тебе колено и пройду дальше, перешагнув через твоё тело. — Свои слова я подтвердил, достав из кармана маленький пистолетик.

А знаете, что самое главное? Как-то неожиданно для самого себя я понял, что не шучу. А всему виной — та самая командировка во Францию, когда за несколько дней мне пришлось пострелять намного больше, чем за полгода-год в прошлой жизни, в двадцать первом веке.

Не знаю, что заставило швейцара изменить своё мнение — пистолетик в моей руке, направленный в его колено или твёрдость в моём голосе, когда я расписывал ему, что с ним будет, но он лишь слегка склонил голову, после чего огромной ручищей потянул на себя за ручку дверь и негромко, но с некоторым раздражением проговорил:

— Проходите, пан офицер.

— Так-то лучше! — Дружелюбно улыбнулся я, пряча пистолет в карман куртки.

Зайдя внутрь заведения, я обомлел. В первую очередь — из-за администратора заведения, которая оказалась весьма молодой девушкой. Но больше всего меня удивило не это, а тот факт, что эта девушка была как две капли воды похожа на одну мою бывшую одноклассницу, на ту самую пресловутую первую любовь, которая, бывает, настигает в школьные годы.

Девушка мне приветливо улыбнулась. Я, конечно, понимаю, что это её работа, но... я тоже улыбнулся и просто застыл с идиотской улыбкой на лице.

— Я могу вам чем-нибудь помочь, пан офицер? — Каким-то излишне мягким и таким знакомым голосом спросила она.

Ответа от меня не последовало.

— Пан офицер, вы в порядке? — Взволнованно спросила она, приблизившись ко мне на расстояние полутора шагов. В нос тут же ударил одурманивающий аромат дорогих духов.

А у меня резко загорелись уши — как когда-то в шестом классе, когда я впервые увидел её.

Девушка протянула руку ко мне и аккуратно дотронулась до моего плеча. Меня как будто током ударило и ваш покорный слуга, наконец, пришёл в себя.

— Извините. Вы настолько милы, что меня как будто молнией ударило... — Продолжил глупо улыбаться я.

Девушка также мило улыбнулась, но тут же приняла деловой вид и уточнила:

— Вы бронировали столик?

— Я, нет. Но меня тут ожидают. Столик должен быть на пана Ковальского.

— Да, вас ожидают. — Едва заметно кивнула девушка через секунду. — Прошу за мной. Верхнюю одежду можете оставить в гардеробе.

Благодарно кивнув и избавившись от куртки, а также фуражки, я направился следом за девушкой, не стесняясь при этом разглядывать её аппетитный вид сзади. И что характерно — мозгами понимаю, что сейчас у меня есть Тереза, которая в плане фигуры ничуть не хуже, но оторваться так и не мог. Наверное, из-за того, что эта незнакомка напоминала мне Нику?

Заведение, куда пригласил меня пан Ковальский было весьма интересным. В нём был общий зал для гостей «попроще», выполненный в викторианском стиле. Наш же путь шёл на второй этаж, где, как выяснилось, была «Вип-зона» для самых дорогих гостей. Внутри этой «вип-зоны» были целые кабинеты — чтобы гости могли спокойно расслабиться. В одном из таких кабинетов меня и ожидал пан Ковальский.

— Здравствуйте! — Вежливо поздоровался я с отцом Терезы.

— Здравствуй, мальчик мой! Надеюсь, ты будешь не против, если я буду тебя так называть? — Пан Ковальский поднялся из-за стола и протянул руку для рукопожатия в мою сторону.

— Пан Ковальский, я мог бы только гордиться, если бы вы меня так называли. — Улыбнувшись, пожал руку ваш покорный слуга.

— Отлично. Присаживайся, заказывай всё, что хочешь! — Устраиваясь поудобнее на своём диванчике, предложил отец Терезы.

— Благодарю! — Пристроив на одном из диванчиков свой портфельчик, я сел по правую руку от владельца заводов-газет-пароходов.

Потратив несколько минут на выбор заказа, мы дождались, когда молодой официант покинет наше общество, после чего пан Ковальский сразу же пришёл к делу.

— Ян, ты прекрасно понимаешь, что я не мог не навести справки по человеку, который встречается с моей дочерью?

— Пан Ковальский, я считаю, что любой любящий родитель должен знать с кем общается его ребёнок. — Осторожно ответил я.

— Это хорошо, что ты это понимаешь. — Кивнул бизнесмен. — После того, что случилось с Анной-Марией, старшей сестрой Терезы, я просто не мог пустить её жизнь на самотёк.

Ненадолго замолчав, пан Ковальский спросил:

— Ты знаешь про сестру Терезы?

Я отрицательно махнул головой.

— Анна-Мария была моим первенцем. Она была старше на четыре года. Росла шустрой девочкой, общалась с парнями, всё детство провела с дворовыми мальчишками. Ей никогда ничего не запрещалось. Была своеобразной любимицей. С отличием закончила школу, изучала иностранные языки. Сама поступила в институт. Она была красавицей. И вокруг неё всегда вились парни. Но у неё помимо красоты всегда хорошо работала голова, и она прекрасно понимала с кем нужно общаться, а с кем нет. — С гордостью начал свой рассказ пан Ковальский. — А потом она познакомилась с офицером. Лётчиком. Его звали Матеуш Милевский. Он был фанатиком неба и заразил этим Анну-Марию. Через какое-то время они поженились. Как свадебный подарок, Матеуш решил прокатить мою дочку на аэроплане.

Пан Ковальский замолчал — в кабинет вошёл официант с подносом, заставленным первыми блюдами. Дождавшись, когда он закончит свою работу, собеседник продолжил:

— Что-то случилось с этим аэропланом, и он сразу же потерял управление после взлёта. Спасти никого не удалось. — Ковальский налил себе в стакан воды из графина и в несколько глотков осушил его. — Анна-Мария была беременной. Вместе с ними в том полёте погиб и мой внук.

Ненадолго наступила тишина, которую опять прервал отец Терезы:

— Я очень хочу внуков, Ян. Но я не хочу, чтобы моя дочь связывалась не пойми с кем. Ты понимаешь это?

— Понимаю, пан Ковальский.

— Я наводил о тебе справки. Ещё полгода назад я бы сделал всё, чтобы ты исчез из жизни моей дочери. — Голос собеседника на долю секунды посуровел, но вскоре опять смягчился. — Отзывались о тебе, Ян, не слишком лицепрятно. Бабник, гуляка, да ещё и вечно в долгах при этом. Военное училище, опять же, закончил с трудом и благодаря

протекции полковника Сосновского. Встречался с дочерью полковника, но бросил её из-за официантки в третьесортном кабаке. И несмотря на это, ты стремился служить в войсках — написал больше десятка рапортов о переводе в войска. Всё верно?

Всю подноготную биографии «моего предшественника» мне узнать так и не удалось, поэтому я просто кивнул — информаторы таких людей очень редко ошибаются.

— Всё изменилось в начале этого года. Ты, к удивлению сослуживцев, резко занялся работой. Подготовил несколько прожектов, которые, однако, заинтересовали даже самого Маршала. Опять же, вступил в перестрелку с грабителями и был ранен. Во Франции тебе тоже удалось отличиться, ты спас мою дочь. И сейчас у тебя на службе все говорят о том, что ты сильно изменился. Выплатил все старые долги, перестал бегать по бабам. Всё верно?

— В целом, да. — Согласился я.

— А частности меня сейчас и не интересуют.

— Если честно сказать, я не могу понять, что вам от меня нужно? Что вы хотите услышать?

— Всё просто. Ты не словами, а делом доказал, что изменился в лучшую сторону. При этом командование от тебя жаждет избавиться. Я хочу, чтобы ты ушёл из армии. Польше ты уже послужил. Послужи теперь моей семье. Я не хочу, чтобы Тереза расстроилась из-за того, что ты уедешь служить в какую-нибудь глушь. Тереза в тебе души не чает, а я в ней. И я готов сделать всё так, чтобы вы были вместе. В любой точке мира. Что скажешь?

Глава 3. В Познани

После моего отказа наступила неловкая тишина, которая, к моему счастью, вскоре была прервана появлением Терезы. Нежно поздоровавшись с ней, я как-то неожиданно для себя обратил внимание на то, что пан Ковальский начал буквально таять. Вот что любовь, животворящая делает... Сразу видно — любящий отец, который для счастья своей дочери делает буквально всё, что только возможно. И это не может не радовать.

В общем, благодаря Терезе вечер удался на славу.

А на следующее утро я получил, наконец, приказ на перевод и проездные документы до Познани. И вместе с приказом у меня лежало устное требование — прибыть как можно скорее. Вот я и прибыл — к обеду следующего дня. Спасибо, авиасообщение уже было развито, конечно, не так сильно, как в моём времени, но всё-таки.

Вообще, в этом пути мне весьма немало везло. Лететь пришлось на более-менее комфортабельном Douglas DC-2 польской авиакомпании «Polskie Linje Lotnicze LOT». Конечно, «Дуглас» — это не привычный мне для авиаперелётов «Боинг» или «Тушка», но вышло очень даже неплохо. Во всяком случае, за самолётом следили и ухаживали. Ну и потрясло несколько раз — на взлёте, на посадке и в воздухе. Хорошо хоть, не дуло особо — так что не замёрз. Вот только поспать не удалось, но зато на перелёт был потрачен всего лишь час — поэтому я и устать не успел.

Как добрался до города можно рассказать всего одним словом — автобус. Да-да, тут ходил автобус. Так что — всё, можно сказать, цивилизно.

Пара пересадок, и всё — я у цели.

Что можно сказать о штабе армии? Эта важнейшая армейская организационная структура занимала здание какого-то особняка. У ворот — обычная полосатая будка, в которой ютился жолнеж в хорошо подогнанной форме, с карабином маузера на ремне. Тут же, поблёскивая белыми полосками на погонах, прохаживался капрал, весь перетянутый ремнями, с пистолетом в кобуре. Увидев меня, он тут же вскинул руку к козырьку своей фуражки:

— Пан поручик, капрал Мадей. Ваши документы?

Изучив бумаги, старший поста приказал часовому позвонить в дежурное помещение и вызвать провожатого, при этом как бы извиняясь передо мной за ожидание. Я же просто отошёл в тенёк и задумался о том, что же будет дальше...

Через несколько минут на КПП появилось новое действующее лицо — немолодой сержант в кавалерийской форме, с усами-щёточкой, очень сильно похожими на те, что носит Адольф Гитлер. Перекинувшись парой слов с дежурным капралом, провожатый, придерживая рукой шашку wz.34.

— Пан поручик, сержант Крупа. Прошу проследовать за мной. Пан генерал Кутшеба уже ожидает вас! — Вскинув два пальца к виску, сообщил мне он.

— Пройдёмте, сержант. — Ответив на воинское приветствие, сообщил я и не стал противиться, когда провожатый как бы случайно вытащил у меня из рук чемоданчик с вещами.

По аллее, с двух сторон засаженной деревьями идти было приятно: с одной стороны, глаз радовался — было видно, что за природой тут ухаживают; а с другой — тёплое весеннее солнышко, с трудом пробивающееся через кроны недавно расцветших деревьев, никак не

может тебе помешать. Красота! В таком бы месте гулять с девушкой под ручку, а не с усатым сержантом в одном строю...

Знаете, что лично мне бросилось в глаза сразу? Охранные меры, предпринятые на объекте. Стоило нам с провожатым только подняться по массивной лестнице ко входным дверям к особняку, как тут же появился кавалерийский поручик, который вежливо попросил предъявить документы и личные вещи к осмотру.

Нет, в принципе, оно и правильно. Бережёного — бог бережёт.

Ещё через несколько минут, когда все формальности были улажены, а молоденький хорунжий выписал мне номерной пропуск и записал мои данные (включая номера пистолетов) в большую амбарную книгу, мы, наконец, пошли дальше.

К счастью, кабинет генерала Кутшебы располагался неподалёку — для лучшей транспортной доступности — поэтому, по пути нам попало всего несколько штабных офицеров, которые, к моей радости, не обратили внимания на обычного поручика бронетанковых войск.

Опять приёмная: угловой стол буквой «Г», за которым расположился очередной поручик — он же секретарь, делопроизводитель и адъютант в одном лице; скучающий на поставленном в сторонку стуле немолодой капрал с орденом «Крест Храбрых» и медалью «Участнику войны 1918–1921» на кителе — денщик генерала.

Что характерно — оба были вооружены. У поручика была видна кобура с пистолетом Vis на боку, а у капрала — кавалерийская сабля и кобура с револьвером.

— Пан поручик, поручик Домбровский. К пану генералу! — Чётко доложил адъютанту провожатый, после чего, поставив на специальную подставку мой чемоданчик, лихо козырнул, щёлкнул каблуками и покинул нас.

— Поручик Гаевский. — Представился адъютант, после чего протянул руку. — Феликс.

— Поручик Домбровский! — Представился в ответ я, после чего пожал протянутую руку. — Ян.

— Пан генерал сказал мне сообщить сразу же, как вы прибудете. У вас будет две минуты на то, чтобы оправиться. — Поручик Гаевский показал рукой на неприметную дверь в углу.

Сделав несколько шагов и открыв эту неприметную дверцу, я оказался в небольшом помещении, в котором обнаружилась небольшая раковина с краном и большое, во весь рост зеркало. Быстро осмотрев себя в зеркало, поправил на голове фуражку, после чего оставшись довольным результатом, вышел.

Гаевский меня уже ждал.

— Проходите, пан поручик! — По-уставному сообщил он мне, после чего шёпотом, так, чтобы слышал только я, добавил:

— И понаглее. Генерал любит инициативных офицеров.

Кивнув в знак благодарности Гаевскому, я сделал несколько шагов вперёд и оказался в кабинете генерала. Дверь за мной тут же закрылась.

— Пан генерал, поручик Домбровский, представляюсь по случаю прибытия к месту дальнейшего прохождения службы! — Вскинув два пальца к козырьку, докладываю я.

Пока генерал Кутшеба изучал меня, ваш покорный слуга успел осмотреть рабочий кабинет генерала. Обычный такой, большой, светлый. По правую сторону — три огромных окна, открывающихся в полный рост, служащие выходом на балкон. По левую руку — доска на всю стену, на которой висели карты. Одна из них была закрыта занавеской, а вторая

изображала территориальное устройство Польской Республики и ближайших территорий соседних государств. По центру был большой дубовый стол, несколько стульев со спинками. У изголовья, на верхушке пресловутой буквы «Т», лежали какие-то документы, стояла настольная лампа. За спиной у генерала находились два польских флага — один с гербом, а второй нет. На стене висел портрет Маршала.

— Поручик Домбровский. — Будто пережёвывая, проговорил генерал моё имя. — Много о вас слышал. И если говорить честно, не всегда хорошее.

— Если бы вы слышали обо мне только хорошее, то это всё бы было по меньшей мере неправдой, а возможно, что и враньём. — Улыбнулся я.

— Тут вы правы, подпоручик. — Генерал Кутшеба засмеялся, но вскоре вновь перешёл к делу. — Мне нужен толковый командир танкового подразделения. Тот, кто не смотрит зашоренным взглядом, тот кто готов рисковать, тот, кто может предлагать что-то новое. В генеральном штабе мне рекомендовали вас, как подходящего под эти критерии офицеры. Это так?

— Пан генерал, сам судить о себе не могу, но, если вам кто-то рекомендовал меня, вероятно, это хотя бы от части верно. — Продолжая стоять по стойке смирно, ответил я.

— Что же, тут вы правы. Присаживайтесь. — Генерал Кутшеба повелительно опустил правую руку, и, дождавшись, когда я займу свободное место, продолжил. — Как вы видите свою службу, поручик?

— Новаторски. — Не задумываясь отвечаю генералу, дождавшись вопросительного взгляда командарма, продолжил. — Я считаю, что концепция применения бронетанковых сил в нашей армии неверна.

— Бросаться словами каждый может. Вы сможете обосновать свои мысли? — Генерал скептически повёл бровью.

— Так точно, пан генерал. Могу. Разрешите? У меня есть несколько записей на этот счёт.

— Извольте, поручик. — Согласно кивнул генерал.

Через несколько минут звенящей тишины, прерываемой лишь редким шелестом страниц обычной ученической тетрадки в клетку, Кутшеба вновь поднял на меня взгляд.

— Весьма занятные размышления. — Задумчиво протянул генерал. — Но тут есть весьма расплывчатые заметки на тему оборонительных боёв силами танкового взвода и роты. В ваших записях ничего нет о концепции применения танковых войск.

— Не согласен с вами, пан генерал. — Вскочил на ноги я, принимая строевую стойку. — В моих заметках есть размышления о применения малых танковых подразделений в оборонительных боях против превосходящих сил противника, имеющих на вооружении, преимущественно автомобильную и бронированную технику, а также пехоту. На первом рисунке изображены действия одиночного экипажа в бою из засады. На втором — действия танкового взвода в бою из засады. На третьем — действия танковой роты. Главными требованиями при ведении такого боя являются: внезапность действий, тщательно замаскированного танкового подразделения. Во всех заметках описываются бои во взаимодействии с пехотой прикрытия. Наша же концепция применения бронетанковых войск основывается на французской, и, не предусматривает ведения боёв танками против танков. В случае ведения войны все танковые части размазываются между пехотными и кавалерийскими бригадами и дивизиями, не позволяя нам организовать численный перевес на узком участке фронта. Ряд соседствующих с нами стран, как мне известно, создают

крупные танковые части. Например, в танковой дивизии германского Вермахта, в среднем, около ста пятидесяти танков различных типов. Основу составляют лёгкие Panzer-1 и Panzer-2. С ними наши танки 7-ТР могут бороться с любой дистанции. С более тяжёлыми Panzer-3 наши танки сопоставимы. С более тяжёлыми машинами, типа танка модели четыре, наши танки могут бороться только из засад. У нас же, основу, составляют танкетки ТК-3 и ТКС эффективные в борьбе против пехоты.

— С теорией, как я вижу, вы знакомы, поручик. — Благожелательно кивнул генерал. — Что конкретно вы можете предложить для исправления ситуации?

— Хотя бы в масштабах вашей армии?

— Именно.

— Тогда мне требуется знать, в каком качестве вы планируете использовать имеющиеся у вас танки. Если армия будет вести оборонительные бои, то на основе кавалерийских и танковых частей можно создать подвижную бронекавалерийскую группу для нанесения контрударов по прорвавшемуся противнику. Если же армия будет вести наступательные бои, эту бронекавалерийскую группу требуется усилить артиллерией, чтобы взломать оборону. При идеальном стечении обстоятельств, требуется вводить эту сводную группу на участке фронта, где позиции противника уже прорваны. Но для продолжительного наступления полутора десятка танков точно не хватит.

Генерал в очередной раз кивнул.

— Что, по-вашему мнению требуется для успешных наступательных боевых действий? — Уточнил Кутшеба.

— Танковый полк. Ну или десятая кавалерийская бригада, усиленная ещё одним танковым батальоном.

— Насколько я знаю, десятую кавалерийскую бригаду уже усилили танками? И вы приложили к этому руку? — Уточнил Кутшеба.

— Так точно, пан генерал. Две отдельные танковые роты должны уже сформироваться и проходить обучение совместно с десятой бригадой. Я лично подбирал командиров этих рот. — Коротко доложил я командарму.

— Мне удалось добиться создания усиленной танковой роты в составе армии. К концу года, возможно, я додавлю их на то, чтобы развернуть в составе армии отдельный танковый батальон. Так как вас, поручик, рекомендовали на должность командира роты, вам эту роту и создавать с нуля. — Генерал встал из-за стола и направился к открытой карте, достал с полки под доской школьную указку, начал водить ей вдоль границы. — Обстановка на границе очень сложная. Любое увеличение численности войск может быть воспринято немцами как акт агрессии, поэтому работать вам придётся максимально аккуратно. Вам всё понятно?

— Так точно!

— Что вам требуется прямо сейчас?

— Для создания роты — шестнадцать лёгких танков. Желательно, 7-ТР в однобашенном, пушечном исполнении. Четыре офицера. Трое — на должности командиров взвода. Один — на должность техника роты. Восемьдесят семь солдат и сержантов. Личное оружие.

Протянув генералу свой блокнот, я продолжил доклад:

— Для создания подвижной мобильной группы — шестнадцать танков, пять броневых автомобилей или пять танкеток ТК-3 или ТКС, взвод мотоциклистов — десяти

мотоциклов с колясками и пулемётами, двадцать грузовых автомобилей, полевая кухня, рота пехоты, миномётная батарея или огневой взвод трёхдюймовых орудий.

— Мотоциклисты? — Вопросительно переспросил генерал.

— Так точно. Для охраны, разведки, связи. Танкетки нужны для поддержки пехоты, как средство усиления для танков. Бронеавтомобили для охраны транспорта снабжения, для связи и разведки. Автотранспорт — для перевозки боеприпасов, топлива и пехоты, транспортировки раненых. Кухня — для повышения автономности. Миномёты Брандта или трёхдюймовые орудия — для уничтожения полевых укреплений, которые не могут взять танковые пушки. Лучше всего бы было иметь и пушки, и миномёты.

— Будь ваша воля, поручик, вы бы всю армию на нужды своего отряда разобрали. — Улыбнулся генерал. — В первую очередь займитесь созданием роты. Я подумаю над остальным.

— Слушаюсь, пан генерал! — В очередной раз вытягиваюсь я.

— Вы где остановились, поручик?

— Нигде, пан генерал. С самолёта я отправился сразу в штаб.

Генерал понятиво кивнул, после чего нажал на невидимый с моей стороны звонок. Спустя минуту в дверь постучали, и, дождавшись повелительного «войдите», в дверном проёме появился адъютант генерала.

— Поручик Гаевский, подберите поручику Домбровскому жильё с хорошей транспортной доступностью. Также подготовьте приказ о выделении поручику транспортного средства. Я считаю, ему предстоит много передвигаться. Думаю, мотоцикла с коляской ему хватит. Также, выделить из армейской автомобильной роты два грузовика с водителями в распоряжение поручика Домбровского. Из состава батальона охраны выделить отделение солдат на обустройство расположения танковой роты. Также требуется подобрать подходящее место для пункта постоянной дислокации отдельной танковой роты. Подробные критерии опишет поручик. Вопросы?

— Никак нет! — Вытянулся Гаевский.

— Вы свободны! От вас, поручик Домбровский, к завтрашнему обеду я жду документацию по комплектованию роты. Вопросы?

— Никак нет!

— Вы свободны. Жду с докладом завтра после обеда.

— Слушаюсь!

Откозыряв двумя пальцами и повернувшись через левое плечо, я сделал три строевых шага, после чего оказался в приёмной. На этот раз там было многолюдно — на диванчике устроился незнакомый полковник кавалерии, а у окна негромко переговаривались майор-артиллерист и подполковник-пехотинец.

— Присядьте, пан поручик. Мне нужно сделать несколько звонков. — Рекомендовал Гаевский, возвращаясь на своё рабочее место.

Сидячих мест не оставалось — сидеть возле полковника мне было не почину, к разговаривающим офицерам мне тоже был путь заказан — я заметил, как они недоумённо изучали меня и даже слегка притихли, когда обычный бронетанковый поручик вышел из кабинета генерала.

Через пять минут, когда Гаевский уже сделал несколько звонков, а я уже замучился стоять под перекрёстными взглядами вышестоящих офицеров, поручик Гаевский протянул мне вырванный из блокнота листок.

— Это адрес пани Лисовской. Она сдаёт комнату со столом офицерам. Но не всем. Цены вполне приличные. Квартира тоже приличная. Есть телефон. Рядом автобусная остановка. За углом — сквер. Район хороший. На той же улице есть продуктовая и бакалейные лавки.

Дождавшись, когда я изучу адрес, поручик продолжил:

— На другой стороне листа дорожная схема, как вы сможете пройти.

— Благодарю.

Достав чистый бланк, поручик начал быстро что-то писать от руки, после чего взял в руки массивную печать, которую достал из верхнего ящика своего стола и проштамповал слегка желтоватый лист бумаги формата А-4.

— Это командиру автотранспортной роты. Он выделит мотоцикл...

Глава 4. Мобильная группа при штабе армии

Что самое сложное в создании чего-то нового? Правильно — начать. Хорошо, что помощь мне оказали всестороннюю и разноплановую, начиная от выделенного кабинета, и, заканчивая, пишбарышней с пишущей машинкой, на которую я свалил весь документооборот, которого было оказалось неожиданно много.

За первую неделю своего пребывания в штабе армии «Познань» мне удалось завести знакомство с огромным количеством различных офицеров. С кем-то мы вполне мило пообщались, кто-то искренне предложил мне свою помощь в надежде на то, что я при случае упомяну их при генерале, а кто-то согласился сделать чуть больше, чем от него требовалось за небольшую мзду. Спасибо, денег после французских приключений хватало, поэтому квартирмейстеры из штаба армии свою работу сделали буквально за пару дней — нашли на окраине Познани два больших здания, в которых, при желании, весьма комфортно можно было разместить сотни две человек. И что самое главное — на территории был огромный ангар с крышей, который вполне можно было приспособить под ремонтный цех, который на это лето был очень нужен — чувствую, что во время обучения этот цех простаивать точно не будет.

Кадровики армии, не без смазки в виде нескольких бутылок французского коньяка помогли подобрать офицерский и унтер-офицерский (сержантский) состав роты из тех, кто имел хоть какое-то представление о танкетках, бронев автомобилях и танках. В общем — к концу недели, в казармах появились первые постояльцы, которые и перестраивали выделенные для нас помещения так, как это требовалось мне.

Сложнее всего было договориться со снабженцами. Как известно, снабженцы — это самые прижимистые люди во всех армиях, которые только и делают, что стараются всучить тебе какой-нибудь неликвид, сохраняя действительно качественное снаряжение для «особо дорогих» гостей. Вот таким гостем мне и пришлось стать, положив в конверт приличную часть того, что мне передал пан Ковальский за спасение своей дочери. Зато буквально на следующий день, у крыльца с табличкой «Казарма № 1» уже стояло сразу три армейских «Урсуса», из которых солдаты временно приданного мне взвода охраны выгружали разнообразное вещевое довольствие. После того, как один из моих сержантов сверялся с описью, под присмотром другого сержанта бойцы перетаскивали тюки с обмундированием и ящики с различным имуществом в две комнаты, не имеющие окон, где всё аккуратно раскладывали по уже готовым полкам. Когда разгрузка была закончена, я сам внимательно пересчитал всё полученное, сверился со списками и закрыл двери на большие амбарные замки, ключи от которых были только у меня.

Постепенно расположение роты обретало вид, подобающий нормальной воинской части: на плацу появилась разметка, был отремонтирован и перестроен забор, скрывающий от чужих глаз всё то, что я не желал бы показывать чужим наблюдателям, пусть и числящимися гражданами Польши.

К концу второй недели пришла давно желанная новость — по моему запросу из танкового учебного центра в крепости Модлин подготовили команду из шестнадцати механиков-водителей, освоивших как танкетка ТКЗ и ТКС, так и лёгкие танки 7ТР.

На самом деле, хорошие механики водители в любой армии ценятся на вес золота. Особенно сейчас, когда большая часть населения страны мало знакома с более-менее

современной техникой. Шутка ли — в полях ещё зачастую пашут деревянными инструментами, ведь далеко не все землевладельцы могут позволить себе современный инструмент. В общем — учить людей прогрессу и учить. И это в европейской стране! Хотя, думаю, в СССР не лучше, хотя в ней и созданы машинно-тракторные станции.

Прикинув, вызвал к себе в кабинет двоих сержантов и одного подпоручика, служившего ранее в броневтомобильном отряде одной из кавалерийских бригад армии.

— Подпоручик Левантовский, вы с сержантами Мухой и Белецким отправляетесь в командировку за пополнением. В танковом учебном центре услышали мои мольбы, и, они готовы предоставить нам шестнадцать механиков-водителей под наши ещё не приехавшие танки. Поедете на двух грузовиках из состава автомобильной роты армии. Срок командировки — трое суток. Сутки на дорогу, сутки на то, чтобы составить впечатление о новобранцах и отобрать из них лучших, ещё сутки на обратную дорогу. Вопросы?

Молодой (ему не было ещё и двадцати двух лет) подпоручик невысокого роста, внимательно посмотрел мне в глаза и уточнил:

— Брать лучших по каким качествам? По знанию техники или по покладистости и дисциплине?

Не менее внимательно я посмотрел на Левантовского — первого офицера, оказавшегося в моём подчинении. С каждым днём он нравился мне всё больше и больше. Был слегка гонорист, как и любой другой шляхтич, но при этом дело своё знал весьма неплохо. Был при этом неплохим собеседником и хорошим организатором. Он, например, смог организовать в кратчайшие сроки надлежащую караульную службу, питание вновь прибывающего личного состава. Он же проводил каждодневные строевые занятия — не сказать, что я бы был их поклонником, но солдат было просто необходимо чем-то занять, потому что они уже умудрились подражаться с писарями из штаба армии, за что я, как командир роты, успел уже иметь весьма малоприятную беседу с самим командующим армией «Познань» генералом Кутшебой.

— Брать тех, кто отлично знает технику, но при этом не до конца забыл про дисциплину и устав. — Коротко пояснил я. — Сержантов назначаю командирами маршевых отделений. Они же ответственные за выдачу продовольствия на руки. Продукты выдавать только на стоянках. И следить, чтобы вчерашние курсанты танкового учебного центра не подумали, что попали на волю, чтобы они тут же не стали искать приключения на свои задницы. Ясно?

— Так точно, пан поручик! — Ответили все трое.

— Командировочное предписание, продуктовые и вещевые аттестаты получите у капрала Вишневецкой. Она уже поставлена в известность. Командир автомобильной роты также выделит вам транспорт. Отправление завтра утром. В семь часов. Ещё вопросы будут?

— Никак нет! — Ответил за всех подпоручик.

— И последние, оружие и боеприпасы берёте с собой. На всякий случай. Вы свободны.

— Так jest! — Козырнув двумя пальцами, все трое повернулись через левое плечо и покинули кабинет. Я вновь оказался один...

На следующее утро, сразу же после отправления в Модлин людей за пополнением, прямо перед контрольно-пропускным пунктом, установленным у главных ворот во двор, где расположились казармы моей роты, меня нашёл посыльный из штаба армии.

— Пан поручик, вам пакет из штаба армии! — Вытянувшись по стойке смирно, доложил мне молодой капрал в ладной форме, с кобурой и полевой сумкой на боку, из которой он

достал небольшой серый пакет с сургучной пломбой и небольшой блокнот в кожаном переплёте. Дождавшись, когда я осмотрю пакет и проверю его на целостность, попросил. — Распишитесь пожалуйста, пан поручик! Мне отчитаться перед начальником канцелярии требуется!

Поставив размашистую подпись в блокноте о получении, я отпустил посыльного, а сам направился в сторону своей канцелярии — требовалось изучить содержание пакета, а также заняться планами на день.

Впрочем, с самого утра всё пошло наперекосяк. Вначале посыльный, потом звонок из штаба на телефон дежурного — и вот он я, прыгаю в мотоцикл и мчусь в штаб армии.

После коротких формальностей с охраной — сдача оружия и проверка документов, хотя меня здесь все уже неплохо знают в лицо — я стоял в приёмной генерала и ожидал, когда же меня вызовут. К счастью, долго ждать не пришлось — буквально через пару минут вышел Гаевский и пригласил меня в кабинет, шепнув при этом о том, что генерал в хорошем расположении духа.

Генерал Кутшеба мне понравился сразу, с первой встречи — знающий, деятельный командир, поэтому долго упрашивать меня было не надо и я, перейдя на строевой шаг, вошёл в кабинет:

— Пан генерал, поручик Домбровский по вашему приказанию прибыл!

— Присаживайтесь, поручик! — Кивнул на свободное место генерал, не отрываясь от своих бумаг.

Я послушно занял предложенное место и стал ждать.

— У меня для вас хорошие новости. Мне удалось добиться разворачивания на основе вашей отдельной танковой роты экспериментальной подвижной мобильной группы в составе усиленной танковой роты, взвода броневых автомобилей, взвода мотоциклистов, артиллерийской батареи на механической тяге и усиленной роты пехоты.

Увидев, как загораются мои глаза, генерал тут же слегка умерил мой пыл:

— Рота пехоты и артиллерийская батарея будут выделены из резервного батальона, и, как вы понимаете, там собрались далеко не лучшие солдаты.

— Это уже лучше, чем ничего, пан генерал. — Осторожно ответил я.

— Да, я тоже так думаю. На следующей неделе вам прибудет первая техника. Это будет десять бронемашин. Пять танкеток ТК-3 с ремонта и пять броневых автомобилей WZ.34. Ещё через неделю прибудут танки. Двумя партиями по восемь штук. 7ТР. Орудия будут тоже из ремонта. Прибудут вместе с расчётами. Пехотная рота будет к концу недели. Можете готовить вторую казарму. Людей для подготовки второй казармы вам выделят. Также я добился о выделении в нашу армию ещё трех десятков грузовых автомобилей с водителями сверх штата на нужды нашей армии. Все они переподчиняются вам для повышения мобильности. Пока на три месяца. В начале августа, если ваша мобильная группа не покажет себя с самой лучшей стороны, она будет расформирована, а все подразделения вернутся в свои полки. Судьба вашей же роты будет решаться уже не мной. Вам всё ясно, поручик?

— Так точно, пан генерал! — Вытянувшись, гаркнул я, возможно, слишком громко, чем вызвал высочайшее неудовольствие начальства и заставил его поморщиться.

— Вот ещё что, поручик. Провалиться вам нельзя. Мне дали понять, что во время одной из проверок вашей мобильной группы будет присутствовать сам Маршал, который и примет дальнейшее решение о сохранении или о расформировании мобильной группы в составе армии "Познань". Если во время июльских манёвров выяснится, что ваше подразделение

будет эффективно, будет принято решение о создании подобных подвижных групп при каждой армии. Вы понимаете, какая на вас лежит ответственность?

— Так точно, пан генерал! — Уже тише отвечаю я.

— Да сядьте вы уже, поручик! И это ещё не всё. Мне также дали понять, что с покупками танков во Франции у нас идёт должным образом. Так что, если всё пройдёт хорошо, вы сможете рассчитывать на ещё одну танковую роту, и это как минимум. Но это к концу года. Если на новых французских танках или на тех же 7ТР. — Генерал ненадолго замолчал, после чего резко изменил тему. — А что вы думаете о танках конструкции "Рено"?

— Танки Рено ФТ-17, - Не вставая, продолжил я. — Первые танки классической схемы. Остаются на вооружении Польши, Франции и ряда других стран по сей день.

— Верно. У нас большое количество этих машин. Они освоены войсками. Я подал рапорт с просьбой о переподчинении одного из батальонов на этих танках в состав нашей армии.

Помолчав ещё несколько секунд, генерал продолжил:

— Если всё получится и их придадут нашей армии, вам, поручик, придётся с ними взаимодействовать. Учтите это. И последнее. Я за вас поручился, поручик. Вы свободны.

— Спасибо, пан генерал! — Вытянулся я вновь по стойке смирно, после чего повернувшись через левое плечо, строевым шагом ушёл.

Конечно, рассчитывать на то, что кто-то мне даст лучших бойцов из имеющихся мне уж точно не стоило — спасибо, что, хотя бы это выделили. Да и целая батарея на механической тяге — это тоже немаловажно. Вопрос только в том, какие именно орудия и какая именно механическая тяга. Хотя опять же — танкетки тоже дали, их вполне можно приспособить под артиллерийские тягачи — установить сверху крепления под ящики с боеприпасами, возможно, соорудить какой-нибудь помост, а также приварить простейшие скобы и посадить, чтобы держались за них, расчёт орудий.

В любом случае — решать что-то будем, когда все наличные силы соберутся в кулак и пройдут первые учения на слаженность.

А ведь генерал ещё пробивает переподчинение себе целого танкового батальона — а это без малого полсотни машин. Пусть старых, пусть, многие из них вооружены пулемётами, но на тридцать девятый год эти машины — ещё сила. И силу эту стоит использовать правильно. Вот только как донести это до командования? Хотя генерал у нас точно — не глупый, иначе бы не доверился мне, не пробивал бы технику для меня из резерва, а просто бы посадил на роту и не церемонясь заставил заткнуться и делать так, как им сказано. А так — я вполне вольготно устроился. В общем — с таким генералом точно нужно держаться в хороших отношениях. Он точно не обманет, не подведёт и не предаст.

Часа через пол (так долго, потому что я ехал неспешно, рассматривая город), когда я вернулся в расположение роты, меня ждала приятная неожиданность, о которой мне сообщил дежурный офицер.

— Пан поручик, подпоручик Хмель! — Приложив руку к козырьку своей фуражки, доложил мне он, когда я только подъехал к КПП. — За время вашего отсутствия происшествий не произошло.

— Отлично! — Кивнул я, и, собрался, было, уже заезжать на территорию, как подпоручик продолжил:

— Но вам передали записку, пан поручик!

Под моим вопросительным взглядом дежурный офицер простоял совсем недолго,

буквально через несколько секунд он достал из своей полевой сумки сложенный вдвое листок и протянул его мне. В нос тут же ударил лёгкий, цветочный аромат женских духов. В голове почему-то щёлкнуло, что Тереза использует точно такой же аромат.

Раскрыв записку, я быстро прочитал несколько слов, написанных хорошо знакомым мне почерком:

«Я поселилась на улице Мотейко. Жду тебя!»

— Вот что, подпоручик! Я буду через полтора часа. В случае необходимости высылайте посыльного по вот этому адресу... — Назвав адрес, куда меня заманивала Тереза, я завёл мотоцикл и лихо развернувшись, помчался набирая скорость на встречу с человеком, с которым меня связывало слишком многое...

Глава 5. Не у дел

Остатки апреля и весь май прошли в организационных моментах: прибывало пополнение, снаряжение, вооружение и техника — требовалось всё и всех разместить, одеть, обусть, накормить. В итоге, к боевой учёбе приступили только первого июня тысяча девятьсот тридцать девятого года. До начала глобальной мясорубки оставалось ровно три месяца.

Нет, не нужно говорить, что боевой подготовкой мы раньше не занимались — ещё как занимались, но, в основном, на взводном уровне. Каждую неделю, через день отдельные подразделения отправлялись на стрельбище, где проводились стрельбы боевыми патронами. За эти полтора месяца я буквально завалил начальство рапортами с просьбами увеличить отпуск боеприпасов для обучения личного состава боевым навыкам. Генерал Кутшеба, понимая, что вскоре предстоит большая проверка самим Маршалом (о чём мне по секрету сообщили отдельно), поддерживал буквально все мои начинания. И даже кое-что добавил от себя — так, например, из своего штаба мне подкинул пару офицеров на должности офицеров штаба мобильной группы, вместе с ними прибыл и радиогрузовик на базе новенького «Польского Фиата-621». В общем — постепенно вся группа приводилась в норму.

Каждое утро начиналось со всеобщего построения с поднятием государственного флага под барабанный бой — спасибо, генерал Кутшеба на это мероприятие выделил армейский оркестр. После завершения торжественной части, все подразделения разводились на предписанные по плану работы. Чаще всего, экипажи танков и танкеток проводили от шести до восьми часов «на броне», изучая особенности своих боевых машин, а также обучаясь на месте устранять различные поломки на месте. Там, в своём далёком прошлом-будущем, я неоднократно читал о больших небоевых потерях танковых войск Красной Армии из-за низкой квалификации экипажей. Сейчас же я с просто считал необходимым сделать всё, чтобы такой проблемы в моём подразделении не могло быть.

Пехотинцы выделяли по взводу через день для проведения боевых стрельб. Остальные два взвода пехоты занимались охранными мероприятиями, а также налаживали отношения с местным населением. Проще говоря, я сдавал часть бойцов «в аренду» различным местным предприятиям — то отправлю отделение в пекарню на погрузочно-разгрузочные работы, и на вечернем столе появится прекрасный белый хлеб; то одно отделение отправится к железнодорожным мастерским — и к концу недели, в случае необходимости, нам оказывается помощь в ремонте наших машин. В общем — все были довольны. Ещё и Кутшеба поддержал — спасибо ему.

Поздним вечером последнего майского дня тридцать девятого года, в одном из кабинетов в здании штаба армии «Познань» было весьма многолюдно. Царила рабочая атмосфера: всюду слышались переговоры, офицеры шуршали картами, нанося всю необходимую информацию, которую озвучивал подполковник Соболевский, прибывший аж из Варшавы.

Информации было очень много, но всю её можно было охарактеризовать одной простой фразой, переделанной из названия знакомой мне комедии в пяти действиях великого русского писателя Николая Васильевича Гоголя «Ревизор».

— Таким образом, сам Маршал будет оценивать возможность создания отдельных подвижных групп в составе армий. Поэтому, я считаю, что к предстоящим учениям стоит

отнестись с максимальной ответственностью. — Голос подполковника Соболевского стал буквально звенеть от напряжения...

Сигнал тревоги прозвучал как обычно — неожиданно, хотя его и ждали. Тут же началась обычная в таких случаях суэта — экипажи боевых машин, только натянув комбинезоны и свои танковые шлемы, тут же бросились к своим бронированным монстрам. Пехотинцы, вскрыв в присутствии взводных командиров оружейные комнаты, покидали казармы и начинали строиться на плацу. В общем — всё как обычно, только на этот раз в больших масштабах.

Дождавшись, когда в кабинет войдёт наблюдатель из штаба армии и протянет мне запечатанный конверт, я быстро осмотрел его и при помощи канцелярского ножа, вскрыл его. Бегло изучив, начал раздавать указания:

— Поступил приказ о сосредоточении манёвренной группы к западу от городка Гнезно. От нас это примерно в полусотне километров...

Не успел я договорить, как в кабинет вбежал посыльный в чине хорунжего, на этот раз, от самого Маршала. Приложив два пальца к козырьку своей щегольской фуражки, он обратился к майору-наблюдателю из штаба армии.

— Пан майор, вам пакет.

Получив конверт с указаниями и бегло их изучив, наблюдатель выдал новую вводную:

— В ходе авиационного налёта на расположение мобильной группы, был ранен командир подразделения, шестеро солдат пехоты, а также выведено из строя три единицы бронетехники.

Первым сориентировался уже знакомый мне по встрече с Маршалом капитан Галецкий, командовавший временно приданной мне пехотной роты из резервного полка:

— Как старший по званию из присутствующих, принимаю командование!

Более молодые офицеры молча согласились, уткнувшись в свои полевые сумки и держа в руках карандаши, ожидая дальнейших приказов.

Что я могу сказать? Капитан Галецкий командовал грамотно — это было видно невооружённым взглядом, я бы так точно не смог. Во всяком случае, он буквально минут за десять успел наметить маршрут движения сводной группы, определил порядок движения, и, даже, успел послать по дороге вперёд пару броневедомостей и три мотоцикла. К счастью, благодаря поддержке генерала Кутшебы, мне удалось выбить дополнительные радиоприёмники и радиопередатчики, и, теперь, например, на каждом броневедомости WZ.34 были полноценные радиостанции, позволяющие не только принимать сообщения, но и отправлять их, что было весьма немаловажно для ведения разведки.

Вообще, работа была проделана колоссальная — так, например, полностью радиофицированы были все машины командиров взводов, а также все броневедомости. Радиоприёмники, позволяющие принимать сигналы (но не отправлять их), получили все танки и танкетки. В общем, в случае необходимости, радиосвязью можно было пользоваться до тех пор, пока те самые радиостанции не выйдут из строя, что, впрочем, могло случиться весьма быстро, так как квалификация наших радиотелеграфистов оставляла желать лучшего.

Переделки бронетехники касались не только средств связи. Так, например, на каждый танк и танкетку приварили по несколько обычных строительных скоб, что позволяло разместить пехоту на бронетехнике и позволяло пехотинцам не опасаться падений — держаться же было за что. Местные умельцы же в эти скобы пропустили несколько верёвок, что позволило на танке 7ТР усаживать не пять человек, а десять — тем было необходимо

только держаться за протянутые канаты. Самые хитрые же бойцы обзавелись небольшими кусками верёвок и страховали себя, цепляя один конец к скобе, а другой к своему ремню. Хитрые узлы, которые вязали эти немолодые, умудрённые жизнью солдаты, позволяли достаточно быстро развязать верёвку и вступить в бой в пешем порядке — специально с одним из взводов проверяли такую возможность. Вот именно этот взвод своей роты капитан Галецкий и решил разместить на броне моих танков.

— Взвод подпоручика Щипаньского размещается на броне танков. — Продолжил капитан. — В освободившиеся грузовики необходимо загрузить максимальное количество топлива. На погрузке будет задействован взвод подпоручика...

Всё правильно — топливозаправщиков у нас нет, поэтому приходится изворачиваться с бочками. И, что не могло не радовать, уже знакомый мне Галецкий не стал отклоняться от плана, составленного нами совместно. Идею танкового десанта не старый ещё офицер оценил сполна. Вот и старался сейчас показать наше «ноу-хау» вышестоящему командованию...

Погрузка всего, и вся закончилась где-то через час. За это время офицеры всех подразделений умудрились собрать буквально всё имущество, что числилось за нашей сводной группой. К этому времени наш передовой отряд в составе отделения пехоты на грузовике, двух броневых автомобилей и мотоциклистов (отделение пехоты Галецкий отправил в самый последний момент, когда наши разведчики уже выстраивали свою технику перед КПП и готовились к отправке) покинули город и катили по второстепенной дороге на восток. Почему по второстепенной дороге? Да потому что стоял приказ — скрытно сосредоточиться у города Гнезно. Конечно, полностью скрыть почти три сотни человек с несколькими десятками единицами техники просто нереально, но избегать основных трасс, где нас точно будут искать — вполне возможно...

Впрочем, меня это уже не касается — не я руковожу. Мне осталось, только сидеть в легковушке наблюдателя, да надеяться, что всё пройдёт так, как запланировано...

Глава 6. Сторонний наблюдатель

Полсотни километров — это много или мало? Если идти пешком — конечно, много. На машине всяко легче. Вот только хуже, если едешь в походной колонне воинского подразделения, но это в любом случае лучше, чем идти это расстояние пешком.

Дабы не томить вас долгими рассуждениями о том, что плохо ехать намного лучше, чем хорошо идти, я сразу же скажу — доехала сводная группа хорошо и вовремя, и, даже не была обнаружена с воздуха. Последнему обстоятельству я был предельно рад, наблюдая с опушки лесочка за кружащим где-то на пределе дальности зрения в бинокль.

Довольным оказались и наблюдатели из штаба армии, и контролёр от самого маршала Рыдз-Смиглы:

— Ваши люди вовремя затеяли привал, пан поручик! — Шепнул мне на ухо равный со мной в звании молодой офицер со знаками различия пехотинца.

— Благодарю, пан поручик! Мы на это делали особый упор во время обучения! — Не скрывая свою гордость, заявил я. — Но полтора месяца на обучение такого сводного подразделения, явно маловато.

Последнюю фразу услышал подполковник из штаба генерала Кутшебы и вопросительно спросил:

— Но вы же успели?

— Успел. Но не всё. Например, подобных маршей ещё не было совершено ни одного. До полигона, мы, конечно, добирались, но обычно, малыми силами.

— Что, поручик, — Как-то снисходительно начал майор, возглавляющий группу офицеров-наблюдателей из штаба Рыдз-Смиглы, — Волнуетесь?

— Переживаю. — Осторожно отвечаю я. — Слишком мало времени было дано для получения техники и обучения личного состава. Квалификация водителей уж точно оставляет желать лучшего.

— Что вы этим хотите сказать? — Уточнил поручик.

— Всё предельно просто. Без происшествий этот марш уж точно не пройдёт!

Как говорится, как в воду глядел! На одной не слишком широкой переправе через узкую речонку с топкими берегами, шофёр запаниковал и слишком резко повернул рулём, из-за чего, выезжая из брода, сел на брюхо. Но хуже всего было то, что с каждым нажатием на педаль газа, автомобиль всё больше и больше закапывался в прибрежный песок. Приятного мало, но не критично — при помощи отделения пехотинцев с малыми пехотными лопатками удалось освободить «Урсус» из плена, а при помощи пары танкеток ТК-3 и нескольких тросов, загрузенную бочками с бензином машину удалось практически без труда вытащить и поставить на ход. Вот только молоденького водителя от выволочки это уж точно не спасло. Впрочем — такая уж его, шофёрская доля — выслушивать в свой адрес очень много интересного.

В дальнейшем возникла ещё пара неприятных моментов — один из лёгких танков 7ТР, вдруг, при резком повороте, потерял гусеницу, но при помощи других экипажей, поломка была быстро исправлена, и, уже через десяток минут, колонна продолжила движение. А второй, когда на одном из броневедомителей водитель не справился с управлением и повалил на обочину телеграфный столб — даже вспоминать не хочется. Придётся ещё от местных ловить гневные телеграммы о том, что армия, которая должна этих самых местных

пейзан защищать, вдруг, крушит всё вокруг.

Стоит ли говорить, что о каждой из неприятностей, случившихся в дороге, наблюдатели сделали записи в своих блокнотах?

В общем, доехали — и хорошо.

Специально подготовленный для нас полигон представлял собой большое, километра три на два поле с лесом по левому краю. Целую неделю инженерно-сапёрный батальон строил полноценные огневые позиции для пехотного батальона с усилением. Целую неделю бойцы расставляли по полю кольца с колючей проволокой, мишени, изображающие пулемётные точки, батареи противотанковых орудий и танки вероятного противника.

Во избежание неприятностей, в оцепление поставили целый батальон пехоты, а в качестве патрулей по периметру пустили эскадрон гусар одной из кавалерийских бригад армии «Познань».

На месте нас уже ждало высокое начальство. У большой штабной палатки, на специально вытоптанном поле аккуратным рядком, под присмотром угрюмых часовых стояло почти полтора десятка легковых автомобилей. Сильно выделялись два чёрных, лакированных лимузина, явно неместного производства. Когда я проходил мимо, смог разглядеть шильдик — «Паккард». Оба автомобиля явно принадлежали самому высокому начальству.

Пара автомобилей с наблюдателями, следовавшими в составе сводной моторизовано-механизированной группы, остановилась чуть в сторонке, должно быть, чтобы не смущать высокое начальство запылённым после марша под летним солнышком видом.

Вопреки ожиданиям, в палатку меня позвали вместе со всеми наблюдателями.

Внутри было буквально не протолкнуться от офицеров с большими чем у меня звёздами на погонах. Одних генералов собралось только пять человек. И это, не считая Маршала со свитой.

Вообще, у меня сложилось впечатление, что все компании разделились по интересам. Чуть в стороне, скромно стоял генерал Кутшеба и несколько штабных офицеров, которых я видел в Познани. Отдельной группой расположилось несколько кавалеристов, среди которых я смог узнать только полковника Владислава Андерса, который в истории моей прошлой жизни командовал кавалерийской бригадой, попал в плен Красной Армии, а позднее создавал в СССР так называемую «Армию Андерса», которой так и не было суждено покорить на советско-германском фронте. Ходили даже какие-то невнятные слухи о том, что, будучи в СССР, уже генерал Андерс пытался вести переговоры с немцами, но каких-либо достоверных подтверждений этому, лично я не встречал.

Пока группа наблюдателей докладывала офицерам из свиты маршала Рыдз-Смиглы всё, что они посчитают нужным, изредка заглядывая в свои блокноты, я аккуратно, чтобы никого не задеть, протиснулся к генералу Кутшебе.

— Пан генерал, поручик Домбровский! — Приложив два пальца к фуражке, поприветствовал его я.

— Не тянись. У нас тут рабочая атмосфера. Сам Маршал настоял. — Снисходительно сказал он. — Как дошли?

— Не без проблем, но в целом, нормально. Капитан Галецкий нормально довёл группу. — Коротко сообщил я.

— Как, Галецкий? — Удивлённо повёл бровью генерал Кутшеба.

— Буквально перед выдвижением прибыл курьер с пакетом от Маршала. Я был ранен во

время авиационного налёта. — Спокойно сообщил я.

— Ясно. — Задумчиво кивнул генерал.

Не знаю почему, но мне кажется, что Кутшеба не был в курсе изменившихся планов маршала Рыдз-Смиглы, и от этого ему было совсем немного не по себе. Может быть у двух высокопоставленных офицеров есть какие-то особые дружеские отношения и Кутшебу расстроило, что... да всё что угодно его могло расстроить. Например, что маршал несмотря на возможную дружбу, сделал всё, чтобы протее генерала облажался? Может такое быть? В теории — да. На практике — не знаю.

Долго размышлять на эти темы возможности мне не предоставили — моё внимание привлёк поручик-наблюдатель от Маршала и показал знаками, что нужно подойти поближе. Долго ждать я себя не заставил — буквально секунд через тридцать, вскинув два пальца к козырьку своей фуражки, докладываю:

— Пан маршал, поручик бронетанковых войск Домбровский, по вашему приказанию прибыл!

Пусть и немного, но всё-таки знакомый мне Рыдз-Смиглы, встретил меня на удивление доброжелательно. Даже улыбнулся, пусть едва заметно, краешком своих губ, но это не было оставлено незамеченным приближёнными маршала и окружающими нас офицерами из армии «Познань», что несколько повышало стоимость моих акций, как сказал бы какой-нибудь бизнесмен из века двадцать первого.

— Как вы сами оцениваете марш вашего сводного подразделения, поручик? — Голос первого человека в армии Польши буквально сочился теплотой.

— На три балла из пяти возможных, пан маршал! — Не задумываясь, отвечаю я, и, прежде, чем кто-то успеет мне задать какой-то вопрос, объясняю:

— Во время выдвижения к месту сосредоточения произошло несколько поломок техники, произошедших из-за неопытности обслуживающего и эксплуатирующего эту самую технику персонала. Несмотря на это, насколько мне известно, обнаружения противником удалось избежать...

Дождавшись кивка майора-наблюдателя из армии «Познань», я продолжил:

— Следовательно, задача была выполнена. В боевых условиях, вероятно, повреждённую технику пришлось бы бросить. Из-за этого, сам бы поставил оценку в три балла!

Первым засмеялся маршал Рыдз-Смиглы, следом за ним начал смеяться генерал Кутшеба, потом подхватили и остальные офицеры.

— Насмешил, поручик! — Через несколько минут сказал маршал. — Впервые вижу, чтобы офицер сам себе занижал оценки при проверках! Нет, вы видели? А в целом, это даже похвально. Этот молодой офицер честно указал на недочёты. Это нужно ценить!

Тут уж слово взял генерал Кутшеба:

— Других и не держим, пан маршал!

— Ладно, посмеялись, и хватит! — Радостное выражение с лица у Рыдз-Смиглы исчезло и на его месте появилось задумчивость. — Раз уж подразделение вёл капитан Галецкий, считаю, что он и должен руководить сводной группой во время этих учений. Поручик Домбровский же будет комментировать действия капитана и отвечать на возникающие вопросы. Все согласны?

Пожелавших высказаться против маршала, конечно же, не появилось.

Обсудив незначительные детали, и ответив на несколько вопросов, меня выпроводили из штабной палатки и отправили на наблюдательный пункт, откуда будет вестись

наблюдение за происходящими действиями.

Что сказать? Подготовились паны офицеры неплохо, для наблюдения предполагалось использовать несколько стереотруб, мощные морские бинокли. Если, вдруг, кто-то из вышестоящего начальства, вдруг, устанет наблюдать за «войнушкой», он может отойти на несколько метров назад и окажется у настоящего шведского стола, заставленного различными закусками. Тут же, неподалёку, в белом переднике обнаружился немолодой усатый сержант, который дежурил возле небольшого мини бара, устроенного в теньке — подальше от жаркого июньского солнца.

Все сигналы предполагалось передавать по телефону, хотя на всякий случай, в нескольких метрах от наблюдательного пункта стоял и радио грузовик на базе новенького «Польского-Фиата».

Ещё через полчаса, когда к «представлению» всё было готово, а начальство пришло к выводу, что можно начинать, ко мне подбежал уже знакомый поручик из свиты маршала и коротко проинформировал:

— Три минуты до начала. Проверьте всё.

Мысленно поблагодарив, я направился к грузовику с радиостанцией. В будке сидела симпатичная молоденькая девушка с погонами капрала. Я даже мысленно заулыбался — уж очень этой блондинке шла военная форма. Ну а как иначе? Ведь связистка оказалась как две капли воды похожа на актрису из польского телесериала «4 танкиста и собака». Ну ту, на которой Янек потом женился. Помните, как её? Ну Марусей «Огонёк» ещё звали! А вспомнил! Пола Ракса актрису звали!

Засмотревшись на девушку, я слегка подвис, чем явно вызвал у молоденькой радио телеграфистки смущение, о чём говорили едва заметные ямочки на щёчках.

— Пан Домбровский, начинайте! — Окликнул меня всё тот же поручик.

Я дёрнул плечами, повернул голову через левое плечо, и увидел столпившихся на наблюдательном пункте офицеров и генералов с маршалом.

Проверять что-либо времени у меня уже точно не оставалось, поэтому у меня только и вышло, что развернуться через левое плечо, сделать два шага в сторону, достать из чехла на ремне сигнальный пистолет, зарядить его зелёной ракетой, и, выстрелить в небо, надеясь, что капитан Галецкий всё сделает правильно.

Как заводятся два десятка двигателей, я услышал одним из первых, о чём тут же и доложил, буквально подскочив к маршалу Рыдз-Смиглы:

— Пан маршал! Вверенное мне подразделение завело двигатели и сейчас выдвинется на исходные позиции. Прошу обратить внимание налево, на опушку леса!

Приложив к глазам протянутый мне одним из офицеров свиты маршала мощный морской бинокль, я продолжил комментировать:

— Сейчас на опушку выйдет разведка с целью установить месторасположение огневых точек противника!

Стоило мне только озвучить свою мысль, как в хорошую оптику я различил шевеление кустов и обнаружил двоих солдат с карабинами, аккуратно нырнувших в траву возле обширных кустов.

— Сейчас старший разведгруппы осмотрит в бинокль передний край противника!

И вправду, чуть приподнявшись из-за размашистого куста, я заметил сержанта, который приложил к глазам полевой бинокль. Казалось, в мощную морскую оптику мне удалось разглядеть нашивки на его погонах.

— После вскрытия позиций противотанковой артиллерии противника, она будет уничтожена. Для этого бы хорошо подошли миномёты системы Брандта, но на вооружении сводной группы их нет. Поэтому, уничтожать противотанковые орудия придётся полевой артиллерией калибра в три дюйма!

Будто бы в подтверждение моих слов, в свою оптику, все наблюдатели замечают буквально облепивших 75-мм орудия французского образца артиллеристов и пехотинцев, помогающих расчётам побыстрее вытащить их пушки на огневые позиции. Вот чуть в стороне с флажком встал подпоручик — командир огневого взвода. Возле каждого из орудий, подняв к глазам бинокли, встали командиры расчётов.

Каждый из присутствующих представлял, какие команды сейчас отдаёт артиллерийский офицер.

В бинокли и стереотрубы было хорошо видно, как артиллеристы возятся со своими орудиями. Пехотинцы же, которые помогли «богам войны» вытащить пушки на огневые позиции, тут же разбились на подразделения и заняли укрытия.

Выстрел, хотя все и ждали его, раздался неожиданно. И, как это часто бывает, случился недолёт.

Буквально секунд через двадцать после первого выстрела, раздаётся ещё один, но уже с внесёнными поправками. Куст разрыва встаёт перед одним из макетов, изображающим артиллерийское орудие вероятного противника.

Тут же раздаётся выстрел первого орудия огневого взвода, которое уже успели перезарядить. Куст разрыва появляется среди макетов, изображающих артиллерийскую батарею.

Каждое из орудий делает ещё по пять выстрелов, после чего позиции, некогда бывшие макетом противотанковой батареи, были полностью разрушены, а мишени, выставленные в роли расчётов противотанковых орудий, оказались изрешечены осколками.

— Прямо сейчас вы можете наблюдать, как танки отдельной танковой роты армии «Познань» выдвигаются в атаку! — Заметив, как одна из машин подминает под себя небольшой кустик, сообщаю я. — Как вы можете видеть, на броне каждого из танков находится по шесть-восемь солдат-пехотинцев, что позволит штурмовым группам «на броне» преодолеть колючую проволоку, установленную противником, и оказаться перед траншеями.

Как и было запланировано, на корме танков, специально назначенные пехотинцы активировали дымовые шашки, и, вскоре, дым скрыл поле, по которому перебежками вперёд продвигались оставшиеся пехотинцы, а также артиллеристы, катившие свои орудия вперёд на руках.

Первые танки уже подмяли под себя первый ряд колючей проволоки, организовав проходы через неё для пехоты, как тут же маршал Рыдз-Смиглы отдал вводную:

— Три танка уничтожены. Бортовые номера ...

Отдав распоряжения, маршал стал наблюдать, как танки с названными им бортовыми номерами начали останавливаться. Пехотинцы посыпались с брони, оставив на «уничтоженных» машинах дымовые шашки.

— Танковая атака справа! — Коротко скомандовал Рыдз-Смиглы, и, по его сигналу, после того, как телефонист отдал приказ, на другом конце поля, благодаря хитрой верёвочной системе, вверх поднялись пять макетов, изображающих танки противника.

Прокомментировать происходящее я так и не успел — будто бы предчувствуя подобное

развитие событий, командир одного из танковых взводов, отдал команду, и, сразу пять танков развернулись навстречу новой опасности.

Раздались выстрелы.

Пусть не все сразу, но с первых выстрелов были зафиксированы попадания сразу в два макета танков. Спустя полторы-две минуты, сосредоточенным огнём, были уничтожены и остальные мишени.

Гулко били полевые орудия калибра 75-мм, строчили ручные и станковые пулемёты пехотинцев, коротко «тявкали» танковые пушки, разнося оставшиеся мишени.

Пока все были заинтересованы разглядыванием уничтоженных мишеней танков, для большинства зрителей осталось незамеченным главное, о чём я тут же сообщил:

— Пан маршал, штурмовая группа заняла первую линию траншей противника! Концентрируются для дальнейшей атаки!

Поймав на себе взгляды вышестоящего командования — оценивающий от Маршала Рыдз-Смиглы, хвалебный от генерала Кутшебы и полковника Андерса и непонятно-заинтересованные от двух командиров кавалерийских бригад армии «Познань», я понял, что у нас всё получилось...

Глава 7. Вести генерала Кутшебы

После завершения учений и обязательного смотра, устроенного вышестоящим начальством, на котором маршал Рыдз-Смиглы поблагодарил пехотинцев, танкистов и артиллеристов за неплохую выучку, достигнутую за весьма короткий срок, он начал двигать речь, на которой я изрядно заскучал.

Нет, причиной были не слова, которые громко говорил маршал своим подчинённым, и даже не нудность этих самых слов — с этим как раз было всё в полном порядке, ведь солдаты и офицеры слушали предельно внимательно, просто я, как продукт двадцать первого века, как-то не научился переносить подобные мероприятия стойко и решительно, как это умели делать местные аборигены.

Поэтому я и заскучал. И чуть даже не заснул, но вовремя понял, что меня к себе вызывает сам Маршал.

Несколько секунд на то, чтобы выйти из строя, ещё несколько, чтобы быстрым шагом (но не спеша, с достоинством) добраться до Рыдз-Смиглы и лихо вскинуть два пальца к козырьку фуражки.

— Пан маршал, поручик Домбровский по вашему приказанию прибыл!

— За образцовое выполнение приказа командования, подготовку личного состава и техники, разработку новых тактических приёмов... — Рыдз-Смиглы своим звучным голосом начал перечислять все мои достижения с момента «вселения» в тело настоящего подпоручика Домбровского. Было сказано и про встречу с бандитами в ночной Варшаве, когда меня ранили, и о «офицерском троеборье», выполнении важного государственного задания во Франции. Не забыли даже о спасении Терезы, правда, сказали об этом весьма коротко, лишь упомянув о том, что я способствовал освобождению похищенного гражданина Польской Республики:

— Наградить поручика бронетанковых войск Домбровского ценным подарком в виде часов с гравировкой!

— Служу отчизне! — Вскинул я два пальца к козырьку фуражки.

Маршал повернулся в сторону и к нему подскочил уже весьма неплохо знакомый мне поручик, державший в руках небольшую тёмно-синюю бархатную коробочку. Аккуратно протянув коробочку Рыдз-Смиглы, порученец принял торжественный вид. Верховный главнокомандующий же, просто протянул коробочку мне, после чего пожал правую руку, указал место справа от себя и продолжил вести церемонию награждения:

— Капитан Галецкий!

Капитан-пехотинец, который вёл сводную группу к полигону вместо меня, появился перед нами буквально секунд через тридцать. Вид он имел лихой и взволнованный. И ведь действительно — не каждый же день сам маршал Рыдз-Смиглы награждает простого пехотного капитана?

— Пан Маршал, капитан Галецкий по вашему приказанию прибыл!

Голос офицера-пехотинца, совсем недавно управлявшего сводной группой звучал несколько хрипло, должно быть — от волнения, что не укрылось от Рыдз-Смиглы, но он и не попытался сделать на этом какой-либо акцент.

— За отличное руководство вверенным ему подразделением, а также успешно выполненным заданием командования, связанным с обучением подразделения... —

Перечисление заслуг командира пехотной роты было несколько скромнее, чем у меня, но никого это не интересовало. Ценный подарок вручили и ему тоже. — Награждается ценным подарком в виде часов с гравировкой!

— Служу отчизне! — Также, как и я некоторым временем ранее, вскинул два пальца к козырьку фуражки капитан.

Всё тот же поручик из свиты маршала протянул генералу точно такую же, как и у меня, бархатную коробочку. Рыдз-Смиглы благожелательно улыбнувшись, вручил награду Янушу, также протянул руку для рукопожатия. Вот только из-за волнения, молодой капитан слишком сильно сжал маршалу руку, что вызвало небольшое напряжение у всех офицеров вокруг, но, к счастью, Галецкий быстро понял, что совершил ошибку и отпустил маршала, буркнув банальное «Извините, пан маршал!», встал рядом со мной и сконфуженно опустил взгляд к земле, так и продолжая тянуться по стойке смирно.

Награждение затянулось минут на двадцать — часами немного похуже были награждены все офицеры, каждого из которых вызывали из общего строя, но вскоре они возвращались на свои места — не повезло командирам взводов постоять плечом к плечу с самим маршалом Польши, но ничего — получить из его рук награду, это тоже ого-го.

Солдатам и сержантам обещали отправить благодарственные письма домой. Последняя награда прозвучала как-то... по-советски что ли. Я даже и не думал, что так могут награждать в европейской армии. Хотя тут люди простые — думаю, любому родителю, чьё чадо служит в армии, будет приятно получить какое-нибудь благодарственное письмо, где будут нахваливать его любимого сыночка. В общем — всех пан маршал одарил, после чего пригласил всех офицеров-наблюдателей, представителей воинских частей и нас с Галецким на банкет. Сводная же группа получила адреса временного расквартирования, и, разделившись на мелкие подразделения, во главе замещающих нас с капитаном офицерами, начали выдвижение к пунктам временной дислокации.

Когда все организационные вопросы были решены, офицеры начали рассаживаться по своим легковым автомобилям. Нам с Галецким выделили один «Лазик» с тентованным верхом. За рулём сидел шофёр в чине рядового.

О делах по пути мы не разговаривали — кто его знает, кто он такой, этот водитель? Да и настроение было несколько иным — желания заниматься делами не было никакого. Во всяком случае у меня. Не знаю, как Галецкий, а я вымотался, находясь рядом с вышестоящим начальством. Не просто так же старая армейская поговорка, знакомая мне с детства гласит: «Подальше от начальства — поближе к кухне».

В той, своей «прошлой» жизни банкеты я не любил. Как-то так получалось, что в основном, на них собирались с целью показать кто чего добился и, кто круче всех. Во всяком случае, на банкетах по случаю встреч выпускников, обычно было так. И не важно, что в момент моего переноса в «это время», мне было всего двадцать два года — от возраста как-то ничего не менялось. Помню, как мама рассказывала о встрече выпускников своего десятого класса*, так там каждая одноклассница вела рассказы, насколько она успешно вышла замуж, ведь её муж гребёт деньги лопатой. Одноклассники же говорили о том, на каких сексуальных красотках они женились и как всё у них теперь шикарно. Хотя на самом деле, у большинства это было совсем не так.

Примерно таким же образом сложилась встреча выпускников и у меня — одна группа одноклассниц, строя из себя «гламурных», попивая коктейли, рассказывала своим подружкам всякие небылицы о том, как им хотелось бы жить, при этом изрядно привирая им

о том, что так всё у них в жизни хорошо и складывается. Ну а мужская часть класса... Ну там всё было просто — все разговоры про баб и машины, у кого и что круче. Помню, в тот день, всего человек восемь (среди которых был и я) не стали выпендриваться и честно признались — постоянных отношений нет, работаю как проклятый, плачу за учёбу. В общем, примерно тоже самое, что и на встрече выпускников у более старшего поколения, только со скидкой на возраст.

*В СССР сложилась система образования с 10-летним обучением. В 1987 году в результате новой реформы вводится 11-летнее образование со сдвигом всех классов, начиная с четвёртого, на год вперёд. Начальная школа снова становится 4-летней, но ученикам предоставлялась возможность выбора, по 3-летней (10-летней) или 4-летней (11-летней) программе им учиться. Окончательно 11-летняя программа обучения закрепились в России с развалом Советского Союза.

Тут же, в прошлом для меня будущего, или, если быть точнее, настоящим для меня нынешнего, ситуация сложилась несколько иная — банкет был, скорее, продолжением рабочего дня, позволяющим заняться делами в менее официальной обстановке.

Вот и сейчас, несмотря на некоторых офицеров, проявивших равнодушие к различным алкогольным напиткам, вышестоящим командованием решались весьма серьёзные дела. Так, например, один из офицеров, тянувших службу при маршале Рыдз-Смиглы, подыскивал подходящую партию для своей дочурки среди молодых офицеров. Группа офицеров помоложе, прикрываясь служебными делами, на самом деле вела разговоры о достоинствах заведения некой пани Ядвиги, в коем незазорно для чести появиться молодому защитнику Польской Республики.

Действительно важные дела решали маршал Польши Рыдз-Смиглы и генерал Тадеуш Кутшеба. Частичку их разговора я услышал совершенно случайно, стараясь протиснуться к выходу из зала ресторана, где, несмотря на наличие, в общем-то знакомых людей, мне было как-то неудобно.

— Пан маршал, я считаю необходимым ещё усилить мою армию. — Голос командующего армией «Познань» звучал твёрдо и как-то требовательно что ли?

— Я понимаю ваши чаяния, пан Кутшеба. — Ответил ему Рыдз-Смиглы, после чего поднял вверх рюмку с хорошим коньяком, сделал несколько маленьких глотков, и продолжил:

— Я подумаю, чем смогу вам помочь. Могу сказать лишь, что закупки техники во Франции имеют свои плоды, и уже в этом месяце мы приступаем к формированию и обучению ещё одного танкового батальона...

Услышав про французские танки, я даже несколько улыбнулся — неужели успеют? Неужели мне удалось что-то изменить?

Впрочем, долго размышлять на эту тему мне не дали — у выхода меня уже ждал ординарец генерала Кутшебы, который попросил меня дождаться командующего армией где-нибудь неподалёку.

Долго ждать не пришлось — я только что и успел, что войти в парк напротив ресторана, найти место на скамейке в тенёчке под каким-то раскидистым деревом, да рассмотреть подаренную «ценную награду».

В бархатной коробочке лежали старомодные часы-луковка, выполненные из серебра. Из

такого же материала была сделана и цепочка. Вообще, общий внешний вид ещё новых часов будто бы кричал о том, насколько они дорогие и прекрасные.

Нажав на кнопочку, открываю защитную крышечку и вижу название бренда — «Zenith». Я даже слегка присвистнул — в моём времени, самые дешёвые, обычные мужские наручные часы этой марки стоили от одного миллиона рублей. Недёшево, правда? Нет, может быть те ручные хронометры и стоили столько денег, но я этого не знаю, всё-таки часы никогда не входили в зону моих интересов.

Вручённые же мне часы, помимо весьма дорого бренда «Zenith» обладали ещё одной особенностью — гравировкой «За отличную службу!». Должно быть, это тоже очень круто. Во всяком случае, в своём прошлом-будущем, о наградных часах в европейских армиях мне слышать или читать не доводилось.

Пока сидел и разглядывал часы, а также думал, куда их засунуть так, чтобы не потерять при постоянном использовании, по вымощенной камнем дорожке парка, устало шагая ко мне направлялся Тадеуш Кутшеба. Встречать вышестоящее начальство в таком виде я посчитал, как минимум, неправильным, поэтому вскочил на ноги, оправил на себе форму и двинулся навстречу генералу.

— Пан генерал! — Приложив два пальца к козырьку фуражки, начал было докладывать я, но был прерван повелительным взмахом руки:

— Пока оставим официоз. Скажу главное. Твоя сводная группа будет расформирована на следующей неделе.

Слава командующего армией «Познань» подействовали на меня... да меня как кирпичом по голове ударили! Это чёртово предложение, озвученное генералом Кутшебой едва не выбило меня из колеи — неужели всё, что я старался делать в этом времени идёт через одно место и просто накроется медным тазом? А как же учения? Мы ведь их закончили отлично! Все офицеры остались довольны?!

К счастью, сказать я ничего так и не успел. А генерал Тадеуш Кутшеба тут же озвучил и хорошую новость:

— Что ты знаешь про 131-ю и 132-ю танковые роты?

— Командир 131-й роты, капитан бронетанковых войск капитан Францишек Краевский. 132-й ротой командует поручик Конрад Гайда. Обе роты на танках 7ТР, сейчас приданы 10-й моторизированной кавалерийской бригаде полковника Мачека. Я занимался их формированием. Вернее, подбором кадров для этих рот*.

*Подробнее об этом читайте в первой серии книги — "Подпоручик из Варшавы" <https://author.today/work/167476>

— Отлично! — Как-то доброжелательно улыбнулся генерал Кутшеба. — Я пытался добиться у маршала с целью усиления нашей армии о передаче одного из танковых батальонов. Уже сформированный батальон нам никто не даст. Но вот отдельный танковый батальон армии «Познань» выбить удалось. В его состав войдёт твоя отдельная танковая рота «Познань», 131-я и 132-я роты лёгких танков, а также разведывательная рота на бронев автомобилях и танкетках. Из состава твоей же сводной группы. Пока всё понятно?

— Так точно, пан генерал! — Уже весьма бодро отрапортовал я.

— Как командующий армией, я бы хотел видеть тебя, поручик, командиром этого батальона. Ты уже доказал, что можешь видеть то, что не видят другие. Смотришь, будто бы под другим углом. Но утвердить тебя на этой должности мне не дали. Сильно молод. — Генерал Тадеуш Кутшеба, как бы извиняясь развёл руками. — Но с роты тебя снять не

позволю уже я.

— Благодарю за оказанное доверие, пан генерал! — С нескрываемой радостью отвечаю командующему армией.

Вот что-что, а командовать отдельным танковым батальоном мне не хотелось — слишком большое хозяйство, нет у меня опыта управления таким. Я сомневаюсь, что в боевых условиях даже взвод потяну — куда уж тут батальону.

— Но и это ещё не всё. В июле месяце, в армию передадут дополнительный автотранспорт. Капитану Галецкому будет поручено формирование отдельного мотопехотного батальона армии «Познань». Маршал уже утвердил его на должности командира батальоном. В моих же планах, на базе танкового и мотопехотного батальонов армии «Познань», создать подвижную бронированную группу, усилить всё это артиллерией. Как командующий армией, я считаю, что у нас просто обязан быть бронированный кулак.

— Это хорошие новости, пан генерал! — Приняв воодушевлённый вид, бросаю я.

— Прекращай корчить из себя наивного дурака. — Отмахнулся Кутшеба. — Тебе не идёт. Я-то знаю, что ты несколько умнее, чем пытаешься казаться, поручик!

— Слушаюсь, пан генерал! Более не повторится! — Весьма серьёзно отвечаю, понимая, что сморозил глупость

— Вот и отлично. Помнится, мне, ты что-то ещё предлагал делать с танками? Пан Маршал приказал подготовить справку о всех модернизациях техники, которую вы у себя провели. И по рассаживанию пехоты на броне техники. Сроку дали, до конца следующей.

— Будет сделано, пан генерал! А из новинок, я бы хотел усилить бронирование лба башни и корпуса имеющихся у нас танков и танкеток, путём установки дополнительных броневых экранов, крепящихся к броне сварным или заклёпочным методом.

— Что требуется для реализации?

— Списанный танк. Подойдёт старый Рено ФТ. Также нужны ремонтные мастерские армии и броневая сталь. Для испытаний потребуется расчёт противотанкового ружья.

— Пиши рапорт с подробным обоснованием всего, что ты сейчас затребовал. Я подпишу.

— Слушаюсь, пан генерал!

— И последнее. Не знаю, кому ты навредил в Варшаве, но один подполковник из свиты маршала Рыдз-Смиглы активно интересовался тобой и твоей связью с полковником Андерсом.

Я удивлённо посмотрел на генерала:

— А при чём тут полковник Андерс?

— Скорее, при чём тут ты, поручик? Полковник Андерс в 1925-м году был комендантом Варшавы в чине полковника, а в мае 1926-го года выступил против генерала Пилсудского. Уже тринадцать лет он остаётся полковником. Его ожидает суд чести. А теперь подумай, кому ты перешёл дорогу, поручик? И кто может попытаться связать тебя и полковника Андерса? Кому это выгодно?

Я хмуро уставился на генерала — да, хороший вопрос мне задали. И кому бы я мог так сильно перейти дорогу? На ум приходил только полковник Сосновский, вроде как, только с ним мы расстались в несколько... подпорченных отношениях. Или не только с ним?...

Глава 8. Разговор с генералом Кутшебой

Вскоре после возвращения с показательных манёвров, жизнь стала возвращаться в привычное русло: подразделения роты занимались обучением на технике, строевыми занятиями, тактической подготовкой. Упор делался на работу из засад и короткие контратаки. В то, что Польшая Республика сможет выиграть эту войну мне не верилось, поэтому требовалось сделать всё, чтобы немцы получили по хребту как можно более серьёзно, чем в истории моей прошлой жизни.

Особое внимание уделялось модернизации бронетехники. Генерал Кутшеба своё слово сдержал, и, как я узнал, его поддержал маршал Рыдз-Смиглы. В общем, уже к концу рабочей недели у нас на полигоне появилось целых три новых бронированных мишени: один списанный FT-17; старый броневедомитель неизвестной модели, собранный на шасси какого-то древнего грузовика; и такой же древний грузовик, на который мы просто навесили листы броневой стали.

Просто так стрелять мы не стали — на места экипажа солдатами было установлены мишени, вырезанные из листов картона.

Два расчёта противотанковых ружей уже были на позиции.

В очередной раз осмотрев присутствующих на командном пункте офицеров, а собрались, ни много, ни мало, а командиры Великопольской и Подольской кавалерийских бригад генерал Роман Абрахам и полковник Леон Стшелецкий, командир 17-й пехотной дивизии полковник Мечислав Моздыневич, командиры 25-й пехотной дивизии генерал Франчишек Альтер. Заглянул «на огонёк» и уже знакомый мне полковник Владислав Андерс, бывший в это время командиром Новогрудовской кавалерийской бригады. Присутствовал также и наблюдатель в чине подполковника от маршала Рыдз-Смиглы. А вот командир армии «Познань», генерал Тадеуш Кутшеба присутствовать не смог, но за него присутствовал незнакомый мне майор из оперативного отдела штаба армии.

В общем — генералов самых разных собралось много. Ещё больше было полковников и подполковников. А капитанов и майоров, как мне показалось, можно было разделить на два полноценных пехотных взвода. Впрочем, большинством из них все «мои придумки» с дополнительным бронированием техники были не иначе как развлечением — большинство из них с радостью предпочли бы находиться где-нибудь в компании милой панёнки, а не стоять на полигоне под прямыми солнечными лучами, ожидая неизвестно чего.

Получив утвердительный кивок от подполковника из штаба маршала, я быстро направился к полевому телефону, и, показав связисту двойку пальцами, начал наблюдать за действиями молодой девушки с погонами старшего рядового. Вот она аккуратно взяла трубку и приложила её к уху, что-то нажала и начала крутить маленькую ручку.

— Висла, Висла, я Познань. Второй вариант!

Что ответили по ту сторону телефонной трубки, я так и не узнал — буквально через несколько секунд послышались гулкие удары противотанковых ружей. В мощную оптику бинокля было хорошо видно, как бронебойные патроны бьют о броню выбранного первой мишенью усиленного броневедомителя.

Как и планировалось, оба противотанковых ружья отстреляли по пять патронов в лобовую проекцию, после чего, офицеры неспешно направились вперёд, изучать результаты.

Сразу могу сказать, что разнесённое бронирование, установленное в лобовой проекции

старого броневедомства, показало себя выше всяких похвал — удалось добиться только одного пробития основного бронирования, и то, благодаря недоработке наших механиков, из-за чего, после восьмого попадания, один съехал на несколько миллиметров в сторону. И как раз на «оголившийся» участок и пришлось попадание пули из противотанкового ружья.

После постреляли по эрзац-бронированному грузовику — пробитий было больше. Семь из десяти выстрелов достигли своей цели. Но как мне показалось, это всё из-за плохого качества бронелистов и нашей косорукости — за неделю разработать и переработать системы бронирования сразу трёх типов транспорта средств, потом, буквально за двое суток оснастить их броневой защитой, не имея должного опыта и подходящих кадров... В таких условиях уж точно — от ошибок и недоработок избавиться вряд ли выйдет.

Как прошёл показательный расстрел ФТ-17 мне посмотреть не удалось — во время очередного перерыва меня в сторонку отозвал молодой подхорунжий и передал устный приказ генерала Кутшебы — явиться в штаб армии.

Приказы, как известно, нужно выполнять, поэтому я наскоро сообщил о своём отбытии, после чего проследовал за посыльным к штабному «Лазуку».

В дороге мне даже удалось немного подремать — подхорунжий пустыми разговорами меня не развлекал, а немолодой шофёр, в чине старшего сержанта, со здоровенными усами и медалью на орденской ленте на мундире, сосредоточенно вёл автомобиль, видно, не желая ни с кем разговаривать. А мне даже и хорошо — в последние дни, времени на сон практически не оставалось! С одной стороны — Тереза, которая, как и любая девушка, хочет внимания, а с другой стороны — служба и все мои начинания на тему того, как бы побольше неприятностей доставить гитлеровцам в сентябре тридцать девятого.

Проверка на КПП у здания штаба армии много времени не заняла — дежурный сержант меня очень даже неплохо знал, поэтому лишь формально изучил документы, сделал запись в журнале, после чего отпустил, даже не заглянув в салон автомобиля.

Тоже самое повторилось и в самом штабе, лишь с небольшим отличием — знакомый поручик лишь пожал мне руку, после чего формально выполнив свою работу, пожелал мне удачи.

В приёмной у генерала Кутшебы никого не было, кроме ординарца и уже знакомого мне капитана, что-то строчившего на своей пишущей машинке. Коротко бросив взгляд в мою сторону, он лишь коротко кивнул и негромко сказал:

— Пан генерал ждёт вас!

Быстрый взгляд на зеркало, и, слегка сморщившись от немного запыхавшихся сапог, я делаю шаг к двери. Постучавшись три раза, и, дождаввшись повелительного «войдите», дёргаю ручку на себя и оказываюсь в кабинете.

— Пан генерал, поручик Домбровский по вашему приказанию прибыл!

Выслушав мой доклад, генерал пригласил меня к столу. Дождавшись, когда я займу предложенное место, он достал из своего рабочего стола серую папку на тесёмках и протянул её мне.

— Изучай.

Расправившись с завязкой, я быстро погрузился в чтение предоставленного мне документа.

Смысла долго описывать что-либо смысла нет, стоит лишь сказать, что это была разведсводка.

— Что скажешь? — Спросил генерал, когда я прочёл все три страницы.

— Если хотя бы треть из того, что тут написано, правда, — Начал я осторожно. — То напротив нас, в случае ведения войны против Германского Рейха, находятся серьёзные укрепления, которые силами нашей армии прорвать будет невозможно. Там требуется крупнокалиберная артиллерия, дюймов так в шесть, а лучше, в восемь. И авиация. Хорошо подготовленные штурмовые группы, натасканные как раз на штурм подобных укреплений.

— Соображаешь. — Грустно улыбнулся генерал. — В случае войны, а война с немцами будет, если наши политики не найдут ничего лучшего, чем попытками усидеть на двух стульях, армия «Познань» будет вести только оборонительные бои. Сил для самостоятельного прорыва оборонительной линии немцев у нас нет.

«Хреново!» — Выругался мысленно я. У меня уже появлялись мысли на тему того, как перейти границу силами кавбригад и танкового батальона, пошерудить немного у гитлеровцев в тылах, заставить их стянуть с фронта немного частей, и, может быть, даже затянуть оборону Варшавы, чтобы «элитные», кадровые части Вермахта потеряли как можно больше людей, чтобы как можно меньше солдат, обученных в мирное время и закалённых первыми боями, смогло прийти к советской границе летом сорок первого. Сейчас же, судя по всему, все мои разрозненные идеи идут под одно место!

— Действия нашей армии будут нести вспомогательный характер. — Продолжил генерал. — С марта месяца начата скрытная мобилизация наших вооружённых сил. Пока она затронула лишь несколько пехотных дивизий и кавбригад. Но, мною получено разрешение пана Маршала на формирование в составе армии сразу трёх резервных полков. На их основе, а также совместно с мобильным батальоном капитана Галецкого и танковым батальоном, разворачиваемом на базе отдельной танковой роты армии «Познань», будут сформирован резерв.

Я внимательно слушал, но никак не мог понять, зачем генерал Кутшеба рассказывает мне всё это. Будто прочитав мои мысли, он тут же уточнил:

— Не понимаешь, зачем я тебе всё рассказываю? Не уровня командира роты эта информация?

— Так точно, пан генерал! — Вскочил я на ноги и вытянулся во фронт.

— Не строй из себя недалёкого служаку. Тебе не идёт.

— Слушаюсь.

— Да садись ты уже! — Отмахнулся рукой генерал от меня, и, продолжил:

— Ты был в Варшаве и прекрасно понимаешь, что в нашей армии идёт переформирование бронетанковых войск. Отлично знаешь, что во Франции закупаются новые танки. Насколько мне известно, уже заключено соглашение о формировании сразу трёх танковых батальонов во Франции. Офицерский состав уже отобран. И на должность командира батальона в армию «Познань» не нашлось ни одного стоящего офицера!

Раздражённо опустив руку на стол, генерал продолжил.

— Мне приказано справляться своими силами. Поэтому, своим приказом я назначаю тебя командиром танкового батальона! Пока исполняющим обязанности. Справишься, будешь к рождеству капитаном!

Казалось бы, приятная для каждого военного карьериста фраза припечатала меня не легче чем хорошая бетонная плита и вызвала у меня в уме целую бурю эмоций, которые, судя по всему, были прекрасно отражены на моём лице:

— Что-то не вижу радости в глазах, поручик! — Дружелюбно усмехнулся генерал Коштебе. — Я могу назначить командовать батальоном кого-нибудь из своих штабных

офицеров, но сам же потом взвоешь!

— Благодарю за оказанное доверие... — Только и оставалось мне буркнуть в ответ.

— Рано благодаришь. Я внимательно изучил всё, о чём ты предоставлял мне документы. Наши интенданты по моему запросу начали искать стальные нагрудники на складах. Кое-что нашли на складах нашей армии. Что-то придёт из Варшавы. Виза маршала уже есть. Поэтому тебе стоит совместно с капитаном Галецким разработать программу подготовки его батальона. Его штурмового батальона.

Слово «штурмового», генерал Кутшеба выделил особо, обозначив, на что должен делаться упор в подготовке этого подразделения.

— Я хочу, чтобы в моей армии был подвижный, крепкий резерв. По планам, твоему батальону, поручик, предстоит активно взаимодействовать с капитаном Галецким, и, возможно, с нашими кавалерийскими бригадами.

— В таких крупных формированиях необходима хорошая связь. — Осторожно напомнил я генералу.

— К началу июля, к концу месяца, по плану, в каждом из батальонов уже будет сформирован полноценный взвод связи. Подробности узнаешь у начальника связи армии.

— Слушаюсь!

— И да. Мотоцикла для командира батальона явно мало. Я отдам приказ, в батальон передадут несколько легковых автомобилей. Начальника штаба ты тоже получишь из офицерского резерва армии. Офицеров штаба можешь подобрать сам. Времени мало. Чувствую, к зиме точно начнётся. — Голос генерала Кутшебы просто излучал уверенность.

А я... Я удивился — есть же достойные генералы у поляков. Хотя бы тот же Тадеуш Кутшеба, командующий армией, в которой я сейчас служу, судя по всему, был весьма осведомлённым и радеющим за страну человеком. Почему же тогда Польша так позорно слила эту войну? Вот в чём вопрос...

Кабинет генерала я покинул в весьма растерянном состоянии. С одной стороны — вот он шанс реально изменить историю! Мне дали целый танковый батальон, который, правда, только предстоит сформировать — так иди и формируй! Дали карт-бланш на все свои действия — сам Маршал сколько всего лично для меня уже сделал? Сколько запросов от меня с его подписью уже ушло? А чёрт его знает? Много!

А с другой стороны — я даже в армии не служил! Как мне командовать целым танковым батальоном? Это же полсотни танков, только полторы сотни танкистов! Если добавить ремонтную роту, взвод связи, разведку, мотоциклистов и прочие службы — все три, а то и четыре сотни человек получится! Мне бы с собой разобраться — а тут такую ораву вешают...

Ещё и Тереза будет обижаться. Опять.

Мысленно сплюнув, я попрощался с ординарцем генерала, и, быстрым шагом направился к выходу из здания штаба, где меня уже дожидался немолодой капитан-артиллерист с крестом «Виртутти Милитари» на мундире.

— Поручик Домбровский? — Вскинув руку к козырьку своей фуражки, спросил он.

Я зеркально повторил его действия, ответил:

— Так точно, пан капитан!

— Капитан артиллерии Завадский, назначен к вам в батальон начальником штаба!

— Поручик Домбровский, исполняющий обязанности командира отдельного танкового батальона армии «Познань». — Полностью представился я, после чего протянул руку

капитану. Он её аккуратно пожал.

— Очень приятно. — Осторожно сказал капитан.

— Это взаимно, пан капитан...

Капитан Завадский оказался мужчиной лет сорока. Обычный такой мужичок — если переодеть его из мундира в обычную майку-алкоголичку и трико из моего времени, получится типичный житель из какого-нибудь провинциального городка, которых так любили показывать в сериалах начала двадцать первого века по моему «любимому» телевидению. В общем — обычный мужик. Невысок. Слегка полноват. С большими широкими, развесистыми, но ухоженными усами, с лёгкой залысиной на голове и предельно умными серыми глазами. Ещё и с боевым орденом на груди. Похоже, за советско-польскую войну. Плюсом ко всему — артиллерист. Не танкист, конечно, но тоже технический специалист, что не может не радовать.

Спокойно поговорить с капитаном мне не удалось — тут же рядом материализовался молодой, видно, только из училища подпоручик, и, приложив руку к козырьку своей необмятой фуражки, обратился:

— Пан капитан, разрешите обратиться к пану поручику?

Повернувшись к новому источнику шума, я заметил перед собой детину «гвардейского роста» в ладно подогнанном мундире. Вот только лицо у него было какое-то... детское что ли. Если бы не рост, я бы дал этому подпоручику лет шестнадцать, не больше. За это выступал и лёгкий пушок, едва проглядывающийся у него над верхней губой.

А вот глаза у него — голубые, почти небесного цвета. Уверен — девчонки, в его бытность курсантом, буквально толпами бегали следом. Но, судя по взгляду «заучки», интересовали они его мало.

Дождавшись разрешающего кивка капитана (подпоручик, должно быть, не знал, что по должности старше я), он обратился ко мне своим срывающимся голосом. Должно быть, этот подпоручик думал, что его попытки кричать звучат торжественно, но мне же было отчего-то смешно и я, едва сдерживая смех, слушал молодого офицера:

— Пан поручик, подпоручик Юлиан Мруз. Представляюсь по случаю прибытия для дальнейшего прохождения службы в вашем бат-т-тальоне на д-д-д-должность ад...

Молодой офицер, видимо, переволновался, и, начала заикаться. От всего происходящего едва не засмеялся капитан Завадский. С трудом удержаться от смеха удалось и мне — но я себя пересилил и решил попытаться спасти своего нового подчинённого:

— Вольно, подпоручик. Я вас понял. На должность адъютанта батальона.

— Так точно, пан поручик! — Справившись с волнением, подтвердил офицер.

— Пан капитан, это по вашей части. — Указав глазами на подпоручика, сообщил я начальнику штаба. — Принимайте подчинённого. Вы где остановились?

— Пока нигде. — Честно признался капитан. — Прямо с вокзала к кадровикам, они отправили к вам.

— М-меня тоже... — Чуть заикнувшись от волнения сообщил подпоручик.

— Понял. Значит так, мне ещё нужно зайти к кадровикам и начальнику связи. Вы можете меня подождать в кафе напротив, там все штабные офицеры обедают. Как только я закончу, мы сможем отправиться в расположение батальона...

Глава 9. Ультиматум пану Ковальскому

После получения приказа о назначении меня ВРИО командира отдельного танкового батальона армии «Познань» (номерное обозначение так и не было присвоено), я сразу же развил кипучую деятельность. К прибытию на Познаньский вокзал эшелонов с танками и личным составом было проделано очень много работы: подготовлены дополнительные спальные места для личного состава, боксы для техники, расширены ремонтные мастерские. К счастью, командующий армией генерал Кутшеба подписывал буквально все бумаги, которые я ему приносил. Правда, приходилось, порой, отвечать на его вопросы, на тему того, а нахрена мне это всё в отдельном танковом батальоне нужно? Ответы генерал исправно получал, после чего и ставил свою размашистую подпись на очередном документе.

В общем, к концу июня, когда танковый батальон собрался воедино, я мог с уверенностью сказать, что этот самый батальон представляет из себя нечто ранее невиданное. В первую очередь благодаря размаху, с каким шло формирование этой воинской части. Во всяком случае, до конца месяца в нашем расположении аж два раза появлялся сам маршал Рыдз-Смиглы, что сделало мой батальон весьма популярным среди местных журналистов, которые уже несколько раз намеревались взять у меня интервью.

Но больше всего повезло простым солдатам и сержантам, ведь в городе они могли рассказывать байки о том, как очередному капралу Юзеку, сам Рыдз-Смиглы пожал руку и поблагодарил за отличную службу. Стоит ли говорить, что количество детей, родившихся от солдат моего батальона зимой-весной сорокового года в Познани перевалило за сотню-полторы? А скольких «просителей» из местных мне пришлось выслушать, чтобы я как командир сделал всё ради того, чтобы впредь мои солдаты не гуляли с очередной Ядвигой, Гесей или Эльжбетой? Впрочем, это всё дела житейские, из-за которых на меня всё активнее начал наседать и пан Ковальский, который радовал нас своим присутствием, минимум, раз в неделю.

В общем — покой мне только снился. К счастью, вскоре я осознал всю прелесть командования людьми, и, просителей из числа гражданских скинул на адъютанта батальона, подпоручика Юлиана Мруза. Организационные работы по обучению личного состава и организации курсов подготовки механиков-водителей и наводчиков, пока не прибыл офицер разведки и тактики, я возложил на начальника штаба батальона. А сам же, в первую очередь, занимался походами в штаб армии и выбиванием всего и вся.

В штабе армии мне удавалось регулярно пересекаться с капитаном Янушем Галецким, который также был погружён в формирование своего батальона с головой.

— Знаешь, у меня сложилось такое впечатление, что наши с тобой батальоны — как игрушка маршала Рыдз-Смиглы. — Сообщил он мне шёпотом, однажды в коридоре. — Раньше все новинки придумывали и обкатывали в десятой кавалерийской бригаде полковника Мачека, а сейчас, когда ты со своими придумками вылез, да ещё и меня с собой потащил, нас стали использовать наравне с десяткой.

— Радуйся! — Попытался подбодрить тогда его я. — С самим маршалом знаком, разговаривал с ним почти на равных. Ещё и поддержку он тебе обещает. Думаю, к рождеству тебе майора обещали?

— А ты откуда знаешь? — Изумлённо уставился на меня Галецкий.

— Мне тоже к рождеству обещали. Капитана. — Коротко пояснил я. — Если не

облажаюсь.

— Хорошая карьера. Пару месяцев назад ты был подпоручиком. — Несколько ревниво, как показалось мне, сказал Галецкий.

— Хорошая. Только для всех я выскочка. — Коротко отвечаю. — Но при этом столько народу стало мне свою дружбу предлагать, что я нахожусь в некоторой растерянности.

— И чего теряешься? — Улыбнулся Галецкий. — Поручик, скоро будешь капитаном. Причём, на майорской должности. Генерал Кутшеба, да и сам Маршал Рыдз-Смиглы к тебе прислушивается. Практически женат на дочери самого пана Ковальского!

После того, как прозвучала фраза про отца Терезы, капитан Галецкий многозначительно поднял палец вверх, будто бы показывая, что последнее обстоятельство намного важнее всех остальных.

— Ага. Угрозило начать встречаться с дочерью владельца заводов, газет, пароходов... — Хмуро пробурчал я.

— А что, тебе не нравится?

— Да нет, всё, в целом, неплохо. Пан Ковальский арендовал Терезе небольшой особнячок на полгода, подарками заваливает. Вот только эта его активность меня невыносимо напрягает. Боюсь, скоро поставит ультиматум...

Как в воду глядел. На следующие выходные, когда мне удалось пораньше освободиться и я захотел расслабиться и провести, наконец, такой желаемый Терезой романтический вечер с походом в ресторан, прогулкой под ночной луной и встречей рассвета в каком-нибудь прекрасном парке, пришёл облом в виде пана Ковальского.

Шум автомобильного двигателя я услышал издали, находясь в гардеробной на втором этаже особняка, который снимал для дочери пан Ковальский. Мощный 180-лошадиный двигатель V12 объёмом 4,4 литра не услышать было сложно, тем более, при открытых из-за летней жары окон.

Подробных мощных автомобилей в Познани ранее я не встречал, поэтому сразу же понял, что пожаловал кто-то из «властителей мира сего».

Подойдя к окну, сразу же увидел на пассажирском сидении огромного, чёрного, лакированного автомобиля знакомую фигурку подростка Анджея — младшего брата Терезы.

Тяжело выдохнув, я оправил парадную форму, в которой собирался идти в ресторан, устроил на голове фуражку, и, бросив ещё один взгляд в зеркало, и, оставшись довольным, бросился встречать дорогих гостей.

Внизу с Терезой мы оказались одновременно. Она была в ярко-алом вечернем платье, аккуратных туфельках на непривычно высоком для местной моды каблуке. Шею её украшал аккуратный кулончик в виде ангела из какого-то дорогого металла, а с милых ушек свисали аккуратные серьги с какими-то дорогими камушками (возможно с сапфирами, ну не разбираюсь я в украшениях от слова совсем?). Волосы же её были уложены в сложную причёску, которую укладывала специально обученная девушка из нанятой на месте прислуги.

Когда большой лимузин остановился прямо перед крыльцом, я смог по достоинству оценить новый автомобиль пана Ковальского. Это оказался новенький автомобиль британской компании Lagonda, о чём говорил шильдик на хромированной решётке радиатора.

Первым автомобиль покинул уже знакомый, виденный мною зимой брат Терезы — Анджей. Он первым делом бросился навстречу к нам, с добродушной детской улыбкой на

лице, но не дойдя до меня шагов пять, остановился и попытался пройти оставшееся расстояние строевым шагом, широко размахивая своими длинными руками. Эти его потуги заставили меня улыбнуться, а его старшую сестру прыснуть от смеха. Впрочем, парня это нисколько не смутило, и, подойдя к нам на достаточное расстояние, он также весело и задорно засмеялся, пожимая мою руку.

Пан Ковальский же выбрался из своего автомобиля несколько позднее, со всем положенным ему статусом — дождался, пока молодой шофёр, одетый в стиле мафиози из Чикаго двадцатых годов (в тёмный костюм и такую же тёмную шляпу), откроет дверь и подаст руку.

Что же, сам пан Ковальский от пресловутых мафиози отличался не очень сильно. Смотрели же «Крёстного Отца»? Так вот, пан Ковальский был одет прямо точь-в-точь как Дон Корлеоне: костюм-тройка из дорогой тёмной ткани; фетровая шляпа, обвитая лентой, с мягкими краями; галстук; только ходил с тросточкой, но это у него уже возрастное, хотя и держится старик «молодцом».

Подойдя к нам поближе, пан Ковальский крепко пожал мне руку, после чего приложился губами к кисти дочери и только после этого позволил себе по-отцовски обнять Терезу.

После взаимных приветствий мы прошли в дом, где расположились в гостиной комнате на диванчиках с приятным видом на сад. Тереза, как местная «хозяйка» тут же ухватила своего брата за руку и побежала распоряжаться насчёт накрытия стола для гостей, оставив нас с паном Ковальским напротив друг друга одних.

— Янек, мальчик мой... — Как обычно, начал свою шарманку отец Терезы. — Я уже стар. И хочу внуков...

«Опять началось!» — Мысленно сплюнул я, продолжая слушать, что же мне скажет собеседник.

— Я уверен, что мама Терезы, царствие ей небесное... — Пан Ковальский широко перекрестился по-католическим обычаем и продолжил. — была бы рада, что именно тебя выбрала наша с ней дочка.

«Гладко стелет!» — Пронеслась в голове мыслишка. — «Но сейчас что-то последует!».

— Вы с ней встречаетесь уже полгода. Через многое прошли...

«Ага, через многое. Похищение во Франции вспомнил...»

— Ты её спас из лап этих чёртовых похитителей. И я не понимаю...

«Почему ты, чёрт тебя возьми, всё ещё не женишься на моей дочери!» — Продолжил я мысленно за собеседника и почти угадал.

— Но я не знаю, почему вы всё ещё даже не помолвлены? Что тебя беспокоит? Ты любишь мою дочь? — Сказав последнюю фразу, пан Ковальский внимательно посмотрел мне в глаза. У меня даже появилось такое ощущение, будто его взгляд просвечивает меня словно рентген.

У меня неожиданно засосало под ложечкой и возникло такое ощущение, что, если я сейчас ошибусь с ответом, то этот старик набросится на меня и прямо на месте перегрызёт шею.

Врать пану Ковальскому я не хотел, поэтому и спешить с ответом не стал. Мне нужно было прислушаться к своим чувствам.

К счастью, собеседник понял всё правильно и не давил, за что я ему был весьма сильно благодарен.

Посидев около минуты в раздумьях и собравшись с мыслями, я начал ответ:

— Пан Ковальский, я очень хорошо отношусь и к вам, и к вашей дочери...

После первых моих слов, собеседник напрягся, и, в ожидании продолжения, кажется, даже почти перестал дышать.

— Скажу больше, мне очень сильно нравится ваша дочь... — Также осторожно продолжил я.

Мне показалось, или, пан Ковальский вновь начал дышать?

— Но я не могу взять в жёны вашу дочь...

Глаза отца Терезы налились гневом, и, пока он не успел что-либо сделать, продолжаю:

— Пока не могу...

Набравший было в лёгкие воздуха пан Ковальский тяжело выдохнул и стал ждать, что же я скажу ему дальше.

— Пока не могу. — Повторил я. — Пока в Польше настолько нестабильная обстановка.

— Что ты имеешь ввиду? — Грозно спросил отец Терезы.

— Если вы пройдёте со мной в кабинет, я смогу вам всё подробно объяснить.

Махнув рукой, пан Ковальский бросил мне в лицо:

— Веди!

Рабочий кабинет, где я изредка работал с бумагами был небольшим, но весьма неплохо обставленным. На стене мной уже была повешена большая карта Европы. Показав рукой на два удобных кресла, которые смотрели в сторону карты, я взял со стола острозаточенный карандаш, и, приняв позу лектора, начал свой рассказ:

— Пан Ковальский, вы же застали Мировую Войну, сами знаете, как всё закончилось для Германии? Версальский Договор опустил Кайзеровскую Германию ниже плинтуса. В стране повышались реваншистские настроения. С приходом к власти Гитлера, который пообещал германскому народу расквитаться за все унижения, которые перенесла его страна по вине Французов, Англичан и... русских, хотя, русские к тому времени выбыли из игры. Всё правильно?

Пан Ковальский кивнул, не зная, куда я клоню.

— В тридцать третьем году к власти в Германии приходит Гитлер. В тридцать пятом году они плюют на все Версальские соглашения и начинают строить армию. Англия и Франция делают вид, что ничего не замечают. Убрав своих противников внутри страны, единственным серьёзным политиком в стране остаётся Адольф Гитлер. Так?

— Так. — Всё ещё не понимая к чему я веду, кивнул отец Терезы.

— В июле тридцать шестого года, в Испании начинается Гражданская Война. Генерал Франсиско Франко поднимает антигосударственный мятеж. Армия поддерживает генерала. Первыми ему помощь оказывают немцы. Сама война закончилась только в апреле. К этому времени они успели провести Аншлюс Австрии, оккупировали Чехословакию. Вермахт получил 6 дивизий из австрийцев. На сколько дивизий им произвели и произведут оружия Чехи, я даже думать не хочу.

— И что?

— Гитлер в своей книге «Майн Кампф» говорит о расширении жизненного пространства на восток. Если посмотреть на карту, то у них в сухопутном отношении изолирована Восточная Пруссия. Отдадим мы немцам «Данцигский коридор»?

— Нет! — Твёрдо ответил пан Ковальский.

— Значит, они заберут его силой. — Коротко констатировал я.

— Но Англия и Франция...

— Вступят в войну. — Перебил его я. — Но не отобилизованными её вести не будут.

По моим примерным расчётам им потребуется от двух до четырёх недель на то, чтобы отобилизовать свои армии. За это время нас просто сметут.

Последние мои слова прозвучали с такой железобетонной уверенностью, что Пан Ковальский даже не вздумал возражать.

— Я был во Франции. Пообщался с их офицерами. И там всё далеко не так радужно, как об этом думает наше командование! — Поставил точку в лекции по геополитике я, после чего бросил на стол карандаш и подошёл к отцу Терезы. Он внимательно смотрел на меня и у меня возникло такое ощущение, что я вышел в его понимания на какой-то новый уровень. — А теперь о вас и вашей дочери.

Пан Ковальский встрепенулся — дочурка, это святое.

— Я готов не только на помолвку с вашей дочерью, но и на полноценную свадьбу. Но. Только в том случае, если вы будете согласны выполнить несколько моих условий. Первое, в середине августа её уже не будет не то что в Познани, но и в Варшаве и Польше в целом. Желательно, чтобы Тереза переехала куда-нибудь подальше. Если в Европе, то это Швейцария. Но подальше от границ. Лучше всего, если бы это были Американские Соединённые Штаты. Гдени-будь во Флориде, допустим. Ну или в любом другом крупном городе на восточном побережье страны. Может подойти и Латинская Америка, но там уровень жизни намного ниже, да и не страны это, а помойка! — Я брезгливо сморщился, после чего спросил у внимательно слушающего меня пана Ковальского:

— Вы согласны на это условие?

Отец Терезы ответил далеко не сразу, взвесив все «за» и «против» — как и положено человеку его уровня.

— Это выполнимое условие. Ты, Ян, думаешь, что война всё-таки будет?

— Я знаю это. — Твёрдо отвечаю ему и выдвигаю второе условие. — Мне потребуется ваша помощь. Вернее, ваши деньги.

Пан Ковальский было вскинулся — как и положено любому дельцу его уровня, — но услышав, что я от него хочу, тут же успокоился, услышав мои слова:

— Себе из них я брать ничего не собираюсь. Всё это пойдёт на закупку вооружения. Мне кажется, что свою территорию Польша потеряет. Тем, кто не сдастся в плен, придётся уйти в подполье. Оружие потребуется именно им. Будущим партизанам. Впрочем, не только оружие. Потребуется продовольствие: консервы, крупы, соль, перец, чай, сахар, масло. Оружие: пистолеты, взрывчатка, пулемёты, винтовки, автоматы. Базы: схроны, места, где можно отсидеться в случае облавы.

— С этим тоже можно будет решить. Ян, ты уверен, что тебе не стоит просто жениться на моей дочери, потом подать в отставку и уехать с ней? — Голос пана Ковальского буквально излучал озабоченность моей семьёй.

— Уверен! Иначе поступить я не могу! — Излишне громко и пафосно ответил я. Мне даже показалось, что сказал не я, житель века двадцать первого, российский студент, который немного интересуется оружием и историей второй мировой, а настоящий Янек Домбровский, в чьей тушке мне повезло оказаться.

В книгах в таких случаях пишут «наступила звенящая тишина», прерываемая разве что едва различимым дыханием собеседников, да далёким шумом, практически неслышным за закрытыми дверями.

Молчание нарушил пан Ковальский:

— Что бы ты обо мне не думал, Ян, я люблю и свою дочь, и свою страну. Я полностью согласен со всеми твоими условиями. И помогу тебе даже больше, чем ты предложил мне сейчас. Тебя же назначили командиром батальона? А что, если я возьму шефство над твоим батальоном? Или над двумя? Если всё случится так, как ты мне рассказал, никто не сможет упрекнуть род Ковальских, что они ничего не сделали для защиты своей страны...

«А если не случится, то я меня будут дополнительные рычаги влияния на политическое руководство страны.» — Закончил я за пана Ковальского мысль...

Глава 11. Помощь пана Домбровского и весточка от Робеспьера

С прибытием всего офицерского состава батальона жить стало несколько легче — выросло количество руководящего состава, позволяющего более-менее заняться делами командира батальона, то есть — банальной бумажной волокитой. Вообще, я заметил, что чем выше занимаемая должность — тем больше работы с бумагами. Вот в них я и погрузился — требовалось доработать планы обучения батальона, разработать методички по борьбе с бронетехникой противника.

Ещё и технику всякую разную приходится выбивать — и это несмотря на всестороннюю помощь командования армии в лице генерала Кутшебы.

Впрочем, вскоре, когда пан Ковальский по своим каналам проверил всю информацию, которую я ему «слил», бедующий тесть активно принялся сводить меня с различными пусть и незначительными, далеко не в самых высоких чинах, но весьма нужными «винтиками» в уже практически ставшим родным Войске Польском. Так, например, благодаря некоей сумме, которую через меня передал пан Ковальский одному офицеру в капитанском чине, буквально через несколько дней, в батальон прибыло аж три новеньких армейских внедорожника Polski Fiat 508 «Лазик» и два бензозаправщика на базе неновых уже грузовиков PolskiFiat 621 «Тур».

При этом, как и обещал пан Ковальский, «под шефство» он взял и мотопехотный батальон капитана Галецкого — в его состав был передан десяток грузовых автомобилей чехословацкого производства Praga RV.

Вообще, в Войске Польском перед войной были автомобили различных стран производства: итальянские грузовики и легковушки, чехословацкие, французские грузовики, автобусы и фургоны. Так что, наличие в батальонах техники иностранного производства — обоснованно.

Однажды вечером, когда Януш Галецкий перехватил меня в штабе армии «Познань» и оттащил в небольшой закуток, где выразил искреннюю благодарность:

— Ты не поверишь! За два дня твой тесть сделал больше, чем армейские интенданты за последние две недели! — Громким шёпотом сообщил тогда мне он:

— Пан Ковальский обеспечивает нас не только грузовиками, но и стрелковым оружием! Должно быть, изогнутая в удивлении бровь заставила говорить капитана Галецкого несколько громче обычного:

— Вчера в батальон прибыло новое оружие. Да какое оружие! Ты что-нибудь знаешь о пистолете-пулемёте «Морс»?

О польском автомате (так удобнее назвать) wz.39 я знал совсем немного — только то, что поляки пытались в автоматическое оружие, но наладить нормальное серийное производство они так и не успели, так как началась война. И выпустили, в итоге, весьма ограниченную партию, которая использовалась в обороне Варшавы.

— Вроде как их собирались начать производить у нас в стране. Наша же разработка? — Старательно начал изображать свою неосведомлённость я.

— Да! Их сделали меньше полусотни! И три десятка из них уже прибыли ко мне в батальон! Как и три десятка новеньких противотанковых ружей, ещё и самозарядные винтовки привезли! Немного, правда, всего два десятка. Но в нашей армии их вообще нет, ни

одной!

Я мысленно улыбнулся — разошёлся пан Ковальский. Была бы у него возможность танки закупить для моего батальона — он бы их и закупил. А так обходится только автомашинами, да новой формой.

Кстати, о форме — по моей просьбе в батальон капитана Галецкого пойдут маскировочные костюмы, чем-то напоминающие «амёбу» времён Великой Отечественной Войны моей истории, только с несколькими изменениями: так, например, маскхалат шился двусторонним, с одной стороны в осеннем-весеннем камуфляже, а с другой в белом-зимнем.

Пан Ковальский тут же схватился за эту идею и запатентовал её в Польше, а потом, судя по тому, что я слышал — отправил своего поверенного человека в США. Меня же вписали соавтором идеи.

Моим танкистам же пошили чёрные комбинезоны наподобие тех, что использовались российской армией двадцать первого века. В комплект к ним же шли ребристые танковые шлемофоны, которые лично мне нравились куда больше, чем видоизменённые шлемы Адриана. Конечно, на парад такую форму не наденешь, но это уже лучше, чем то, что было на данный момент ничего.

— Нравится? Значит, пользуйся, пока не женили! — Хлопнул я по плечу того, с кем нам в будущем придётся очень через многое пройти.

— Да ради такого папаши можно жениться даже на какой-нибудь полоумной дурнушке! — В сердцах высказал Януш.

— Никогда не считал тебя альфонсом. — Улыбнулся я.

— Всё бывает когда-то впервые! — Заговорщицки подмигнул мне собеседник. — Чувствую, скоро весь мой батальон будет состоять из подарков твоего тестя.

— Мой, кстати, тоже! — Доброжелательно улыбнулся я, после чего мы рассмеялись...

Здание штаба армии я покинул далеко за полночь — с вышестоящими офицерами предстояло решить огромное количество вопросов, начиная от разрешения на проведение полноценных батальонных учений со стрельбами, с привлечением других частей армии «Познань», и, заканчивая, подписанием банальных нарядов на бензин для автомашин и дизельное топливо, которое кушали мои танки 7ТР.

Возле КПП меня уже ждал личный водитель. Он был как всегда — гладко выбрит, в хорошо отглаженном мундире, с блестящими сапогами.

Шофёр-ординарец услужливо открыл мне пассажирскую дверь, после чего, дождавшись, как я устроюсь на шикарном заднем диване, захлопнул за мной дверь, и, быстро оказался на своём, водительском месте.

Неожиданно, капрал Дзедич повернулся ко мне, и, достав из кармана запечатанный конверт обратился ко мне:

— Пан поручик, вам просили передать.

— Кто? — Удивлённо спросил я.

— Малец какой-то, лет четырнадцати.

— Именно мне?

— Да. Он назвал ваше имя и звание.

Ничего не понимая, при помощи обычного армейского фонарика я изучил конверт, после чего, убедившись, что он не вскрыт, попросил шофёра выйти из машины и сделать так, чтобы мне никто не мешал. Тот послушно выполнил приказ.

В конверте оказался дорогой белый листок писчей бумаги, на котором было написано

ЛИШЬ НЕСКОЛЬКО СЛОВ:

«Здравствуйте, пан поручик!

Искренне рад, что вы так быстро растёте в звании!

Несмотря на наши некоторые разногласия после нашей встречи в Париже, я прошу вас ещё один раз довериться мне, чтобы я мог доказать вам, что всё ещё остаюсь вашим другом.

Если вы согласны на встречу, каждый день в промежутке с восемнадцати до девятнадцати ноль-ноль вас будет ждать мой человек у памятника Шопену в одноимённом парке.

Надеюсь на нашу дружбу!

Искренне ваш, Робеспьер.»

Спрятав послание в конверт, а сам конверт убрав в свою полевую сумку, я жестом показал шофёру, чтобы он садился в машину, после чего мысленно выругался — агентов иностранной разведки мне ещё не хватало!

Глава 10. Все в сборе

После моего согласия жениться на Терезе, жизнь вновь вошла в свою колею — я занялся формированием и подготовкой своего батальона, то и дело пропадая на полигонах, а пан Ковальский был занят тайной организацией всего и вся. Мне же предстояло ещё сделать предложение. Впрочем, тянуть с этим тоже нельзя — ещё не успеют покинуть страну до начала Войны, а мне переживай за них.

Из хороших новостей был и факт того, что, наконец, кадровое управление армии «Познань» отправило мне из офицерского резерва армии всех офицеров. Собственно, все они сейчас и стоят компактной шеренгой по-одному вдоль стены в кабинете для совещаний.

— Подпоручик Северен Маршалек! — Приложив два пальца к козырьку своей фуражки, представился один из офицеров. — Прибыл для прохождения службы в должности офицера разведки и тактики батальона!

Я ещё раз внимательно посмотрел на молодого (ему не было и двадцати двух лет) офицера. Документы уже все были проверены, и текущее мероприятие — чистая формальность, где я решил познакомить всех офицеров батальона между собой, всё-таки вместе предстоит не только служить, но и воевать.

Подпоручик Маршалек был молодым человеком атлетического телосложения, ростом около ста восьмидесяти пяти сантиметров. Переодень такого в какую-нибудь старинную прусскую или русскую форму, и, можно смело снимать фильм про наполеоновские войны с неким голубоглазым блондином-гренадёром в главной роли. В голове сразу же пронеслась ревнивая мыслишка — «Девки от такого однозначно текут! От такого плейбоя доморощенного!». Впрочем, внешний вид офицера мне был маловажен — больше я ценил деловые и служебные качества своих подчинённых, из-за чего уже прослыл «страшным уставником и формалистом» среди солдат — должно быть из-за того, что сам мало умею и знаю. Ну, я про практику — в теории я знаю очень даже много чего, вот только как это всё использовать?...

— Поручик войск связи, Виктория Ольшевская! — Приложив два пальца к своей пилотке, представилась девушка-связист, лет так двадцати четырёх от роду. — Прибыла с вверенным мне взводом связи в отдельный батальон армии «Познань» для дальнейшего прохождения службы!

«А вот тут сразу же будут проблемы!» — Мысленно отметил себе я. Мало того, что командир такого необходимого мне подразделения, как «взвод связи» женщина, так ещё и весьма и весьма симпатичная: роста среднего, подтянутая, явно нечуждая спорту. Не худая, но и не толстая — чуть-чуть уступающая пресловутым «девяносто-шестьдесят-девяносто», хотя это практически и незаметно. Длинная форменная юбка, вместо того, чтобы скрывать аппетитные формы девушки снизу, наоборот их только подчёркивала, что не было не замечено панами офицерами — сразу оба моих командира роты заинтересованно изучали «первую женщину батальона».

— Надеюсь, связь у нас будет на уровне! — Расплывшись в похабной улыбке, высказал общее мнение командир 131-й отдельной танковой роты, капитан Краевский, чем вогнал молодую ещё девушку в краску. Прежде, чем связист успела что-либо ответить, я успел осадить своего подчинённого:

— Я думаю, что все проблемы со связью, будут решаться в первую очередь через меня,

либо начальника штаба батальона, капитана Завадского. А вас, пан капитан, я попрошу, все неслужебные разговоры вести за пределами расположения батальона. Вам понятно, пан капитан?

— Виноват! — Как-то неохотно потупился капитан, после чего слишком показушно отвернулся в сторону.

«Ну-ну» — подумал я. — «Пусть только кто попробует обидеть девочку — ноги самолично прострелю, как и все прочие части тела, особенно те, которыми кто-то думает вместо мозгов!».

Пани поручик (или всё-таки панна, этот факт мною как-то был упущен при прочтении личного дела?) с благодарностью посмотрела на меня. Что же — прекрасно её понимаю. Никогда не любил людей, которые отпускают пошлости в отношении дам, в присутствии кучи народу. Одно дело, когда обстановка соответствует, когда ты что-то подобное шепчешь ей на ушко и это её заводит, а совсем другое дело — так, в служебном кабинете, при всех присутствующих офицерах. В общем — за капитаном Краевским нужно будет следить!

— Поручик Юстин Спража! — Голос немолодого инженера-поручика был слегка хриплым, а приложить два пальца к своей фуражке он вообще забыл. — Назначен на должность командира роты технического обслуживания.

Немолодой, возрастом явно «за сорок», обычный заводской работяга-инженер, коих не очень много в Польше, призыву на службу точно не обрадовался. Да и вообще сам он был человеком «до мозга костей» гражданским: невысок, с изрядным брюшком, с большой залысиной, тонкими усами-щёткой. На носу — очки, судя по всему, с огромным «минусом». Да и форма на нём сидит... Знаете... Никогда не понимал выражение «как на корове седло», а вот прямо сейчас — понял.

— Подпоручик Марсель Бандура! — Голосом ботаника доложилась подчинённый поручика Спражи. — Прибыл для прохождения службы командиром взвода технического обслуживания!

Ну этот — типичный ботаник. Высок, худощав, в очках с тонкой оправой. Стрижен коротким ёжиком. На голове — явно большая пилотка. Форма тоже на несколько размеров больше. В общем, не офицер в понимании киношников моего времени, а обычный человек-спичка из тех, про которых говорят — «палка, палка, огуречик — получился человечек». Только для него ещё и огуречик забыли.

— Поручик Зигфрид Лось! — Голос офицера, стоявшего чуть в сторонке, буквально, излучал уверенность. — Прибыл для прохождения службы в качестве командира отдельной танковой роты «Познань» вашего батальона.

Новый командир моей бывшей танковой роты удивительно соответствовал своей фамилии: этакий здоровенный лось, ростом под два метра и шириной в два меня. При этом не толстый... Короткостриженный. С руками, что та лопата и искривлённым носом — боксом занимался (это я в личном деле вычитал). И в личном деле же появилась одна неприятная штука — пометка о родителях, где говорилось, что отец — немец. Нет, пусть он бросил мать Зигфрида, когда тому было около года, но сам факт в преддверии известных мне событий — малоприятный.

После короткого знакомства, а также раздачи важных целеуказаний, я отпустил всех офицеров, попросив ненадолго задержаться начальника штаба батальона — капитана Анджея Завадского, с которым мы уже перешли на «ты», и, командира взвода радиосвязи — поручика Викторию Ольшевскую, с которой все пока на «вы».

— Присаживайтесь! — Указал я девушке на свободное место, после чего сразу же взял «быка за рога» и перешёл к делу. — Пани поручик, будьте добры, расскажите о своём взводе. Что имеется, в каком количестве? Как с укомплектованием личным составом?

— Только не пани поручик, а панна*... - Аккуратно поправила меня девушка и перешла к делу:

— Во взводе два отделения связи по десять человек и один офицер, а также три шофёра. В наличии радиостанция № 2-S (мобильная автомобильная радиостанция) на базе автомобиля Fiat-518, RKD/S на базе автомобиля Fiat-508. Также есть телефонные аппараты катушки с проводом и грузовой автомобиль Polski-Fiat-621 для перевозки личного состава и имущества взвода.

*Обращение «пани» используется в адрес замужних женщин. «Панна» — в адрес незамужних женщин (в современной речи употребляется редко).

— Благодарю! — Кивнул я, после чего обратился к капитану. — Пан капитан, распорядитесь насчёт жилья? Выделите место в казарме.

— Слушаюсь, пан поручик! — По-уставному ответил Завадский.

— Пан поручик... Тут ещё какое дело... — Поручик Ольшевская слегка покраснела. — А можно нам отдельную казарму? У меня все радиотелеграфисты девушки...

Мысленно выругавшись — только бабьего царства мне ещё не хватало для полного счастья — я распорядился подготовить отдельные помещения для женского взвода...

Отпустив подчинённых, надолго остаться одному мне не получилось — последовал телефонный звонок, в котором мне сообщили о прибытии личного состава. Поблагодарив дежурного офицера, я выглянул в окошко и заметил расположившуюся в сторонке от плаца колонну из четырёх тентованных грузовиков Polski-Fiat-621, возглавляемую роскошным тёмно-синим автомобилем люкс класса Lagonda V12.

Не заставляя себя долго ждать, я пристроил на голове свою фуражку, двинулся в сторону плаца.

Почти полсотни солдат в новой, необмятой форме застыли передо мной в трёхшереножном строю. От всей этой массы отделился немолодой поручик (его я уже видел в штабе армии) и быстрым шагом направился ко мне. Коротко откозыряв и буднично пожав мне руку, он сообщил:

— Принимайте пополнение, пан поручик! Самых лучших выбрали, по приказу генерала Кутшебы. Из них полтора десятка шофёров, есть спортсмены, работники автомастерских, телефонисты. Все добровольцы.

Вежливо поблагодарив провожатого и приняв документы на личный состав, я тут же отдал дежурному офицеру команду — накормить пополнение и устроить их в казарме, а сам спросил у поручика:

— Давно это в штабе армии офицеры ездят на заграничных автомобилях премиум класса?

В ответ поручик засмеялся:

— Это вам, пан поручик! Из Варшавы!

После чего сделав жест рукой, подозвал к нам скучающего чуть в сторонке капрала.

Молодой (лет двадцати) солдат подбежал к нам, и, пройдя три последних шага построеному, приложил руку к своей конфедератке:

— Пан поручик, капрал Дзедич! Назначен к вам в батальон личным водителем!

Должно быть на моём лице была ценная гамма чувств, поэтому капрал полез в карман и

достал из него свою солдатскую книжку, после чего протянул её мне. Внутри обнаружилось и предписание аж из самой Варшавы...

Бегло изучив документы, я принялся осматривать своего нового шофёра: молод, атлетически сложен, что подчёркивает хорошо построенная форма из заграничного (судя по внешнему виду, английского) сукна — я такой материал видел в Варшаве, в Генеральном Штабе. Кожаные ремни из желтоватой английской кожи перетягивали силуэт капрала. На боку — полевая сумка. На другом — висящая через плечо на ремне кобура от самого настоящего «комиссарского» Маузера.

— Машину в гараж. А вы, капрал, устройтесь пока в казарме. Вопросы?

— Никак нет! — Откозырял водитель, и, убрав в карман документы, чётко повернувшись через левое плечо, двинулся к своему автомобилю.

«Ну дела... И за что мне такой подарок? И что за капрал — форма явно офицерская, выправка — тоже. Чей-то сынок? Нужно узнать в штабе армии!»

Да, долго. Знаю. Но пишу. Сложно выходит. Но пишу. Не теряйте. Постараюсь писать проду почаще. Спасибо, что вы со мной — вы лучшие!

Глава 12. Встреча с посланником Робеспьера

На следующий день я сумел освободиться пораньше — командир батальона я или нет, у меня подчинённых вполне достаточно, чтобы справиться с рутинной текучкой, а те моменты, которые просто так решить не выйдет, могут подождать до завтрашнего утра.

К месту встречи решил отправиться заранее и один — несмотря на большое количество подчинённых, по-настоящему «своими» людьми мне обзавестись так и не удалось. Ну, я про тех, кто будет готов пойти со мной в огонь и воду, с оружием в руках, и, в случае чего, прикроет спину, не побоявшись преступить через черту закона...

В какой-то момент я сам внезапно понял — что в своём прошлом-будущем был максимально законопослушным гражданином: у меня из нарушений был один единственный штраф за превышение скоростного режима и несколько десятков незамеченных никем переходов дорожного полотна в неположенном месте. Тут же, в этом самом прошлом-настоящем, меня можно обвинить в убийстве, незаконном ношении оружия (трофейный пистолетик из Франции всё ещё при мне) и чёрт знает, в чём ещё, согласно местным законодательствам!

В парке, несмотря на вечер, было весьма многолюдно — то и дело попадались случайные прохожие или наслаждающиеся летним теплом парочки молодых и не очень горожан. Пару раз попадались подростки — должно быть школьники старших классов, которые стараясь никому не попадаться на глаза делали свои первые, робкие поцелуи.

Увидев одну из таких парочек, я сам не заметил, как погрузился в весьма невесёлые думы — «Для скольких из этих подростков эти поцелуи будут последними? Сколько из них подастся в партизаны и подпольщики? А сколько из них погибнет? Конечно, партизанское и подпольное движение тут будет намного менее развито, чем в Советском Союзе, но всегда в случае разных катаклизмов вроде войн, погибают первыми. Сколько молодёжи двадцать второго июня сорок первого пошло в военкоматы? Думаю, в Польше молодёжь тоже сразу ринется в военкоматы. Часть из неё погибнет. Часть попадёт в партизаны. А часть... Часть попадёт в лагеря, где выжить получится далеко не всем...».

Сам того не заметил, как оказался на месте встречи. Слева, на одной из скамеек расположилась пожилая пара — мужчина в костюме, которому на вид было лет около пятидесяти, и, судя по всему, его жена — миловидная, не растерявшая своей красоты особа лет сорока пяти в каком-то цветастом платье.

С другой стороны, с газетой в руках расположился молодой парень, одетый в светлую рубашку с коротким рукавом и какие-то тёмные штаны с ботинками. В общем — обычный отдыхающий.

Просто так стоять я не стал и присел на пустую лавочку. Пару минут для вида поскучал, несколько раз посмотрел на вручённые маршалом в качестве награды часы, изображая ожидающего девушку офицера. В этот мой образ прекрасно вписывался букет ярко-алых роз, купленный в специализированном магазинчике неподалёку.

Да, конечно, кто придёт навстречу — мне неизвестно. Но, если придёт мужчина, то вполне можно будет разыграть сцену со случайной встречей старых знакомых, а если, всё-таки придёт девушка, то вполне уместно будет подарить цветы.

В общем, как мне казалось, я подобрал идеальную маскировку в виде ожидающего опаздывающую девушку офицера, ещё и во вполне подходящем месте.

К восемнадцати часам вечера людей в парке имени Фредерика Шопена стало убавляться — что не могло меня не радовать. Согласитесь, что максимально неприятно было бы встретить кого-то из своих знакомых, во время тайной встречи с агентом вражеской разведки?

Ровно в восемнадцать часов вечера, когда у памятника Фредерику Шопену из посетителей оказался только я один, краем глаза я заметил весьма симпатичную девушку на очень высоких (для этого времени) каблуках, в великолепном белом платье ниже колен. На голове у неё была какая-то лёгкая шляпка из белой материи, с небольшим тёмно-синим бантом на боку.

И что характерно — девушка эта шла в мою сторону.

Каким-то сферическим зрением я заметил, как по дорожке слева, в мою сторону идёт пара местных полицейских. Должно быть, обычный патруль. Впрочем, мной жандармы не заинтересовались, и, прошли мимо, постукивая подкованными подошвами своих форменных сапог.

Как и ожидалось, оба сотрудника органов правопорядка заинтересовались девушкой, впрочем, их заинтересованность никак не проявилась, кроме как тем, что они будто бы сговариваясь, синхронно повернули голову и уставились на приятные округлости неизвестной блондинки, вальяжно прошедшей мимо них.

Долго стоять полицейские не стали, и, молча продолжили движение.

А сама незнакомка, всё уверенней и увереннее двигалась в мою сторону. Через долю секунды в её зеленовато-болотных глазах я увидел узнавание.

— Здравствуйте, Ян! Меня просили передать вам письмо от дядюшки Робеспьера. — Негромко сказала она, присаживаясь со мной рядом, после чего полезла аккуратными, длинными пальчиками в свою сумочку и достала из неё запечатанный конверт, протянула его мне.

Беглый осмотр показал, что упаковку никто не нарушал, поэтому я лишь неаккуратно её вскрыл и бегло осмотрел лист белой писчей бумаги внутри. Как мне показалось — это был брат-близнец того листа, который мне вручили вчера. Возможно, они были даже из одной пачки... Хотя это и не важно.

Развернув аккуратно сложенный вдвое листок, я начал читать:

«Здравствуйте, Ян.

Я искренне рад, что вы всё-таки пришли на эту встречу. Смею надеяться, что могу рассчитывать на нашу взаимную дружбу.

Также я почему-то уверен, что вы пришли один и не оповестили никого из наших недругов.

Я знаю вас, как человека дела, поэтому не буду долго мучать вас долгими вступительными речами и сразу перейду к делу.

Мне нужна ваша помощь.

Подробнее вам расскажет тот человек, который передал это письмо. Этому же человеку вы можете доверять.

В качестве благодарности за встречу, этот же человек вручит вам ценный подарок.

Искренне ваш, Робеспьер.»

Ещё раз внимательно прочитав письмо, я протянул его девушке, но та его не взяла:

— Лучше сожгите. Ни вам, ни нам не нужны лишние проблемы. — Посоветовала мне связная. — Всё что вам было необходимо, вы узнали, не так ли?

— Вы правы... — Запнулся я, не зная, как назвать собеседника. — Прекрасная незнакомка...

Мой весьма неумелый (в этот раз) комплимент заставил девушку улыбнуться краешком губ, что вызвало появление небольших ямочек на щёчках.

Дождавшись, когда я сожгу письмо и выкину пепел в мусорное ведро неподалёку, девушка спросила:

— Может быть вы уже подарите мне эти цветы? Согласитесь, странно будет выглядеть молодой и привлекательный офицер с девушкой, но без цветов?

Я шутливо щёлкнул себя по лбу и протянул лежавший ранее возле меня букет из двадцати одной красной розы девушке. Та приняла букет, встала, заставив сделать меня тоже самое, после чего протянула ручку, затянутую в лёгкую перчатку из белой кожи:

— Анна. — Представилась девушка.

— Ян. — Представился я, приложившись губами к ручке девушки.

Со стороны, мы, наверное, выглядели странно — ну и чёрт с ним. Всё происходящее вокруг — уже странно! Ещё вчера, я — обычный студент, вчерашний школьник, а сегодня — офицер танковых войск армии, о которой мне ничего практически не было известно. И ничего — справляюсь как-то.

— Я думаю, нам стоит уйти в другое место, где нашему разговору никто не сможет поменять. — Предложила Анна, и, не дождавшись моего согласия, взяла меня под левую ручку и задала направление движения:

— Налево, до выхода из парка. Я покажу!

Мне бы отказаться, но нет — мне стало интересно, поэтому я послушно двинулся с девушкой туда, куда она меня повела.

Пару раз нам попадались гуляющие парочки. Один раз это был молодой солдат со знаками отличия какого-то интендантского подразделения, шедший под ручку с какой-то миловидной панёнкой. Второй же раз на глаза нам попала парочка девочек студенческого возраста в лёгких платьях ниже колен, о чём-то увлечённо беседующих.

По улицам Познани мы петляли недолго — уже через несколько минут нырнули во внутренний двор одного из старого здания, расположенного неподалёку, после чего вошли в аккуратный подъезд и поднялись на второй этаж.

Анна достала небольшой ключик из своей сумочки и отворила замок, после чего открыла дверь, и первая вошла внутрь. Я двинулся следом, осмотрев на всякий случай лестницу — мало ли, в ловушку попасть как-то не хотелось.

Дверь я запер изнутри и на замок, и на цепочку, после чего двинулся следом за связным.

Анна меня уже ждала в большой комнате, по центру которой стоял большой круглый стол.

— Мне было велено привести вас сюда. — Холодно произнесла девушка. От недавней теплоты в голосе не осталось уже ничего. — Эта квартира будет использоваться для встречи с вами.

Анна развернулась через левое плечо, и, сделав несколько шагов в сторону, оказалась перед небольшой старинной работы тумбочкой, открыла верхний ящик и достала оттуда пакет, завёрнутый в обёрточную бумагу, после чего вернулась ко мне и положила его на стол передо мной.

— Мне сказали передать это вам.

Недолго думая, я разорвал обёрточную бумагу и вывалил содержимое на стол.

Увиденное меня несколько... удивило.

Две полных банковских пачки с купюрами в сто злотых каждая.

И лист бумаги. На этот раз слегка измятый, должно быть, от соседства с такими крупными деньгами. Впрочем, сложен он был также аккуратно, вдвое. Раскрыв его, я прочёл:

«Используй эти деньги с умом. Живи. Радуйся жизни.

С уважением, Робеспьер.»

Две пачки. В каждой по тысяче купюр номиналом в сто злотых (об этом говорилось на этикетках). Итого — двести тысяч злотых. Сумма огромная. Помнится, мне, гражданский вариант мотоцикла Sokol 1000 стоит около 4 200 злотых, что равняется примерно 800-м долларам США. По нынешним курсам — на столе передо мной целое состояние.

— Вы же не просто так мне эти деньги даёте? — Глухо из-за пересохшего от волнения голоса, спросил я. — Что вы от меня хотите?

— Всё просто. — Улыбнулась Анна, довольная, должно быть, произведённым эффектом. — Моим друзьям нужно знать, что происходит. Нам хорошо известно, что вы в хороших отношениях не только с командующим армией «Познань» генералом Тадеушем Кутшебой, но и с самим маршалом Эдвардом Рыдз-Смиглы.

В этот раз уже удивился я. Нет — узнать о моих более чем «тёплых» отношениях с генералом Кутшебой труда уж точно не составляло. Да и о беседах с маршалом Рыдз-Смиглы узнать тоже несложно — вон, на руке у меня часы наградные, да и на одной из совместных фотографий я с ним засветился (и когда только снять успели? А вспышка где?). Но вот кто может знать и откуда о наших «доверительных» отношениях с генералом Кутшебой?

— Что именно вы хотите узнать?...

Глава 13. Странные дела

С Анной мы расстались довольные друг-другом. Она была уверена, что завербовала меня, а я удостоверился, что Робеспьер работает всё-таки на германскую разведку. И что характерно — с меня даже расписку о сотрудничестве брать не стали. А всё почему? Да потому что сняли на камеру, как я считаю и беру деньги, пряча их в небольшой саквояж из жёлтой кожи, принесённый посланником от Робеспьера.

Как они это сняли на видео? Да предельно просто. Хотя и утверждать я точно не могу. Пока не могу, но предположить — как-раз могу. Вначале я обратил внимание на книжный шкаф по левую руку от меня, а также на то, что в самом начале нашей беседы один из томов трудов великого германского философа Фридриха Ницше стоял среди своих собратьев, а незадолго до того, как на стол легли деньги, он, вдруг, переместился чуть в сторону и лёг горизонтально. Конечно, объектива видеокамеры мне заметить не удалось, но, когда я скорчил рожу в ту сторону, где предположительно находилась громоздкая по моим пониманиям скрытая камера, Анна вдруг вздрогнула и побелела лицом.

— Что же вы, Анна? — Краем губ улыбнулся я. — Предупредили бы заранее, я бы в парадной форме пришёл, а не в полевой. На записи бы красиво получился...

Укоризненно покачав головой, я аккуратно спрятал деньги в саквояж и уточнил:

— Я так понимаю, в данный момент ваших друзей интересует численный состав армии «Познань»?

Девушка в очередной раз побледнела, и, как мне показалась, стала белее мела. После секундной заминки, подтвердила:

— Вы правы, поручик. Также наши друзья обеспокоены появлением танковых частей в составе этой армии. И они бы хотели знать точное количество этих частей и на что они способны.

— Я вас понял. — Едва заметно киваю я. — Но мне бы хотелось понимать, как между нами будет организована связь?

— Каждый вторник, четверг и субботу я бываю в Большом Театре имени Станислава Монюшко. Спросите у билетных касс, как найти Анну, играющую Берту в «Эврианте». Меня позовут.

Целовать даме ручку я не стал — не того полёта птица. Всё-таки это она сделала всё, чтобы меня завербовать. Если, конечно, не считать самого Робеспьера, с которым я виделся всего один раз — под Парижем.

Перед тем, как покинуть квартиру, я аккуратно выглянул из-за занавески и оценил обстановку на улице, чем вызвал лёгкую улыбку у Анны. Ничего необычного мне заметить не удалось — по тротуарам ходили припозднившиеся прохожие, медленно покачиваясь на неровностях дороги прополз длинноносый автобус.

Медленно развернувшись и бросив короткий взгляд на девушку, подумав про себя — «Хороша, чертовка!» — я быстрым шагом направился к выходу.

Наобум выходить из квартиры тоже не стал — слегка приоткрыв дверь, и, прислушавшись к шумам в подъезде и своими ощущениям, быстро оглядел лестницу, и, наконец, вышел в подъезд. Каких-то полминуты шагом, и я оказываюсь на улице. Ещё пара минут обычным прогулочным шагом, и, оказавшись на остановке, сажусь в обычный автобус и с каждой секундой удаляюсь от места встречи.

Наблюдения за собой, кстати, я так и не заметил, хотя, по-моему, оно должно было быть. Веры в то, что мне просто так доверят такую огромную сумму я не верил уже сам.

Идти к месту жительства с такой большой суммой наличности было максимально глупо — тут же можно нарваться на вопросы от Терезы и её папеньки, поэтому я направился в расположение батальона.

На дорогу потратил минут тридцать. За всё это время никто так и не заинтересовался саквояжем в моей руке, что меня весьма сильно обрадовало.

На КПП меня встретил дежурный капрал — старший по наряду. Невысок, худощав, в полной парадной форме, но при оружии (пистолет в кобуре) — всё как я и требовал.

— Пан поручик, за время вашего... — Вскинув два пальца к виску, начал докладывать дежурный, но я его прервал коротким взмахом руки. Тот послушно замолчал, и, проводив меня своим взглядом, направился в дежурное помещение.

До своего кабинета я добрался без приключений — а ведь действительно, что может произойти со мной сейчас, на территории охраняемого военного объекта? Верно. Ничего.

Поковырявшись немного в дверном замке — заедает, зараза, — направляюсь к служебному сейфу, достаю ключ и вставляю его в замочную скважину, после чего покрутив маховики замка, и, набрав верную комбинацию, тяну ручку вниз, и, массивная дверь плавно открывается, открывая моему взору немногочисленные папки и тетради.

Сейф этот мне выделили в штабе армии — как-никак, я пусть и временно исполняющий, но всё-таки командир отдельного танкового батальона, веду активную переписку с высшим военным руководством страны. Как-то генерал Кутшеба меня оценил, как подающего высокие надежды офицера. Лыстил, наверное — но приятно.

Стоило мне только закрыть сейф, как в кабинет постучали.

— Войдите! — Бросил я, развернувшись.

— Пан поручик, подпоручик Юлиан Мруз. — Приложив два пальца к козырьку фуражки, начал он свой доклад. На руке я заметил у него повязку дежурного офицера. — За время вашего отсутствия, происшествия не произошло.

Выслушав доклад, отпускаю подпоручика и покидаю кабинет — сегодня вечером в расположении батальона мне делать уже нечего.

Метрах в двухстах от КПП, неподалёку от небольшого кафе замечаю битый жизнью **FORD model A** с мягкой крышей и заветной надписью «Такси» на борту. Быстрым шагом направляюсь к нему. Буквально через несколько минут я расположусь на продавленном заднем сидении старенького изделия американского автопрома, и, распрощавшись с мелкой купюрой в злотых, отправлюсь туда, где меня ждут.

Когда мне осталось сделать буквально несколько шагов к автомобилю, я услышал скрип тормозов и заметил остановившийся на другой стороне улицы **Polski Fiat 518 «Mazur»**, окрашенный в какой-то тёмный цвет. Из него тут же выскочили три человека в гражданских костюмах и направились в мою сторону.

— Пан Домбровский? — Быстро оказавшись возле меня, спросил один из мужчин.

— Да, а в чём, собственно, дело? — Спрашиваю я.

— Военная контрразведка! Вам необходимо проследовать со мной! Все документы просмотрите в машине. — Твёрдо, но не громко сообщил мне всё тот же мужчина, после чего продолжил:

— Изобразите радушие, будто вы встретили старого друга, за вами следят. И не тянитесь за оружием. Это лишнее.

Выпендриваться я не стал, поэтому сделал всё, как мне и сказали:

— Анджей, ты?

— Я! Узнал всё-таки! — Наигранно засмеялся контрразведчик, после чего представил своих спутников. — А Томека и Вацика ты не узнал?

— Матерь божья, а ведь действительно! — Хлопнул себя по лбу я, после чего пожал протянутые руки.

— Проследуйте в нашу машину. — Во время рукопожатия сообщил всё тот же контрразведчик.

Изображая четырёх старых друзей, громко смеясь, чем явно привлекали к себе внимание, мы проследовали к ожидающему нас автомобилю, за рулём которого сидел неприметный мужичок лет тридцати, надвинувший на глаза не первой свежести кепку. Пан «Анджей» сел спереди, а я оказался зажат сзади «Томеком» и «Вациком». Лже-Вацлав, кстати, успел в машине вытянуть из моей кобуры пистолет и переложить его в карман своего пиджака.

Документы мне на самом деле показали. «Анджей» на самом деле оказался Анджеем. Капитаном Анджеем Курцевичем, сотрудником отдела Пв — то есть, военной контрразведки.

— Что, собственно, происходит? — Попытался узнать я, но тут же получил дежурный ответ:

— Сохраняйте спокойствие, поручик. Скоро вам обо всём сообщат.

Глава 14. Тайное собрание

Оружие у меня изъяли, а вот наручники не надевали и не связали, да и в целом чувствовал я себя несколько свободно, если не считать двоих контрразведчиков, расположившихся по обе руки от меня.

«Странно всё это!» — Пронеслась мысль в голове. — «На арест как-то непохоже: руки не вяжут, обвинения не шьют!»

По городу мы петляли минут пятнадцать или около того. Причём я даже не заметил, как наш «Mazur» оказался на загородной трассе: раз — и мы уже загородом, каким-то образом миновав совместный военно-полицейский пост на выезде.

По шоссе мы также ехали недолго — около получаса со скоростью километров в пятьдесят в час, после чего свернули на какую-то второстепенную дорогу, по которой плелись со скоростью около двадцати километров в час минут сорок, умудрились форсировать реку по хлипкому мостику, чтобы потом выехать на какое-то другое шоссе, и, вскоре приехать к нашей цели.

На этот раз пост миновать не получилось. Красно-белый шлагбаум с табличкой «Stój! Sprawdzenie dokumentów!». Рядом с дорогой была обычная деревянная будка, окрашенная в бело-чёрную полосу, которая должна была скрывать часового от непогоды. В паре метров от будки, на обочине, стояли два армейских мотоцикла Sokol-1000 с колясками, а чуть в стороне, прикрывая всё это, я заметил выложенную мешками с песком огневую позицию для ручного пулемёта. Впрочем, эту позицию я бы и не заметил, если бы она не была так безалаберно замаскирована — кое-как разбросанными ветками.

Непосредственно на посту находилось шесть человек — старший капрал с четырьмя стрелками и молоденький подпоручик с повязкой «Żandarmeria Wojskowa» на левой руке. Тут же находилось несколько сотрудников полиции в тёмно-синей форме, вооружённые пистолетами.

К автомобилю подошёл старший капрал — невысокий, с едва заметным брюшком. На его руке была точно такая же повязка, как и у офицера, вот только вооружён он, в отличие от подпоручика был не пистолетом, а револьвером системы Нагана в кобуре.

— Старший капрал Свидерский! — Представился он, после чего перешёл к делу. — Прошу предоставить документы на всех находящихся в машине, а также пропуск в закрытую зону!

Мои сопровождающие молча полезли в карманы своей одежды и извлекли на свет божий «корочки» контрразведки — те самые, что показывали несколько часов назад мне. Я же протянул своё офицерское удостоверение.

Старший капрал Свидерский, подсвечивая себе армейским фонариком (к этому времени постепенно начали наступать сумерки) сверил лица всех присутствующих в автомобиле офицеров с фотокарточками в удостоверениях, после чего развернулся и направился к офицеру, сообщив заранее:

— Ожидайте!

Когда старший капрал удалился от нас на несколько метров, я уточнил у контрразведчиков:

— Всё нормально, пан капитан?

— Всё так, как и должно быть, пан поручик! — Твёрдо ответил мне главный из

контрразведчиков.

Судя по тому, что офицер скрылся в будке для дежурного и задержался в ней на несколько минут — он созванивался с кем-то из своего руководства, и, это значит, что меня всё-таки не арестовывают. Если бы арестовывали — из города бы не вывозили, посадили бы в подвал местного управления контрразведки и уже отбили бы всё, что только можно. Тем более — опыт «допросов» от местной контрразведки у меня есть, спасибо Варшавским контрразведчикам.

Старший капрал вернулся через несколько минут, ещё раз внимательно осмотрел номер машины и выписанный на неё пропуск, и, только после этого вернул документы, пристально всмотревшись в каждого, кому передавал удостоверения личности. И взгляд этот мне как-то не понравился — такой цепки, холодный, кажется, пробирающий до самых костей.

«Он такой же капрал, как я подпоручик Домбровский!» — Пронеслась в голове дурная мысль и тут же исчезла, когда моё удостоверение личности заняло своё законное место в моём нагрудном кармане.

— Вы можете ехать! — Коротко сообщил нашему шофёру старший капрал, после чего поднял руку, показывая своим солдатам, что шлагбаум можно поднять. Провожали нас как большое начальство, встав во фронт, и, приложив к своим пилоткам два пальца.

Вообще, странная ситуация с головными уборами в Польше — я всегда считал, что все рода войск носили конфедератки с орлами. Выяснилось же, что пехотинцы, артиллеристы, лётчики и прочие специалисты могут носить и пилотки, похожие на те, что носились в РККА, только, кокарда вместо звезды была в форме польского орла. Мне же, как танкисту, вместе с полевой формой предполагается носить чёрный берет, но я на это правило плюю — и зачастую ношу обычную полевую фуражку wz.36, или же, как её можно ещё назвать — «мягкую конфедератку», ведь у неё есть козырёк, защищающий глаза от солнца. В общем — нифига в польской армии всё не безобразно-единообразно. И не только в форме. В оружии — тоже. Например, наряду с пистолетами собственной разработки Wis.wz.35 используются револьверы системы Нагана, как царского, так и собственного производства. Или винтовки — кроме новых карабинов Маузер-98а используются и «вёсла»-винтовки Маузер-98, и перестроенные российские Трёхлинейки, и австрийские Манлихеры, а также чёрт знает, что ещё! Вон, те же бойцы на посту были вооружены «длинными» Маузерами-98, в то время, как капитан Галецкого в полном составе получил новенькие Маузер-98а.

Пока я размышлял о трудностях снабжения различным вещевым имуществом Войска Польского, мы подъехали к ещё одному Контрольно-Пропускному Пункту. Обустроен он был несколько серьёзнее, чем тот, на котором нашу машину проверили какой-то десяток минут назад. Помимо окрашенного в красно-белый цвет шлагбаума с табличкой «Stój! Sprawdzenie dokumentów!», а также будки караульного, была настоящая пулемётная позиция, обложенная мешками с песком, с крупнокалиберным Гочкикссом, возле которого поблёскивал своим примкнутым клинком-штыком к винтовке боец.

Мотоциклов видно не было, зато стоял мощный армейский грузовик «Урсус» с белой надписью «Żandarmeria Wojskowa» на двери. Правее, метрах в двухстах стояли два больших деревянных стола, а неподалёку от неё и армейская полевая кухня, возле которой суетился солдатик в белом фартуке и таком же белом колпаке.

На этом КПП старшим был аж целый поручик. Впрочем, нас он своим вниманием не развлекал — лишь бегло посмотрел на нашу машину, достал из кармана пачку сигарет, лихо прикурил своей зажигалкой и задумчиво направился куда-то в сторону ближайших кустов.

На этом контрольно-пропускном пункте процедура проверки повторилась. Разве что, в полевой сумке у капрала, вышедшего проверять документы, был список автомобилей, которые следует пропустить. Поэтому он лишь сверил наши лица с фотокарточками в удостоверениях личности, проверил номер машины по своему списку и по пропуску, после чего пожелал счастливого пути и удалился, велел пропустить нас дальше.

К окончательной цели нашей поездки мы добрались уже затемно.

И у меня возникло сильное чувство дежавю.

Ну, как тогда, когда меня везли на беседу с Маршалом на лимузине. В тот день встреча тоже была в каком-то богатом поместье. Только везли меня тогда не контрразведчики, а начальник.

Последняя проверка была самой серьёзной — нас заставили предъявить личные вещи и сдать оружие. Причём делали это люди «в штатском».

Мой пистолет контрразведчики передали людям «в гражданке». А вот подпись в журнале учёта сданного оружия ставить пришлось мне. В этот самый момент я максимально удостоверился, что это точно не арест.

Один из сотрудников «в штатском», дежурно улыбнувшись мне, попросил проследовать за ним.

Ну что сказать — на этот раз обстановка в особнячке была намного скромнее, чем во время прошлой встречи с паном Маршалом: богатых украшений и различной ажурной мебели, как, впрочем, и картин, замечено мною не было. Всё окружающее убранство было сделано максимально просто, добротнo, и... бедно что ли? Никак я не ожидал подобного от поляков.

Пару раз на глаза попадались армейские посты, состоящие из пары солдат в хорошего качества форме — не уступающей той, в которой я сам хожу — похоже, из заграничного сукна. Из оружия у каждого был пистолет в жёлтой кобуре из английской кожи.

Пройдя через три таких поста, где нам пришлось предъявлять пропуска (мой оказался у сопровождающего), я оказался в небольшой приёмной. В ней было достаточно многолюдно — я насчитал полтора десятка офицеров в звании от капитана до генерала включительно.

Кого-то я знал — например, командира Великопольской кавалерийской бригады, генерала Романа Абрахама я знал, как и командира Подольской кавалерийской бригады, полковника Леона Стшелецкого.

Чуть в сторонке, в компании пехотного майора и артиллерийского подполковника, я заметил ещё одного знакомого — капитана Яна Галецкого, чей мотопехотный батальон, также, как и мой танковый батальон, начал получать различную материальную и техническую поддержку от пана Ковальского.

Первым отреагировать успел генерал Роман Абрахам, которого я видел лишь несколько раз в жизни — организовывая совместную учёбу своих танкистов при помощи его кавалерийской бригады. Всё-таки, по текущему плану, озвученному генералом Кутшебой, мой танковый батальон будет взаимодействовать с кавалеристами генерала Абрахама и полковника Леона Стшелецкого. Впрочем, все прекрасно понимают, что планы — это планы, а в жизни всё может пойти совсем не так, наперекосяк.

Коротко поздоровавшись с кавалеристами, я тут же ощутил на своей спине тяжёлый взгляд. Обернувшись, замечаю, как с нескрываемой неприязнью на меня смотрит незнакомый майор-кавалерист, моложавого вида, с щегольскими усами над верхней губой.

В приёмной надолго мы не задержались — минут через пятнадцать, когда в небольшом

помещении офицерского состава набилось как килек в банке, нас всех пригласили дальше. Первыми в соседнее помещение вошли генералы и полковники, потом, уже практически без соблюдения иерархии начали входить и офицеры младше по званию.

В «зале заседаний» — как я прозвал то помещение, куда нас пригласили, было всё готово для одновременного размещения сразу большого количества офицеров: стояли удобные стулья, поставленные за столами, чтобы было удобно вести записи. На столиках лежали стопки с бумагами и писчие принадлежности. У стены, так, чтобы было видно всем присутствующим, стоял большой стенд, на котором была закреплена крупномасштабная карта региона, с обозначением пунктов постоянной дислокации всех частей армии «Познань».

Дождавшись, когда офицеры рассядутся по местам (на каждом столике стояли таблички со званиями и фамилиями), в центр вышел сам генерал Тадеуш Кутшеба и незнакомый генерал с усиками-щёточкой. Через несколько минут я его опознал — это оказался генерал Вацлав Стахевич, один из ближайших соратников маршала Эдварда-Рыдз-Смиглы, занимался модернизацией армии, контролировал работу над мобилизационными планами. Судя по слухам, считал, что основная угроза Польше исходит со стороны Советского Союза, а не Германии, впрочем, и Третий Рейх он со счетов не сбрасывал, и делал ставку на помощь западных союзников, Англии и Франции в этой войне, был разработчиком плана «Восток» — по войне против Советского Союза и «Запад» — по борьбе против Третьего Рейха.

— Панове офицеры! — Говорить начал генерал Кутшеба. — Все мы здесь сегодня собрались не просто так.

После первых слов командующего армией «Познань» наступила тишина.

— Все мы прекрасно понимаем, что армия нужна не просто так. Именно поэтому я передаю слово генералу Стахевичу.

— Благодарю, пан генерал! — Коротко начал свою речь ближайший соратник маршала Рыдз-Смиглы. — Вы все следите за последними международными событиями. В мире вновь запахло порохом, так уже было однажды, перед Великой Войной, когда сербы убили одного известного по всей Европе австрийца.

Генералов все слушали внимательно, никто даже не пытался как-то нарушить тишину.

— Для нашей с вами родной Польши, похоже, наступают тяжёлые времена. Угроза исходит как с Запада, так и с Востока. Но мы не одни. Наши французские и английские союзники не бросят нас в сложной обстановке. Уже ведутся переговоры о дополнительных закупках техники и вооружения. Некоторые из присутствующих здесь офицеров принимали в этом активное участие...

После последней сказанной генералом фразы, как мне показалось, он посмотрел прямо в мою «душу». А следом за ним, на меня обратили взоры сразу же несколько десятков офицеров.

— Так поблагодарим их за это и перейдём к главной повестке нашего собрания...

Глава 15. Старый знакомый

Совещание с высшим военным командованием продлилось до самого утра. За это время я услышал такое количество информации, что достаточно быстро пришёл к мнению о том, что Польша перед второй мировой войной уж точно оказалась «волком в овечьей шкуре». Ну, или, если быть точнее — «стервятником в овечьей шкуре». Причём стервятником, который активно питается всякой мертвечиной.

Генерал Вацлав Стахевич, близкий соратник маршала Рыдз-Смиглы, прямо скажем, не последний человек в Польской Республике в целом, и в Войске Польском в частности, достаточно долго и пространно рассказывал о том, что в случае войны с Советской Россией или с Третьим Рейхом, союзники в лице Великобритании и Французской Республики обязательно нас поддержат, и уж тогда мы, то есть, поляки, являющиеся «рыцарями Европы» воплотим свои древние мечты о «Польше от моря до моря», захватив территории восточных земель Германии до линии Одер-Нейсе. Услышав о тех землях, которые перечислял генерал, я едва не засмеялся. А ведь действительно, не мог же генерал Стахевич знать, что вся территория, которую он перечислял (ну почти вся) досталась Польше после Второй Мировой Войны по требованию и желанию Советского Союза, у которого, кстати, обезумевшие (как я про себя начал называть некоторых кадров из верхушки армейского и политического руководства) паны хотели забрать территорию Белоруссии (примерно до Минска), а также Украины — желательнее вместе с полуостровом Крым.

В случае войны с Германией, генерал Стахевич намекнул и на ещё небольшую часть территории бывшей Чехословакии.

В общем — совсем зазвездился дядя.

Генерал Кутшеба же, напротив, был практически немногословен, и, говорил коротко и по делу:

— К сожалению, в случае ведения войны с Третьим Рейхом, если эта война, конечно же, будет, нашей армии предстоит оказаться «на вторых ролях». — Голос командующего армии «Познань» был как всегда спокоен и внушал некоторый оптимизм. — Но несмотря на это, нам будут приданы некоторые части усиления. Запомните, паны офицеры, наша задача настолько же важна, как и проста! Нам необходимо сковывать силы противника! Поэтому, несмотря на наше «второстепенное» положение, мы будем действовать более чем активно. О подробностях каждый из присутствующих здесь офицеров будет извещён позднее!...

Стоило мне только покинуть зал совещаний, как ко мне тут же подошёл неприметный мужчина лет около тридцати от роду и негромко попросил проследовать за собой. Судя по внешнему виду и манере общаться — это был очередной контрразведчик.

Петляли по коридорам мы недолго — зашли буквально за пару поворотов, прошли ещё один пост, где стояли такие же молчаливые сотрудники «в штатском», после чего остановились возле ничем неприметной двери.

Сопровождающий негромко рекомендовал мне не сдвигаться с места, после чего постучал в хлипкую с виду дверцу каким-то своим условным стуком и вошёл в помещение. Впрочем, долго ждать мне не пришлось — буквально через пару минут, контрразведчик пригласил меня войти внутрь.

Комната оказалась обычным, скромно обставленным рабочим кабинетом. На стене по левую руку от входа висела крупномасштабная карта Великопольского воеводства. Прямо

передо мной оказался простенький деревянный стол, с установленной на нём дешёвой настольной лампой из какого-то неведомого мне чёрного материала. Кроме лампы на столе нашёл своё место графин с водой, стопка каких-то бумаг, и, подставка под писчие принадлежности.

Но самое главное было не то, что расположилось на столе, а тот, кто расположился за ним.

Напротив меня, за столом сидел капитан, вернее уже майор военной контрразведки Врубель. С момента нашей последней встречи он практически не изменился, разве что слегка пополнел — должно быть, жалование майора способствует хорошему питанию? Впрочем, внешнего вида «лощёного ловеласа» он не потерял, а скорее даже укрепился в нём.

— Здравствуй, Ян! — Коротко поздоровался со мной контрразведчик.

— Здравия желаю, пан майор. — Осторожно поприветствовал я контрразведчика.

— Что же ты так официально? — Краешком губ улыбнулся жандарм. — Под пули вместе ходили, невесту твою из лап бандитов вызволяли... А ты так официально...

— К сожалению, все перечисленные вами события, пан майор, нисколько не добавляют мне любви к вашему ведомству. — Холодно ответил я.

— Да ты садись... — Изображая радушного хозяина, предложил мне Врубель.

— Садятся пусть другие. А я лучше присяду. — Коротко ответил ему я, присаживаясь на неудобный стул, стоявший рядом со мной.

Шутку из моего времени контрразведчик понял правильно, и, что меня удивило, оценил её по достоинству, искренне рассмеявшись. Впрочем, с последним он справился быстро, и, прежде, чем контрразведчик успел что-то у меня спросить, первый вопрос задал я:

— Чем обязан или могу помочь вашему ведомству?

Контрразведчик внимательно посмотрел на меня, что называется, «заглянул в самую душу», после чего сразу же перешёл к делу:

— Ты, поручик, понимаешь, что похищение Терезы во Франции было совершено не просто так?

Дождавшись моего осторожного кивка, Врубель продолжил:

— Это была попытка выхода на пана Ковальского. Как ты уже знаешь, пан Ковальский весьма влиятельный человек в узких кругах. В настолько узких кругах, что мне даже думать об этом не хотелось бы. — Контрразведчик многозначительно поднял взгляд вверх, показывая, с насколько влиятельными людьми близок мой будущий тесть. — И некоторые влиятельные лица из этого «узкого» круга очень заинтересованы в том, чтобы подобного более не произошло. К ряду ведущих промышленников нашей страны уже приставлены сотрудники контрразведки для охраны. Меня и моих людей же решено использовать для охраны пана Ковальского и его близких. В этот круг «близких» людей пана Ковальского попал и один поручик-танкист. Когда я послал своих людей с тем, чтобы они присмотрели за ним, всё-таки этот поручик, порою является генератором очень хороших идей и к нему иногда прислушиваются на самом верху, они обнаруживают, что этим молодым и подающим надежды офицером интересуется ещё кто-то. К счастью, моим людям было известно, что тебя должны были вызвать на это совещание, и я в том числе отвечаю за безопасность этого мероприятия. Вот они и инсценировали твою встречу с другом и исчезновение в неизвестном направлении. Теперь я хочу узнать, никто не выходил с тобой на связь?

Ненадолго наступило молчание. Контрразведчик сверлил меня своими умными глазами, а я думал о чём стоит говорить капитану Врубелю. Времени на то, чтобы придумать сколько-

нибудь правдивую легенду у меня нет. Начну врать — сам же запутаюсь, поэтому я решил говорить правду. Пусть не всю, но это уже лучше, чем просто врать.

— Мне передали недавно письмо от некоего «Робеспьера». В нём были намёки на наше Французское приключение. — Осторожно начал говорить я. — Послание было передано моему водителю.

Контрразведчик кивнул, после чего искренне улыбнулся. А я понял, что только что прошёл проверку, ведь мой новый водитель, присланный аж из Варшавы, оказывается человеком капитана, вернее уже майора Врубеля! Тогда всё сходится! А ведь действительно — намного проще приставить своего человека на какую-нибудь незначущую, но действительно нужную должность, чтобы контролировать объект наблюдения, чем пытаться завербовать кого-то из состава батальона! Это же гениально просто!

Майор Врубель вдруг согнал с лица улыбку, и я понял, что он понял, что я раскусил его сотрудника. Смысла его больше скрывать не было, поэтому контрразведчик продолжил:

— Твой шофёр, это сотрудник контрразведки. Если тебе потребуется экстренная связь со мной или какая-либо помощь, ты можешь просто обратиться к нему.

— Понял. — Нехотя кивнул я.

— Больше ничего не было? К тебе никто не приходил? Встречи не назначали?

Контрразведчик опять уставился на меня так, что я почувствовал, будто он читает мои мысли. Снова, зараза, «заглянул мне в душу».

— Встречу назначили. — Буркнул я. — Детали уточнят позднее.

Контрразведчик кивнул, после чего взял со стола перьевую ручку, макнул её в чернильницу и быстро накарябал пару адресов и телефонных номеров в Познани, протянул листок мне.

— По этим номерам можно передать сообщение для меня. Люди проверенные. По адресам находятся конспиративные квартиры. Запомни, если на первом этаже, в почтовом ящике нужной тебе квартиры торчит газета и конверт, значит, внутри свободно и ты можешь войти внутрь. Ключ спрятан в конверте.

— А не боитесь, что ключ украдут?

— Не должны. Если даже и так, ты можешь бросить записку в почтовый ящик. Информацию мы всё равно получим.

— Понял.

— Тогда, не задерживаю. Резервными каналами связи, старайся попросту не пользоваться. Удачи, поручик!

Глава 16. В машине с интендантом

Контрразведчиков я покинул с превеликим удовольствием. Ну сами подумайте — кому приятно самолично подписываться на работу с «чекистами»? Тем более, бесплатно. Ещё и чёртово знакомство с майором контрразведки Врубелем играло против меня.

Оказавшись на улице, я достал из кармана бридж пачку папирос и закурил при помощи спичек, лежавших там же. Сделав несколько быстрых затяжек, выбросил окуроч в ближайшую урну и направился ко всё ещё стоявшим неподалёку армейским автомобилям. Конечно, машины высокого начальства уже разъехались, но несколько вездеходов и малолитражек всё ещё ютились на парковке, поджидая таких же, как и я, припозднившихся офицеров.

На моё счастье, к одному из штабных «Мазуров» шёл знакомый подполковник-интендант из штаба армии Познань. Именно к нему я и направился. Коротко откозыряв, приложив два пальца к козырьку фуражки, начинаю диалог:

— Пан подполковник, разрешите обратиться?

Невысокий полноватый интендант с хорошо различимой залысиной под фуражкой едва заметно вздрогнул, после чего повернувшись ко мне лицом, улыбнулся и поприветствовал:

— Поручик Домбровский! Я рад вас видеть!

Коротко поздоровавшись, пожав друг-другу руки, я сразу же взял «быка за рога» и перешёл к тому, ради чего, собственно, я и направился к старшему по званию:

— Пан подполковник, вы сейчас в Познань? В штаб армии?

— В штаб армии я с утра. А вот в Познань еду. — Кивнул интендант.

— Попугчика возьмёте?

— Тебя? Конечно! Эй, Юзек! — Подполковник повернулся к ближайшему, грязно-зелёному Польскому Фиату и позвал своего шофёра, молодого паренька лет восемнадцати. — Заводи машину, да побыстрее!

Задремавший за рулём водитель вздрогнул, подскочил, ударился головой о крышу, после чего выскочил из машины и вытянулся перед подполковником:

— Слушаюсь, пан полковник! — Польстил шофёр своему начальнику, после чего подскочил к задней двери, и, открыв её, помог устроиться полноватому подполковнику.

Мне, как младшему по званию офицеру, двери никто открывать не стал. Ну да я и не гордый — сам справлюсь. Так что, просто обошёл автомобиль, и, открыв заднюю дверь автомобиля, нырнул в салон на место, рядом с подполковником.

Шофёр же, услужливо захлопнув дверь за интендантом, вернулся на своё место, нажал на ключ электростартера и плавно тронулся с места.

Контроль на выезд через контрольно-пропускные пункты был, мягко говоря — не очень. На каждом из постов лишь сверили номера автомобилей, да проверили документы у шофёра. После чего пожелали счастливого пути и отпустили. Я лишь неодобрительно покачал головой.

Когда все посты оказались позади, и, мотор заревел на повышенных оборотах, подполковник прервал затянувшееся молчание:

— Это просто замечательно, что мы с вами, пан поручик, едем в Познань вместе с вами!

Причин, почему замначальника интендантского управления армии рад случайной поездкой со мной, может быть совсем немного. Вернее — одна. Будущий тесть, благодаря

которому на управление армии «Познать» посыпались разнообразные плюшки в виде нового автотранспорта, улучшения снабжения по некоторым вещевым категориям.

Поэтому я лишь коротко кивнул и дружелюбно улыбнулся, но перебивать его не стал.

— Вы знаете, поручик. К нам на склады постепенно поступает новое оружие. Ну да вы прекрасно знаете об этом! Из новых противотанковых ружей обстреливали броневые автомобили по вашему проекту...

Дождавшись, когда я кивну, подтверждая, что знаю о противотанковых ружьях «Ур», подполковник продолжил:

— Ружья-то к нам поступают. А вот с патронами проблемы. И я был бы очень рад, если бы пан Ковальский, по возможности поднял этот вопрос.

— Я поговорю с паном Ковальским. При случае. Возможно, что-то из этого и получится...

Радости интенданта-подполковника не было предела, чего он и не собирался никак скрывать. Да и прекращать пользоваться возникшей ситуацией, когда я нахожусь у него пусть и в небольших, но всё-таки должниках, он продолжил на максимум, поэтому тут же закинул удочку насчёт ещё одного вопроса:

— Комбинезоны и шлемы, которые вы предложили использовать вместо шлемов Адриана в бронетанковых войсках были высоко оценены нашими танкистами и командованием. Я так понимаю, шьются они на предприятиях пана Ковальского? Пока есть такая возможность, я бы хотел попросить вас, передать ему несколько документов, касательно поставки этих комплектов в первую очередь именно в нашу с вами армию «Познать».

— Я с радостью передам пану Ковальскому эти документы, и, по возможности, постараюсь организовать встречу с тем, кто сможет решить эти вопросы. — Осторожно отвечаю интенданту.

Снабженец заулыбался как довольный кот, после чего поблагодарил меня, причём, как мне показалось, от души:

— Вы, пан поручик, заходите при случае. И если по моему ведомству у вас будут какие-то недопонимания и проблемы, не стесняйтесь, заходите. Буду рад помочь!

На этот раз улыбнулся уже я:

— Благодарю, пан подполковник. Непременно воспользуюсь вашим предложением, если возникнут какие-либо вопросы!

К счастью, важных вопросов мы более не поднимали. Не считать же за «важные и серьёзные» вопросы трёп о моей скорой помолвке?

— Вы знаете, подпоручик, все офицеры штаба вам завидуют. Особенно те, что моложе возрастом и чином пониже. И не женатые, само-собой. — Подполковник улыбнулся во все свои тридцать два белых зуба. — А уж сколько людей гадают, кого вы всё-таки позовёте на празднования? Некоторые офицеры уже пари заключили, кого вы первым пригласите!

— Пари? А что, это интересно! — Также, в «тридцать два» зуба улыбнулся уже я. — И какая сумма?

— Если сложить всех участвующих, то на данный момент общая сумма, которую получит победитель будет равняться двум с половиной тысячам злотых. — Заговорщицким тоном поведал мне интендант.

Я мысленно присвистнул — уже почти четыре сотни долларов на кону! И я не в курсе! А сколько сейчас средняя зарплата в Североамериканских штатах? Сотни полторы баксов в

месяц? Или сотня? Да пофиг! Две с половиной штуки золотых — очень хорошие деньги сейчас!

Мой мозг начал работать со скоростью мощного компьютерного процессора моего времени, накидывая мне различные варианты, как из этой ситуации можно выжать немного денег. Деньги, они, как известно — лишними не бывают! Никогда. И ни у кого!

— Пан подполковник. — Начал проникновенно я. — Как вы думаете, если общий банк поднимется тысяч до трёх золотых. Сможем ли мы сделать так, чтобы выиграли вы?

— А выигрыш поделили напополам? — Тут же подхватил мою мысль снабженец.

И кто говорил, что люди в двадцатом веке соображают долго? Или это все люди соображают долго, кроме интендантов, а интенданты ищут где бы заработать? Так или иначе, подполковник закончил мою мысль даже раньше, чем я успел её проговорить!

— А вы зрите прямо в корень, пан подполковник. — Подмигнул ему я.

Думал интендант недолго. Всего пару секунд, после чего утвердительно кивнул и пожал протянутую руку:

— Я согласен!

«Кто бы сомневался!» — Пронеслась шальная мысль в голове, после чего я возрадовался. Всё-таки лишних денег не бывает.

А случай, когда я «обрадовал» первого гостя случился буквально через неделю, когда общая сумма перевалила аж за три тысячи двести золотых. Впрочем, никто особенно и не разозлился, потому как, мы всё-таки пришли к общему мнению с паном Ковальским насчёт гостей — их должно быть много. В первую очередь это показатель статуса и пана Ковальского как отца, и меня — как будущего зятя. Поэтому, в разном порядке было приглашено чуть ли не с сотню офицеров в различных званиях. Разве что стоит отметить, что среди «особо важных» гостей у меня окажутся люди, чьи имена совсем скоро войдут в историю: генерал Тадеуш Кутшеба, командующий армией «Познань»; полковник Владислав Андерс, пока ещё обычный командир кавалерийской бригады и никакой не командующей армией, но я-то прекрасно знаю, кем он будет! А также полковник Станислав Мачек, командир 10-й моторизированной кавалерийской бригады, который впоследствии будет считаться чуть ли не гением польских танковых войск. Среди гостей так же оказались все офицеры моего батальона, а также знакомые из батальона капитана Януша Галецкого и те немногие, с кем я сошёлся во время службы в Генеральном Штабе. На радостях я разошёлся и отправил открытку с приглашением самому... Маршалу Рыдз-Смиглы. Впрочем, насчёт маршала я не был уверен, что он её даже получит. Поэтому... Мой поступок в двадцать первом веке могли бы назвать глупым западным словом — пранк.

Глава 17. Разговор с Терезой

Помолвку назначили на вторую неделю августа. На двадцать пятое число. Дату выбирал я сам — с одной стороны, пан Ковальский успокоится и перестанет думать, что я всеми возможными силами пытаюсь избежать новой стадии отношений с его дочерью. А именно это мне сейчас как раз и не нужно — очень многое стоит на кону. Конечно, я прекрасно понимаю, что переиграть всю войну, пустив историю по другому пути у меня вряд ли получится, но немного подкорректировать известную мне реальность — вполне реально. Тем более, может быть, удастся сделать что-то выдающееся, что впоследствии поможет моей стране — Советскому Союзу выиграть эту войну с чуть меньшими потерями?

Да-да! Своей страной я до сих пор считаю Союз Советских Социалистических Республик. Да и своей армией — не польскую, а Рабоче-Крестьянскую Красную Армию. И всё ещё очень многое бы отдал, чтобы надеть на себя мундир советского старшего лейтенанта Автобронетанковых Войск, а не поручика Войска Польского. Ну да мы предполагаем и мечтаем, а судьба — располагает. Впрочем, что самое противное — никак помочь Советскому Союзу мне так и не удалось: на советскую разведку я так и не вышел, никакой информации не передал, да ещё и не смог заработать себе имя в СССР, а это значит, что после поражения Польши в сентябре этого года путь в Страну Советов мне заказан.

Печальные мысли заставили меня тяжело выдохнуть, что привлекло внимание Терезы, читающей какой-то зарубежный модный женский журнал, кажется, французский.

— Что-то случилось, милый? — Взволнованно спросила меня девушка, отложив свой журнал на кофейный столик и спустив ножки с кресла вниз.

Её мягкий, ставший таким родным в последние полгода голос заставил меня непроизвольно улыбнуться, отложив перед этим окурки папиросы в ажурную пепельницу, расположившуюся на моём краю кофейного столика:

— Нет, всё отлично, дорогая.

Посчитав ответ исчерпывающим, я потянулся к чашке с ещё тёплым кофе, и, сделав маленький глоточек, поперхнулся, ощущая на себе взгляд Терезы. Как известно, обмануть влюблённую девушку очень сложно, и мои попытки «съехать» со скользкой темы были банально раскрыты, а сам ваш покорный слуга тут же оказался прижатым к стенке и услышал вопрос, способный выбить кого угодно из колеи:

— Кто она?

Услышав вопрос, неуместный, как мне кажется, в любой обстановке, я не нашёл ничего лучше, чем засмеяться. Впрочем, надолго продлить свою жизнь мне не удалось — внимательный и какой-то строгий взгляд панны Терезы прервал мой смех. Пришлось выкручиваться на ходу, не рассказывая невесте всю правду:

— Тереза. Сейчас в мире очень сложная обстановка. В Польше может быть небезопасно. С твоим отцом мы уже разговаривали и пришли к мнению, что сразу после помолвки ты должна уехать из страны.

— Как? А ты? — Увидев в моих глазах ответ, так и не успевший сорваться с уст, она тут же отрезала, слегка поджав губки. — Без тебя я не поеду!

Мне показалось, или, Тереза бы не так бурно отреагировала, сознайся я ей в измене?

Прежде чем что-то сказать, решаю выиграть несколько дополнительных секунд и делаю очередной глоток кофе, после чего отставляю чашечку в сторону и тяну свои руки в сторону

Терезы. Аккуратно обхватив ладони невесты, я продолжил говорить:

— Дорогая. Я офицер. А ты гражданский человек. И мне проще будет воевать, если я буду уверен, что ты в безопасности.

— Но я хочу с тобой... — Попыталось было воспротивиться девушка, напустив в голос неподдельной тоски, но тут же была прервана мной:

— Представь, — Продолжаю свою мысль я. — Случилась война. Я, допустим, зная, когда она начнётся, под первыми бомбами не буду выводить свой батальон к месту сосредоточения, а побегу спасать тебя. Это, если я не буду ночевать в тот день дома. А дома меня в последние дни мира не будет точно.

Девушка зажмурила глаза, должно быть, пытаюсь представить всё то, что я ей говорю.

— Летят самолёты. Бомбы. Взрывы. Могу погибнуть я, потому что... Да много почему! Первый день. Паника. Неразбериха. Бандиты выйдут на дорогу...

— Но ты и с батальоном можешь погибнуть... — Открыв глаза, с осознанием беспомощности произнесла Тереза.

— Могу. Но тогда я погибну как офицер. На боевом посту. А это другое. — Попытался сказать я бодро. Получилось не очень. Мысленно плюнув на это, продолжаю. — А если я тебя не найду дома? Если ты испугаешься или побежишь к какой-то своей подруге? Пока я тебя буду искать, может пройти несколько часов. Это значит, что на эти несколько часов танковый батальон окажется без управления! А если он где-то будет нужен? А если другие офицеры батальона растеряются?

— А с чего ты взял, что что-то будет? — Осторожно поинтересовалась девушка.

— С февраля, а где-то с марта месяца наша армия начала скрытую мобилизацию, чтобы не насторожить «соседей». Личным составом и вооружением пополняются кавалерийские, артиллерийские, танковые и авиационные части. — Раскрыл я ей тайну, известную мне из интернета двадцать первого века. Впрочем, правдой я не ограничился и продолжил нагонять жути, чтобы девушка согласилась на переезд из Польши добровольно. — На немецкой границе тоже беспокойно. По некоторым источникам, германцы спешно пополняют свои дивизии мобилизованным личным составом. Размещают оружие. По моим подсчётам, силы немецкой армии раза в два с половиной сильнее всей нашей польской армии. Но это пока только мои размышления. Точных чисел мне никто не доводил.

Тереза молчала. С каждым моим словом, в её глазах усиливался ужас. По ней было видно, что она мне верит.

— Если же я буду знать, что ты находишься в безопасности. Где-нибудь, скажем, в Бразилии или Североамериканских Штатах. Будешь пить вкусный коктейль, спокойно отдыхать, находясь в безопасности, а не под бомбёжкой, то и мне будет легче. Я буду спокоен. Меня ничего не будет отвлекать от службы. — Закончил свою мысль я.

— Я тебе мешаю? — Вопрос, который был задан мне, в очередной раз за последние двадцать минут чуть не выбил меня из колеи.

«Интересно! Это с детства у них такое умение, задавать самые неподходящие вопросы и слышать только то, что они хотят услышать?!» — раздражённо подумалось мне, впрочем, по понятной причине этого спрашивать я не стал и ответил честно:

— В случае войны. Да. — Прежде, чем девушка успела обидеться, продолжаю. — Вместо руководства людьми я буду переживать за твоё здоровье, за твою безопасность. Я — как командир батальона, ответственен за жизни двух сотен человек кроме себя. Я в ответе за их жизни перед семьями, братьями, сёстрами и родителями. В случае гибели кого-то из

своих людей я не смогу объяснить, почему не был достаточно собран, организован в каждом конкретном случае. Почему из-за моей ошибки погибнет чей-то брат, муж, сын, отец. И я не хочу, чтобы именно ты была причиной моих ошибок. Я хочу, чтобы ты ждала меня с победой где-нибудь в солнечной Флориде или Калифорнии, нежилась на пляже и отдыхала, не забывая себе голову тем, как бы тебе найти возможность переночевать в тепле, чтобы ты не думала о своём завтрашнем пропитании. У тебя есть отец и младший брат Анджей, который уже стал членом моей семьи. И я желаю, чтобы они тоже были в безопасности. С паном Ковальским мы уже общались на эту тему. Он со мной согласен, в целом. И уже занимается всем, что только можно...

Тереза внимательно посмотрела в мои глаза, разрыдалась и бросилась ко мне. Я её нежно обнял и негромко, на ушко сказал:

— Я вернусь...

Глава 18. Подполковник Влодзимеж Каня

О том, что в составе армии «Познань» будет ещё один танковый батальон, мне уже было известно. Как и известна материальная часть, на которой он будет сформирован — лёгкие танки времён прошлой Великой Войны, Рено ФТ-17.

И вот, батальон этот, вооружённый полусотней этих стареньких машин, уже сформирован, прошёл первичную подготовку и прибыл к пункту постоянной дислокации. Вот там-то мне и предстояло познакомиться с командиром этого батальона. В тот момент я ещё не знал, что это знакомство мне не принесёт никакой пользы, и, даже больше — нанесёт некоторый вред. Впрочем, обо всём по порядку.

Надрывно пыхтя и выпуская пар отовсюду, откуда это было положено, к перрону медленно катился воинский эшелон. Следом за локомотивом и тендером катились несколько грузовых вагонов, обыкновенных теплушек для перевозки различного груза, и, только шестым по порядку шёл дорогой пульмановский вагон, переданный, судя по всему, командованию батальона. Прикинув, где он должен остановиться, я прошёл несколько десятков метров по перрону, и стал ждать.

Наконец, через несколько минут, когда поезд, известив всю округу о своём прибытии мощным гудком, застыл на месте, и, открылась дверца вагона, из которой выскочил немолодой мужичок в железнодорожной форме, а следом за ним, несколько взволнованных офицеров в чинах подпоручиков, я увидел его — командира батальона, подполковника бронетанковых войск Влодзимежа Каня. Или Каню? Впрочем, не особо-то и важно, как склоняется его фамилия.

В который уже раз, оправив форму и принимая вид «лихой и придурковатый», как завещал когда-то последний Царь Всея Руси и первый Император Всероссийский, Пётр Первый, он же Великий, направляюсь к вышестоящему офицеру, и, пройдя три строевых шага, и, вскинув к виску два пальца, докладываю:

— Пан подполковник! Поручик Домбровский, командир отдельного танкового батальона «Познань», поздравляю вас с прибытием к дальнейшему месту службы! Прошу проследовать со мной, вас ожидает пан генерал Кутшеба!

Скривившись от моего доклада, подполковник как-то смазано откозырял в ответ, и, пошатываясь, направился в мою сторону.

— Веди, поручик! — Не дойдя до меня несколько сантиметров, бросил он мне в лицо, причём сделал это так, что у меня перехватило дыхание от аромата, исходящего из рта подполковника. Это сколько же он выпил?

Впрочем, это не моё дело.

Развернувшись через левое плечо, я направился к пристанционной площади, где нас уже ожидал мой служебный автомобиль — шикарный лимузин, прибывший в моё подчинение вместе с шофёром, прямо из Варшавы.

Увиденное подполковником авто представительского класса, произвело на подполковника Каня неизгладимое впечатление. Пьяно подмигнув мне, он заплетающимся языком произнёс:

— Уважают!

Говорить о том, что этот автомобиль передан в моё подчинение я так и не стал — пьяному что-то доказывать бессмысленно, поэтому я и не буду!

При помощи шофёра, капрала Дзедзича мне удалось усадить пьяницу на заднее сидение автомобиля, а, когда я вознамеривался было сесть рядом, подполковник разразился гневной тирадой в мой адрес. Если опустить все местечковые матерные выражения, то перефразировать его спич можно было просто:

— Проваливай отсюда! Не место тебе в моём лимузине, поручик!

На секунду я застыл, поражённый данным заявлением, но придя в себя, коротко бросил в ответ:

— А не пойти бы вам к чёрту, подполковник! Из МОЕЙ машины?

Впрочем, пока я приходил в себя, обдумывал что и как сказать подполковнику, выяснилось, что эта пьяная морда просто... заснула!

Негромко выругавшись, я зло зыркнул на капрала, который всё это видел и слышал, и, проследив за тем, как тот скроется в автомобиле, усевшись за рулём, всё-таки сел в лимузин. Правда, на переднее сиденье — ещё не хватало, чтобы этот алкаш заблевал меня, если ему вдруг будет паршиво.

До штаба армии добирались долго — около получаса. Повинуясь какому-то своему внутреннему чутью, капрал Дзедзич вёл машину аккуратно, с низкой скоростью, хотя и знал о том, что я любитель большой скорости.

На КПП у штаба армии, я вышел из автомобиля и по полевому телефону в будке часового договорился о вызове к главному входу начальника караула с парой солдат покрепче. Поэтому, когда мы доехали-таки до крыльца, нас уже ждали.

— Принимайте тело. — Коротко кивнул я на заднее сидение знакомому капитану, командиру роты охраны штаба армии.

Открыв заднюю дверь, капитан засунул голову в салон, и, почувствовав запах, исходящий изнутри, отшатнулся от машины:

— Это кто такой?

— Подполковник Влодзимеж Каня, собственной персоной. — Сквозь зубы проговорил я. — Новый командир танкового батальона.

Как-то незаметно вокруг начали собираться зеваки — офицеры и подофицеры управления штаба армии «Познань».

— Когда это тебя сняли? И за что? — Вопросительно уставился на меня капитан.

— Да не меня сняли. Второго батальона. — Всё также, сквозь зубы отвечаю я. — Эй вы, двое, вытаскивайте уже подполковника, пока он мне всю машину не заблевал!

Бойцы с карабинами на ремнях не сдвинулись с места, лишь вопросительно уставились на своего командира.

— Адам. Выручай. — Подойдя вплотную к капитану, негромко, чтобы слышал только он, сказал я. — Если я до этого козла ещё раз притронусь, я же не вытерплю и разряжу всю обойму ему в лицо!

Офицер не сдвинулся с места, лишь поигрывая желваками и сверля меня тяжёлым взглядом.

— Адам, с меня бутылка коньяка. — Также шёпотом пообещал я.

Капитан-пехотинец тут же изменился в лице, как-то потеплел и стал более дружелюбным, понятиливо кивнул, после чего повернулся к своим стрелкам и быстро, но коротко приказал подчинённым:

— Вытаскивайте его!

Пехотинцы послушно козырнули, ответили положенное «Так jest!» и принялись

выполнять приказание.

— А ты чего стоишь? — Раздражённо бросил я шофёру, скромно расположившемуся за рулём автомобиля. — Отдельное приглашение нужно?

Капрал Дзедзич без особого энтузиазма на лице вылез из автомобиля, как-то недобро посмотрел на меня, после чего бросился на помощь своим товарищам по несчастью, от которых в пьяном бреду пытался отбиться этот чёртов подполковник Каня.

Спустя несколько долгих минут и пару выкуренных мной в неположенном месте папирос, эти трое всё-таки умудрились вытащить из салона изрядно помятого и осунувшегося офицера.

Именно в этот момент куда-то и подевались все зеваки, а вокруг наступила звенящая тишина, не предвещающая ничего хорошего.

Мысленно выругавшись, и, предчувствуя что-то нехорошее, бросаю окурок на землю и поворачиваюсь назад через левое плечо. Следом за мной, поворачивает голову и капитан.

— Пан генерал! Смирно! — Вытягиваясь во фронт, успеваю гаркнуть я прежде, чем слышу негромкое, но твёрдое:

— Что за бардак? Что тут происходит?

А дальше... Дальше случилось то, чего никто не ожидал: солдаты, повинувшись моей команде, вытягиваются по стойке «смирно!» и бросают подполковника. Подполковник Каня, что-то бубнивший себе под нос, начал заваливаться вперёд, прямо на генерала. Прежде, чем кто-то успевает что-то понять, я делаю шаг вправо, и оказываюсь на траектории падения подполковника, и, пытаюсь перехватить падающую тушу. Каким-то чудом мне это удаётся сделать. Вот только пьяный подполковник имеет своё мнение по поводу всего происходящего, и он пытается вырваться из моих рук. Хуже всего, что у него это получается!

Вырвавшись из моих рук, он падает на бок и его начинает выворачивать! Прямо на мои сапоги!

Застыли все: солдаты и капрал от неожиданности появления генерала, повинувшись моей последней команде; капитан Адам — в ожидании выволочки от командарма; генерал Кутшеба из-за... а чёрт знает из-за чего именно он застыл, возможно, набирая воздух в лёгкие, чтобы начать орать. А я... Я просто застыл в ах@е!

Первым в себя, как это и положено по воинской иерархии, пришёл генерал Кутшеба и тут же начал... нет, не орать, а заниматься тем, что он умеет лучше всего в жизни — командовать людьми:

— Капрал, и вы, двое! Быстро взять подполковника, оттащить его в санитарную часть и передать на руки врачам. Чтобы через час! — Окинув взглядом лежащее тело, Кутшеба немного изменил сроки. — Чтобы через полтора часа, подполковник стоял у меня в кабинете. Сам стоял!

— Слушаюсь, пан генерал! — Ответил за всех мой шофёр, и, как старший по званию среди солдат, начал руководить. — Ну, взяли!

— Поручик! Привести себя в порядок! Через десять минут, чтобы вы ждали меня в приёмной у моего кабинета!

— Слушаюсь! — Придя в себя, козыряю двумя пальцами я, после чего делаю несколько шагов в сторону и стряхиваю всё лишнее с сапог, после чего быстрым шагом направляюсь к туалету на первом этаже, где при помощи воды, надеюсь, почистить сапоги.

— Капитан, быстро навести здесь порядок!

— Слушаюсь! — Адам, так же, пришедший в себя, тут же начал руководить,

прикрикивая на своих подчинённых с места.

К счастью, чтобы привести себя, далеко идти не пришлось — на первом этаже, недалеко от поста дежурного, в небольшом помещении была организована неплохая уборная, где была возможность не только недавно прибывшему посыльному форму от пыли отбить, почистить сапоги, но даже и «подумать» пол часика в отдельной кабинке. Последнее мне было ненужно — в уборной я с утра уже был — а вот с сапогами разобраться, точно нужно. Вот только не самому — невместно, пану офицеру, самому свою обувь чистить! Собственно, для этого обычно и «припахивались» свободные бойцы из роты охраны.

Сегодня таким «счастливым», попавшимся мне на глаза, оказался лопоухий паренёк лет семнадцати от виду. Бегло посмотрев в почти детское лицо, сам того, не осознавая до самого конца, я понял, что мне отчего-то очень жаль этого парнишку. Впрочем, пока пан поручик разбирался со своими внутренними чувствами, думал, чем же его зацепил этот молодой человек, солдат при помощи мокрой тряпки, щётки, какой-то губки и крема для обуви привёл сапоги в идеальное состояние, что называется, «начистил до блеска».

Не зная, как отблагодарить парнишку, я залез в карман форменных бридж и достал первую попавшуюся купюру, оказавшейся пятёркой злотых, и протянул солдату. Тот принял деньги и спрятал их в нагрудный карман, после чего с добродушно-благодарной улыбкой, от души поблагодарил:

— Благодарю, пан поручик!

Попрощавшись с бойцом, я быстрым шагом направился к приёмной генерала Тадеуша Кутшебы. Там, как обычно, было многолюдно, на диванчиках расположилось несколько офицеров в званиях от капитана до подполковника. Кто-то изучал свои бумаги, ожидая, когда его пригласят пройти, а кто-то тихо переговаривался.

Адъютант, он же секретарь генерала Кутшебы, заметив меня, кивнул как старому знакомому и знаками показал, чтобы я подошёл поближе. Выделяться я не стал, и, послушно приблизился к капитану. Тот негромким шёпотом, так, чтобы услышал только я, предупредил:

— Пан генерал сегодня говорил с Варшавой. После этого был не в духе. Поэтому сегодня нужно быть максимально кратким. Понимаешь?

Я понятливо кивнул и также негромко, коротко поблагодарил:

— Спасибо за предупреждение!

Капитан добродушно улыбнулся одними краешками своих губ, после чего поставил точку в нашем разговоре:

— Сочтёмся!

Улыбнувшись в ответ, я ещё раз окинул взглядом приёмную, и обнаружил, что со свободными местами-то сейчас очень напряжённо, поэтому в очередной раз за сегодняшний день выругался, мысленно сплюнул и подошёл к окну, возле которого негромко перешёптывались два незнакомых мне офицера в форме Военно-Воздушных Сил.

Офицерская форма ВВС Польской Республики представляла собой мундир серо-стального цвета, под которым виднелись белые рубашки и галстуки чёрного цвета. На ногах офицеры носили ботинки, а не сапоги. Да и на голове у них были не привычные мне по пребыванию в прошлом-настоящем «конфедератки»-«рогатыки», а привычного, европейского вида фуражки, правда, с польскими орлами. А вообще, по фасону эта форма напомнила мне форму ВВС РККА довоенного образца — галстуки, рубашки эти...

Лётчиков, как я уже сказал, было двое. Майор и капитан.

Майор, сразу видно — начальник. Ниже меня ростом на полголовы где-то. И сразу видно, что уже в годах — «за сорок».

Капитан — молодой парень, лет двадцати пяти. Моего роста, но худощав, поэтому кажется, что форма на нём висит как на пугале.

— Паны офицеры, разрешите? — Коротко попросил разрешения присоединиться к их компании под названием «нам нашлось место только у окна» я.

Майор неприязненно окинул меня взглядом и великодушно кивнул, разрешая расположиться рядом. Я долго себя ждать не заставил, и, повернувшись спиной к окну, облокотился о подоконник, впрочем, сделав это так, чтобы со стороны никто не мог сказать, что я веду себя как-то неподобающе. Лётчики же помолчали пару минут, видно, свыкаясь с вынужденным соседом в моём лице, после чего продолжили разговор:

— Наши PZL-11с, конечно, уступают германским «Мессершмиттам», да и французским «Моранам»-405, по правде говоря тоже. И в скорости, и в вооружении. Но я думаю, в манёвре мы их можем сделать. — Негромко, но авторитетно заявил своему подчинённому майор. — Стоит только им сойтись с нами в манёвренном бою... Да с нашим новым вооружением. Не спроста же на наши «единички» дополнительные пулемёты?

Мне показалось, или старший по званию лётчик, аж причмокнул губами, представляя, как он сбивает очередной... неважно чей, самолёт?

Капитан-лётчик же слушал своего старшего товарища и не перебивал.

— Да и говорят, скоро в войска пойдут новые самолёты. PZL-50. Знаешь, капитан, как их уже прозвали? — Не дожидаясь ответа своего подчинённого, майор сам же ответил на свой вопрос. — «Ястребами». Представь себе, восемьсот сорок лошадиных сил. Максимальная скорость, аж пятьсот километров в час, крейсерская в районе четырёхсот сорока! Это не наши триста девяносто километров в час максимальной скорости, да двести пятьдесят крейсерской! Это такие машины будут, что... что...

Капитан молча слушал своего начальника, а майор, майор говорил всё громче и громче, переходя с шёпота на повышенные тона. К счастью, вскоре он замолчал, видимо, подбирая слова. Именно в это время свои пять копеек вставил капитан:

— А всё-таки жаль, что мы летаем на «единичках», а не на «двадцать четвёртых»! У него и скорость больше, и вооружение мощнее. Конечно, не «Ястреб», но всё-таки...

Майор, услышав о PZL P-24, истребителе, разработанном в Польше, но послужившим везде, кроме Польши, лишь заткнулся, набирая в рот воздуха, чтобы что-то сказать. Но на моё счастье (и счастье остальных офицеров, уже обративших внимание на слишком шумных лётчиков), в коридоре послышались тяжёлые шаги и обронить больше ни слова, разговорчивый майор более не решился. Впрочем, правильно — через несколько секунд в приёмную вошёл раздражённый генерал Кутшеба, и, остановившись у входа, обвёл всех присутствующих тяжёлым взглядом.

— В порядке очереди. Ко мне. Через пять минут. По одному. — Отрывисто оповестил всех присутствующих генерал, после чего достал из кармана кителя ключ, открыл дверной замок своего кабинета и быстро скрылся за дверью.

Адъютант генерала лишь встал со своего места, подошёл к незнакомому подполковнику-артиллеристу и сообщил, слегка повысив того в звании:

— Пан полковник, вы первый.

Артиллерист нервно кивнул, после чего достал из своего кармана белый платок и аккуратно протёр выступивший на лбу пот. Капитан-адъютант же подходил к каждому и

сообщал его место в очереди:

— Пан майор, — подошёл он к офицеру с пехотными знаками отличия. — Вы второй.

— Вы третий, пан подполковник. — Подошёл к смутно знакомому мне офицеру адъютант. — А вы, пан капитан, четвёртый...

Обойдя по кругу всю приёмную, и, направившись ко мне, к последнему, капитан-адъютант огорошил меня:

— Вы двадцатый, пан поручик.

Я в очередной раз мысленно выругался — нет ну какого чёрта?

Впрочем, спорить тут было бессмысленно, поэтому я лишь поблагодарил знакомого мне капитана за эту весьма важную информацию, опять мысленно выругался и настроился на долгое ожидание...

Глава 19. Рацпредложения

В кабинет генерала удалось попасть только через пару часов — очередь, несмотря на то, что была не очень большой, двигалась весьма медленно. Хуже всего же был тот факт, что вместе со мной, «на ковёр» к генералу был вызван и подполковник бронетанковых войск Каня. Вид у него был весьма помятый, от самого офицера весьма сильно несло алкоголем, да и сам он изрядно покачивался.

Обстановка в кабинете у генерала нисколько не поменялась, с момента моего последнего его посещения. Да и что могло измениться за какую-то неделю?...

В кабинет первым вошёл подполковник — всё-таки старший по званию, да и не возражал я особо. Плюсом ко всему, на фоне шатающегося старшего по званию, один поручик выглядит просто примером «правильности» и «порядочности», что мне только и было нужно.

— Вы, подполковник, ведёте себя не как офицер Войска Польского, а как какой-то босяк, дорвавшийся до дармовой выпивки! — Негромко, но твёрдо проговорил генерал Кутшеба.

Этот голос командарма я знал неплохо — успел уже и на себе прочувствовать, да и штабные офицеры, несколько больше проработавшие скомандующим армией «Познань», успели рассказать. В общем — в случае, если генерал начинает говорить, то нужно сделать всё по заветам Царя Российского Петра Первого Великого, то есть молчать в тряпочку и принять вид лихой и придурковатый. Подполковник Каня же этого не знал, и попытался начать оправдываться:

— Пан генерал...

Как и следовало ожидать, генерал Кутшеба был не из тех, кто позволит себя перебить:

— Молчать!

Казавшийся нейтрально-спокойным голос генерала в одну секунду вновь налился свинцом:

— Что за внешний вид! Что со взглядом! Почему шатаетесь в присутствии старшего по званию! Почему от вас несёт алкоголем! Употребляете на службе, вместо того, чтобы командовать вверенными вам людьми? Что молчите, нечего сказать подполковник?! А мне есть что сказать! Была бы моя воля, после этого инцидента вы бы не командовали не то что танковым батальоном, я бы вам даже роту не доверил! Благодарите бога и ваших покровителей из Варшавы! И запомните, подполковник, ещё одно подобное нарушение, и я до самого маршала Рыдз-Смиглы дойду и сделаю всё, чтобы вас не только сняли с должности командира батальона, но и выпроводили из армии!

Подполковник Каня побледнел. А потом покраснел. Должно быть, до него, наконец-то стала доходить вся серьёзность сложившейся ситуации и он сделает правильные выводы.

Судя по следующей фразе, пан генерал Кутшеба посчитал точно также и решил отпустить своего нового подчинённого:

— Вы свободны, подполковник.

Командир танкового батальона неуверенно посмотрел на генерала, после чего медленно повернулся через левое плечо, и, пошатываясь, поплёлся на выход.

Я же всё продолжал стоять навтыжку и поедать начальство подобострастным взглядом.

Дождавшись, когда подполковник уйдёт, генерал Кутшеба коротко показал мне место у

рабочего стола по правую руку от себя, приглашая присесть. Ещё больше расстраивать своего непосредственного начальника я не стал, поэтому уже через несколько секунд занял предложенное место, и уставился на командарма взглядом преданной собачки.

Несколько секунд мы с генералом смотрели друг на друга, после чего он негромко засмеялся:

— Прекращай уже! Вот как у тебя так получается?...

Несколько секунд генерал добродушно смеялся, после чего принял вид серьёзный и начал заниматься тем, чем и должен заниматься настоящий командующий армией — раздавать указания.

— С подполковником ты уже, я вижу, познакомился. И знакомство это было далеко не самым приятным. — Начал пространно генерал, но тут же перешёл к конструктивному диалогу. — Что за человек этот подполковник, я уже и так прекрасно понял. Теперь мне необходимо понять, что же на самом деле из себя представляет его батальон на деле. Моим приказом будет создана комиссия, в составе подполковника генерального штаба Гжегожа Ястржембского, капитана Артура Лисовского и тебя, поручика бронетанковых войск Домбровского. Под вашим общим руководством, на недельных батальонных манёврах, вы должны будете выяснить про этот батальон всё. Вопросы?

У меня вопросов не было, поэтому, добродушно улыбнувшись, генерал уточнил:

— Больше у тебя нет никаких мыслей по увеличению обороноспособности Польши?

А вот предложений по борьбе с различными супостатами в серо-зелёной форме цвета фельдграу у меня ещё остались, поэтому я просто открыл свою полевую сумку и достал из неё обычную картонную папку, протянул генералу. Тот великодушно начал изучать составленные мной документы, и, буквально с первого листа начал задавать вопросы:

— Как противотанковое средство пехоты ты предлагаешь использовать бутылки с зажигательной смесью. Каков её состав? Возможности применения?

— Можно использовать обычные стеклянные бутылки с бензином. Самое важное здесь — создать удобный фитиль, который солдат в подходящий момент должен поджечь, и, пока он горит, военнослужащий забрасывает его на крышу моторно-трансмиссионного отделения танка противника. Наиболее эффективно такое оружие будет во время боя в городе, так как его можно использовать со второго или третьего этажа здания. Вот только сама по себе бутылка с бензином, это скорее мера от безысходности. — Описал ситуацию я. — Если же составить раствор технического спирта (денатурата), керосина и дёгтя. Впрочем, всё это ещё нужно изучать и тестировать. Нечто подобное уже применяли националисты против советских танков в Испании, причём, вполне удачно.

Как и любого военного, имеющего здравую долю скептицизма по отношению к чему-либо новому, генерал Кутшеба воодушевился тем, что этот «проект» уже кто-то использовал, и поставил на первом документе свою резолюцию о разрешении проведения испытаний в одном из подразделений вверенной ему армии.

— Противотанковые ежи? — Уточнил генерал и уставился на меня.

— Так точно, пан генерал. Чехи при строительстве «чехословацкой стены» на границе Чехии и Германии с 1935-го по 1939-й года заставляли танкоопасные направления несколькими рядами таких заграждений. Конечно, сам танк они не уничтожат, в отличие от той же бутылки с зажигательной смесью, но способны заметно снизить продвижение танков противника. С целью демонстрации, прошу разрешение на создание трёх, а лучше пяти десятков ежов, а также о выделении сапёрного взвода для их установки и испытания на

полигоне.

Генерал внимательно посмотрел на меня, после чего поставил свою подпись на документе и тут же дописал своей рукой — «Выделить сапёрный взвод и обеспечить испытания.»

Получив разрешение и на этот эксперимент, я воодушевился и сразу же объяснил суть следующей задумки, до которой дошли в СССР только в сорок третьем году.

— Следующая идея, пан генерал, более трудо и ресурсно затратная. Создаётся ротный опорный пункт, с отсечёнными позициями. Помимо усиленной пулемётным взводом роты пехоты, на этом опорном пункте располагаются от четырёх до двадцати орудий разных калибров, начиная от 37-мм противотанковых «Бофорсов», заканчивая тяжёлыми, 75-мм зенитными орудиями «Виккерс». Эти противотанковые опорные пункты строятся у важных рубежей обороны, например, на мостах, стратегически важных дорогах. Организовав несколько таких опорных пунктов на танкоопасных направлениях, силами одного полка, усиленного достаточным количеством артиллерии, вполне реально уничтожить несколько батальонов, а то и полков танков противника. Единственное, наибольшую эффективность в наших условиях, такие укрепления могут оказать только на юге — в местности, где действует армия «Краков».

Генерал Кутшеба ненадолго задумался, после чего завизировал и этот, более объёмный документ, обильно дополненный более чем десятком схем расположения орудий и пулемётов как в одном опорном пункте, так и группы из двух-трёх опорных пунктов, а также долгими размышлениями на тему эффективности таких укреплений, с различными обоснованиями.

— Это, конечно, хорошо, поручик, что вы беспокоитесь не только о нашей армии «Познань», но и о всём Войске Польском в целом, но, порой мне кажется, что именно вы, пан командир отдельного танкового батальона, знаете слишком много. Причём знания эти далеко не уровня не то что поручика, находящегося на майорской должности, но даже не моего, генеральского уровня. Иногда у меня возникают мысли, что вы владеете некоторой информацией лучше, чем руководство нашей армии в целом, и пан Маршал Рыдз-Смиглы в частности. Что скажете на это, поручик?

Закончив свою длинную речь, генерал аккуратно отложил папку в сторону и посмотрел на меня. Причем смотрел так внимательно. Будто бы генерал обладал рентгеновским зрением и мог просвечивать меня насквозь. И отчего-то у меня возникло такое ощущение, будто он обязательно поймёт, вру я или нет.

И вот что ему ответить?

Вроде и человек хороший — обманывать его не хочется. Вон он как ко мне — со всей душой. Офицера (меня) с не самой лучшей репутацией взял к себе, приютил, обогрел, вначале на роту, а потом и на батальон поставил. Всяческую помощь и поддержку оказывал — и материальную, и, что не менее важно, моральную. А я ему в ответ что? Обману?

Не хотелось бы.

Но и рассказывать информацию тоже нельзя — не поймут. И это в лучшем случае. А ведь могут и в дурку сослать. Или даже шлёпнуть. А с другой стороны — если, вдруг, поверят, то... при помощи генерала Кутшебы можно таких дел наворотить! Там я и себя спасу, и, вероятно, помощь Советскому Союзу обеспечу неплохую.

Рискнуть или нет? Рискнуть? Или? Нет?

Вот в чём вопрос?

А может, всё-таки?

Тьфу! Ну и чёрт с ним! Дураку понятно, что одним своим батальоном при моём уровне тактической и стратегической подготовки и грамотности я эту чёртову войну не выиграю и историю кардинально изменить не смогу! А тут целая армия! И ресурсов у генерала больше! Намного больше!

Рискнуть!

Точно!

Рискнуть!

Или всё-таки нет?

Никогда не понимал русскую поговорку — «и хочется — и колется», а вот сейчас — понял, и, что называется, прочувствовал на себе. На одной чаше весов — собственная жизнь, что весьма немаловажно. А на другой... На другой — сотни тысяч, миллионы жизней. Причём не только моих соотечественников — граждан Советского Союза: русских, белорусов, казахов, армян и многих прочих, да даже тех же украинцев, сиречь, хохлов, которые все годы после развала Советского Союза, после обретения независимости, гадили России по-всякому. На вторых весах — судьба всей Европы, всего мира! Может быть удастся что-то изменить и не будет концлагерей Дахау и Освенцима, Холокоста (кто бы как не относился к нему), Волынской Резни, Бабьего Яра, героической обороны Брестской Крепости вначале в 1939-м, а потом и в 1941-м годах. Много чего не будет. И стоит ли ради этого отдать свою жизнь? Однозначно — стоит. Только информацию стоит донести максимально аккуратно.

Пока все мысли клубились у меня в голове, настроение заметно упало — всё-таки там, в двадцать первом веке мы не привыкли рисковать своей шкурой. Нет, не так. Я не привык рисковать своей шкурой.

А тут рискнуть действительно стоит.

Спасибо, генерал Кутшеба понимает, что разговаривать на эту тему мне не то что бы очень легко, от этого и не торопит, хотя по искрящемуся в глазах огоньку интереса я понимаю, что командарму очень интересен ответ на этот вопрос.

Сделав три глубоких вдоха-выдоха, и, окончательно решившись, я начал свой долгий рассказ:

— Пан генерал. Как вы относитесь к фантастике?

Лицо Кутшебы резко изменилось. Вначале оно сделалось едва заметно яростным — это выразилось по едва заметным, ставшим чуть более дёрганным движениям рук, потом оно стало скучающим — пропал огонёк заинтересованности в глазах, но ответ я услышал.

— Читал фантастику в юношеском возрасте. Считаю это направление литературы несерьёзной, но необходимой для подросткового развития. В первую очередь, для развития фантазии. И какое это имеет отношение к теме разговора?

Я мысленно радостно воскликнул — генерал не послал меня во всем известном направлении, пусть и слегка потерял интерес, но всё ещё был готов к продолжению разговора. Этим я и решил воспользоваться.

— А что, если я вам скажу, что я — пришелец из будущего?

Вначале генерал засмеялся, но ненадолго — всего секунд десять он веселился, а после — внимательно посмотрел мне в глаза своим «рентгеновским зрением». Возникло такое ощущение, что он заглянул мне в душу.

Я своего взгляда не отвёл, хотя удержаться было весьма сложно.

И именно это убедило генерала, что я не шучу.

Командарм резко отшатнулся назад и размахисто перекрестился:

— Матка Боска Ченстоховска!

Увидев, что я не исчез, генерал вскочил на ноги, метеором пронёсся по кабинету и поплотнее закрыл дверь, три раза провернул замок изнутри и только после этого подошёл ко мне.

Я встал навтыяжку перед генералом. Его поведение никак не вписывалось в моём представлении о том, как будет реагировать вечно спокойный и уравновешенный Кутшеба.

— Побожись! — Негромко, но требовательно бросил мне генерал.

— Клянусь! — С секундой заминкой ответил я, перекрестившись по-католическим обычаем пятью пальцами, открытой ладонью слева направо.

Генерал Кутшеба кивнул, видимо, подтвердив какие-то свои мысли, после чего подошёл к графину с водой, взял стакан, и, сняв крышку, наполнил его, пролив немного воды на стол. Быстро осушив стакан, каким-то охрипшим голосом сказал:

— Рассказывай!

Дождавшись, когда генерал усядется на своё место, я уточнил:

— Пан генерал, о чём именно?

— Всё рассказывай! — Сгоряча ответил генерал, но тут же исправился:

— Вначале о том, к чему ты так интенсивно готовишься!

Глава 20. Экскурс в историю. (написана при помощи википедии. Необязательна к прочтению — много исторической справки)

— Рассказывай!

Дождавшись, когда генерал усядется на своё место, я уточнил:

— Пан генерал, о чём именно?

— Всё рассказывай! — Сгоряча ответил генерал, но тут же исправился:

— Вначале о том, к чему ты так интенсивно готовишься!

Я ненадолго задумался. К чему я сам готовлюсь?

— К Мировой Войне. — Через несколько секунд отвечаю я на поставленный вопрос и сразу начинаю предсказывать будущие события, которые для меня-прошлого были в далеком прошлом, извините за... повторения. Или тавтологию? Не знаю, как правильно, всё же я не филолог.

Информацию о том, что нас ждёт новая мировая бойня, генерал воспринял так, как я и рассчитывал — спокойно, будто только её и ждал.

— Начнётся всё первого сентября этого года. Официальным поводом, озвученным немцами будет нападение польских солдат на немецкую радиостанцию в городе Гляйвиц.

— Подожди. — Прервал меня генерал. — Всё что будешь рассказывать, постарайся показывать на карте.

Я послушно встал и подошёл к висящей на стене большой карте Польши и ближайших приграничных регионов соседних стран. Германский городок Гляйвиц обнаружить удалось далеко не сразу, примерно, минут через десять, но за это время мне удалось перетасовать все возникшие в голове мысли и сложить их в подобие одного цельного рассказа.

— Официальным поводом для начала войны послужила германская провокация. Инсценировка, проведённая германскими СС. Идея операции «Консервы», появилась у Гейдриха ещё в 1938-м году, и, планировалось провести её против Чехословакии, но так как Франция и Великобритания пошли на уступки, подписав Мюнхенское соглашение, от операции отказались.

Помолчав несколько секунд, я продолжил:

— В последнее время политики Польши и Германии ведут переговоры о так называемом «Данцигском коридоре». Так как наше правительство не идёт на уступки немцам, веря обещаниям и гарантиям Франции и Великобритании, об этой операции решили вспомнить, так как для соблюдения хоть какого-то приличного имиджа в глазах мировой общественности, — На этих словах генерал грустно усмехнулся. — немцам потребовалась правдоподобная история, которая могла бы обосновать нападение Германского Рейха на Польскую Республику. Сам план включал в себя несколько этапов: нападение на радиостанцию в Гляйвице и передать в эфир антигерманские воззвания на польском языке, нападение на лесничество где-то в районе городка Кройцбурга также обстрел германского таможенного пункта на одном или нескольких участках границы.

— Мы бы никогда не поддались на такие провокации! — Горячо заявил Кутшеба, перебив меня, но после замолчал и стал слушать дальше.

— Совершить эти акции должны были германские солдаты войск СС, переодетые в

польскую форму. Руководству нескольких штабдарттов СС, расквартированным на месте предполагаемой операции, направили указание отобрать и предоставить в распоряжение СД полторы сотни человек личного состава, хорошо владеющих польским языком. Ответственными за операцию были назначены: оберфюрер СС Герберт Мельхорн — за нападение на таможенный пункт; штурмбанфюрер СС Альфред Науйокс. За нападение на лесничество отвечал оберфюрер СС Отто Раш. За польскую форму отвечал — бригаденфюрер СС Хайнц Йост. Общее руководство операцией было возложено на штурмбанфюрера СС Альфреда Науйокса. Сам Альфред прибыл... прибудет в Гляйвиц где-то в первой половине августа. Всего было несколько попыток операции. В двадцатых числах августа. Там чудом не дошло до кровопролития. И первого сентября — в районе четырёх тридцати утра.

Замолчав на несколько секунд, я уточнил, могу ли я налить себе воды и освежиться. Получив разрешение генерала и осушив один за другим два стакана воды, я продолжил:

— Война началась... Начнётся первого сентября тридцать девятого года. Впоследствии первый этап войны, начавшийся в сентябре этого года, будут называть Германо-Польской войной, вторжением в Польшу, операцией «Вайс». В польской историографии же принято название «Сентябрьская кампания». Изучая этот период, я могу указать примерное соотношение сил на польско-германо-словацком фронте.

— Указывай. И максимально подробно. И откуда тебе известно об этой операции, проведённой германскими СС? — Не попросил, а потребовал генерал Кутшеба.

— После войны был снят кинофильм об этой провокации. Там подробно описывалось кто, что и как должен делать. Назывался, он, вроде "происшествие в Гляйвице". — Ответил я, после чего перешёл к рассказу о том, что я помнил про сентябрь тридцать девятого года:

— Всего немцы выставили около полутора миллионов человек. Это почти шестьдесят дивизий, несколько отдельных бригад. Это вместе со словаками. Они выставили корпус, примерно в три-четыре дивизии. На тот момент в Вермахте и у их союзников оказалось около шести тысяч орудий, трёх тысяч танков и двух тысяч самолётов. Со стороны Польши было сосредоточено тридцать девять дивизий, шестнадцать бригад. Это около миллиона человек, примерно четыре с половиной тысячи орудий и миномётов разных калибров, меньше тысячи танков и танкеток. Самолётов около восьмисот штук. У немцев перед Войском Польским достигнуто решающее превосходства в танковых и механизированных подразделениях, а также в авиации. Однако, немецкая пехота, в некоторых дивизиях уступала нашей по уровню доблести, а иногда, и подготовки...

— Война началась в четыре утра, первого сентября тридцать девятого года. Первые выстрелы произвёл учебный немецкий корабль «Шлезвиг-Гольштейн», потом по аэродромам и наземным войскам начала свою работу германская авиация. В четыре сорок пять, германские войска перешли в наступление по всей линии польско-немецкой границы. Линия фронта растянулась примерно на полторы тысячи километров. Около пяти утра, немецкая авиация начала бомбёжку Велюня, пострадало более тысячи польских граждан. Сам город был уничтожен почти полностью. Около семи ноль-ноль, польским лётчиком Владиславом Гнысем был сбит первый немецкий самолёт. Первого же сентября, германская армия пыталась нанести авиационный удар по Варшаве, но польские истребители смогли отразить налёт...

Называя всё новые и новые города, я водил указкой по карте. Генерал же внимательно смотрел то на карту, то на меня.

— Война принесла молниеносный характер. Где-то за две недели, в приграничных сражениях была разбита польская армия. На общем фоне отличилась как раз ваша армия, пан генерал. До девятого числа в полосе нашей армии особых изменений не было. Гитлеровская армия атаковала соседей с севера и юга. Армия «Познань» же, приказов от вышестоящего командования не получали.

Налив себе ещё один стакан воды и осушив его, я продолжил:

— Чтобы избежать окружения, вами был отдан приказ об отходе. Ночью на десятое сентября, ваша армия нанесла сильный удар по флангу наступавшей на Варшаву немецкой армии. «Познань» же была усилена отступающими частями армии «Поморье». Появление сразу двух польских армий для германского командования стало серьёзной неожиданностью. До тринадцатого сентября действия наших армий были весьма успешными: немцы перешли к обороне, остановили наступление на Варшаву. Вот только после тринадцатого, когда немцам подошла помощь, развернулись ожесточённые бои. Польские же части, ослабленные боями, снизили интенсивность наступления. Именно эти действия наших армий позволили разрозненным польским частям отойти к румынскому предместью. Вот только обе армии оказались в окружении. С шестнадцатого числа, созданная вами оперативная кавалерийская группа, наступая на восток от Бзуры, добрались до Кампиносской Пущи и открыли пути отступления к Варшаве. Девятнадцатого сентября, четырнадцатый полк улан прорвал окружение и стал первой польской частью, вырвавшейся из окружения. За ним последовали и другие кавалерийские подразделения. Они сразу же оставляли лошадей и включались в оборону Варшавы. ем временем сопротивление обеих армий в котле постепенно угасало. В плен попали 170 тысяч человек, в том числе и дивизионный генерал Владислав Бортновский. Остальные польские части пытались прорваться к Варшаве через Кампиносскую Пущу. В общей сложности в Варшаву прошли около 30 тысяч солдат. Некоторые подразделения сумели добраться до Модлина. Одновременно с событиями на Бзуре 12 сентября немецкие моторизованные подразделения вышли к Львову. 14 сентября завершилось окружение Варшавы. Немцы приступили к массированным артиллерийским обстрелам польской столицы, сосредоточив вокруг города более 1000 орудий. В тот же день 3-я армия вместе с 19-м танковым корпусом генерала Г. Гудериана, входившим в состав 4-й немецкой армии, осадила Брест. 16 сентября части 19-го танкового корпуса в районе Хелма соединились с частями 22-го танкового корпуса 14-й немецкой армии и тем самым замкнули кольцо окружения польских соединений, находившихся между Вислой и Бугом.

Закончив свою речь, я уставился на генерала. Кутшеба молчал, видимо, переваривая всю эту информацию.

Тишина затянулась минут на десять, после чего генерал задал лишь один вопрос:

— Немцев кто-нибудь победил?

— Так точно, пан генерал. Русские. В мае тысяча девятьсот сорок пятого года взяли Берлин. Освобождая Польшу, они потеряли около полумиллиона своих солдат. Берлин, совместно с русскими, брала первая польская пехотная дивизия. И над Берлином, вместе с русским красным знаменем, висел наш, бело-красный флаг...

Генерал хмуро посмотрел на меня, после чего улыбнулся:

— Значит, поляки тоже возьмут Берлин?

— Возьмут!

Услышав мой ответ, генерал едва заметно улыбнулся, но вскоре стал таким же

серьёзным:

— Ты понимаешь, что с тобой будет, если ты мне сейчас наврал?

— Понимаю, пан генерал. — Спокойно ответил я. — Я был бы рад, если бы всё то, о чём я вам сейчас рассказал, было моей выдумкой, но, к сожалению это не так...

Глава 21. Проверка батальона подполковника Кани

После признания моя жизнь будто бы и не переменилась. Разве что в штабе армии меня стали считать «любимчиком» генерала Кутшебы. Ну а как иначе? Стоило мне только появиться в приёмной, как обо мне тут же следовал и практически всегда я проходил на аудиенцию к генералу впереди всей очереди.

А аудиенции эти проходили достаточно часто. Буквально на следующий день я принёс генералу проект создания дивизионных рот противотанковых ружей. По моему плану в такой роте должно было быть сто девяносто человек личного состава и состоять он из четырёх взводов и отделения управления. Каждый взвод состоит из сорока пяти человек и включает в себя два линейных отделения по двадцать человек во главе с сержантом и отделение управления, численностью в пять бойцов, во главе с подпоручиком, командиром взвода. Из оружия линейному отделению должен полагаться ручной пулемёт Browning wz.28 (да-да, тот самый, пресловутый польский клон американского BAR), два противотанковых ружья wz.35 Ur и шестнадцать винтовок Маузера. Всего таких отделений во взводе — два, а взводов в роте — четыре. Итого в роте должно было оказаться шестнадцать противотанковых ружей wz.35 Ur, восемь ручных пулемётов wz.28, сто сорок четыре винтовки или карабина Маузера. Офицеров предполагалось вооружать только пистолетами. В качестве дополнительного усиления я предполагал использовать взвод тяжелых пулемётов в количестве двух станковых skm wz.30 или пары крупнокалиберных «французов» Hotchkiss. Возможно, огневым взводом 37-мм противотанковых орудий Vofors. Передвигаться эта рота должна была на восьми грузовых автомобилях Ursus.

Удивительно, но факт. В предвоенной армии Польши пехотное отделение состояло из девятнадцати бойцов, однако наличие большого количества младшего командного состава в звании сержантов, позволяли весьма эффективно управлять отделением в бою.

Действовать такая рота должна в качестве резерва командира дивизии, либо укреплять танкоопасные направления, усиливая пехотные полки или кавалерийские бригады. Мной предполагалось, что рота должна вступать в бой в полном составе. На уровне армии таких рот должно было быть несколько — от трёх до семи, и сформировать они должны были отдельный батальон противотанковых ружей.

Ох, и не зря я делал упор на описание действий немецких танковых дивизий. Ох не зря... Генерал Кутшеба внимательно изучил предложенный мной штат и приказал его переработать — увеличить количество противотанковых ружей вдвое. Такой вариант мной был проработан заранее, поэтому я просто достал из своей полевой сумки ещё одну тоненькую папку. Генерал в тот момент удивлённо повёл бровью, после чего внимательно изучив поданные мной документы, поставил свою размашистую визу и коротко сообщил:

— Я доложу напрямую маршалу Рыдз-Смиглы. Ограниченно, в нашей армии постараемся реализовать твои задумки. Времени у нас, сам понимаешь, осталось немного...

И вот теперь, как гость из будущего (о чем пан Кутшеба мне не сообщил, но по его внимательному взгляду, направленному в мою сторону, догадаться об этом было не очень то и сложно) и самый образцово-показательный (об этом генерал заметил во время

инструктажа, напомнив об отметках, поставленных самим паном Маршалом во время последних манёвров), поменяв роскошный лимузин на обычный штабной «Лазик», в сопровождении нескольких офицеров штаба армии я следую к расположению танкового батальона подполковника Кани.

Зачем следую?

А как проверяющий следую. Председатель проверяющей комиссии, конечно же, не я, а худощавый офицер, в звании полковника генерального штаба, прибывший инспектировать армию «Познань» аж из Варшавы.

Вот зачем мне так «удружил генерал»?

Ещё и полковник этот — по-польски не бум-бум.

Да-да! Оказался этот полковник каким-то военным советником из далёкой Франции. Были ли в моей истории французские «их там неты» в Войске Польском или нет — мне неизвестно, но вот тут он есть. Сидит в соседней машине. Вместе с переводчиком. Вернее, с переводчицей. С хорошенькой такой молодой блондинкой, лет двадцати пяти француженкой, отчего-то хорошо говорящей по-польски.

Ещё в день приезда эта блондинка стала предметом разговора большого количества солдат и офицеров гарнизона Познани. Оно и понятно — свежая мамзель, ещё и из-за границы приехавшая. Впрочем, девушка сразу же обозначила дистанцию и держалась со всеми одинаково холодно. Впрочем, почти со всеми. Мне она почему-то улыбалась. Наверное, потому что, в нашу первую встречу я её даже и не заметил? Не знаю.

Вот и сейчас, мы как раз прибыли к пункту постоянной дислокации батальона подполковника Кани, дружно покинули автомобиль. Находившийся со мной майор-артиллерист, приставленный в комиссию из штаба армии и поручик-контрразведчик (непонятно что забывший в нашей комиссии) наперегонки бросились подавать ручку переводчице с непривычным для моего уха двойным именем Мари-Жан.

Успел, как более молодой и физически развитый, конечно, контрразведчик. Впрочем, руку девушка подала всё-таки майору-артиллеристу. Ну тут и понятно — звездочки у майора побольше на погонах. Впрочем, как мне кажется, эту француженку интересуют не звезды на погонах. Поэтому и майору она ручку подала. Всё-таки у поручика весьма колючий взгляд. Это, похоже, профессиональное.

Встречал нас незнакомый майор-танкист.

— Майор Владислав Стижевский! — Представился он, сделав акцент на ударении в своём имени на последнюю гласную букву. — Начальник штаба 31-го отдельного танкового батальона!

В реальной истории в составе автобронетанковых частей Войска Польского было три батальона лёгких танков: 1-й и 2-й батальоны были вооружены польскими танками 7ТР, а 21-й — французскими Рено Р-35, в боях участия так и не принял. Благодаря действиям нашего героя, в составе Войска Польского появилось ещё два танковых батальона: отдельный танковый батальон армии «Познань» на всё тех же 7ТР, под командованием поручика Домбровского (нашего ГГ) и 31-й отдельный батальон легких танков на старых Рено ФТ-17, под командованием подполковника Кани. Фактически, стараниями нашего героя и генерала Кутшебы, армия «Познань» на данный момент обладает самыми сильными автобронетанковыми силами в почти полторы сотни единиц бронетехники (49 танков 7ТР, 45 французских Рено ФТ-17, а

также несколько десятков танкеток ТК-3, ТКС и броневые автомобили различных моделей).

Мы поочередно представились, после чего полковник через переводчицу начал задавать вопросы:

— Сколько у вас танков в батальоне?

— Сорок пять машин, пан полковник! — Чётко отрапортовал майор. — Из них двадцать, вооружены орудиями, а двадцать пять пулемётами, пан полковник!

Я мысленно взгрустнул — если вооружённые пушками танки ФТ-17 в моём понимании приносили хоть какую-то пользу в современных боевых условиях, то пулемётные версии этих машин были практически бесполезны: медленные, неповоротливые, со слабой проходимостью и недостаточной броневой защитой, в моих глазах эти танки представляли из себя легкую мишень. Вооружённые же пушками танки, могли хотя бы при необходимости какой-нибудь ДЗОТ расковырять, пусть и оставаясь такими же неповоротливыми и медленными. Или, на худой конец, могут стать пусть и паршивым, но всё-таки противотанковым средством! Миллиметров десять брони они пробивать должны своими бронебойными болванками!

Главный герой немного ошибается. Бронебойный остроголовый снаряд для орудия SA18 пробивает 12-мм брони при угле наклона в тридцать градусов на дистанции в полкилометра.

На летней жаре нас долго держать не стали — майор, как истинный «хозяин» батальона, в отсутствие своего непосредственного начальника решил принять весь удар на себя. За что ему честь и хвала. При одном взгляде на этого майора я сразу понял — на таких весь мир держится...

Мои мысли подтвердились практически сразу же, как только вся делегация оказалась в кабинете майора. Вопросов француз-полковник задавал великое множество, и так часто, что переводчица Мари-Жан даже не успевала их переводить. Впрочем, отвечал майор на вопросы весьма бодро и четко, что не могло не радовать. А как оно на самом деле будет — в бою станет известно.

— Наличие боезапаса в батальоне? — Последовал очередной вопрос через переводчицу.

— По два с половиной боекомплекта на артиллерийские танки, и по три, на пулемётные. — Без запинки отвечал майор.

— Сколько радиостанций в батальоне?

— В батальоне лишь две радиостанции. — Также коротко ответил он. — На танках радиостанций нет.

— Сколько часов вождения у механиков-водителей?

— В среднем, по восемь.

— Сколько танков находится в плачевном техническом состоянии? Сколько из них готовы к самостоятельному передвижению? — Вставил свой вопрос я. Француз что-то вопросительно залопотал, после чего девушка короткой фразой что-то перевела ему в ответ.

— Все танки в плачевном состоянии. — С искренней грустью в голосе, заявил майор. — Самостоятельно покинуть расположение смогут три с половиной десятка танков. Остальные не могут самостоятельно передвигаться. Сколько километров и какое количество танков

пройдёт своим ходом, сказать затрудняюсь. Вся техника в батальоне предельно изношена и требует либо замены, либо капитального ремонта. Часто — заводского.

Услышав ответ, я негромко (чтобы не слышала француженка) выругался. Меня поддержал и поручик-контрразведчик, только никто кроме меня этого так и не услышал.

Ситуация складывалась паршивая — есть полсотни пусть не новых, но всё-таки ещё боевых машин, с минимальной боевой ценностью. И что характерно, эту ценность батальон терял с каждой секундой.

Повернувшись к переводчице, обращаюсь к ней по имени:

— Мари, переведи пану полковнику, что я прошу разрешения взять автомобиль и отлучиться в свой батальон? Хочу вызвать своих ремонтников, пусть осмотрят всю технику и доложат о её реальном техническом состоянии?

Девушка если и удивилась моему обращению на «ты», то виду не подала и начала послушно переводить, выстраивая длинные и витиеватые фразы своим мягким голоском на незнакомом для меня языке. Зато на затылке я почувствовал мертвенно-холодно-ревнивый взгляд поручика-контрразведчика, сидевшего рядом со мной.

Пан полковник, выслушав, наконец, длинный пересказ моей просьбы в исполнении Мари-Жан коротко кивнул и завернул не менее длинную фразу в ответ. Смысл её был примерно понятен — «проваливай уже и возвращайся поскорее». Вот только перевели его мне несколько иначе:

— Месье полковник разрешает вам отлучиться, но просит вас обернуться поскорее. Он не хотел бы задерживаться надолго в этом батальоне.

Я коротко кивнул — оно и понятно, мало кто захочет долго находиться в воинской части, которая из себя не представляет совсем ничего в боевом плане. Спасибо хоть — солдаты без дела не слоняются. Во всяком случае, выйдя из штаба, я увидел, как десяток рядовых под присмотром сержанта метлами скребут плац.

Водитель штабного Фиата был не прочь покататься, и даже на мою просьбу, а вернее всё-таки на завуалированный приказ поторопиться отреагировал как надо, и, уже через полчаса я был в своём распоряжении, находящемся на другом конце Познани.

Техников, всё ещё работающих в моём батальоне по дооборудованию техники собрать удалось ещё где-то через полчаса. Какое-то время потребовалось, чтобы их погрузить в два бортовых грузовика. Почему я просто так не приказал им грузиться? Да потому что им требовалось собрать хоть какой-то минимальный комплект инструментов.

Ну и минут сорок мы дружной колонной катались по Познани, пока не вернулись к месту, откуда стартовал мой забег.

В расположении батальона подполковника Кани (и где он только шляется), меня уже ждал всё тот же майор. Коротко переговорив со старшим среди ремонтников, он передал их скучающему неподалёку капитану, после чего повёл меня к остальным — к офицерской столовой. Отведать как говорится, чего бог послал.

В офицерской столовой было немногочисленно — только «проверяющие», пара офицеров из батальона, что забились в угол и старались не отвечивать, да пара солдат в накрахмаленных белых передниках, которые были вместо официантов.

Моё место, как и ожидалось, пустовало.

Коротко доложив через Мари полковнику, что бойцы ремонтной роты приступили к осмотру техники, я уселся на пустое место и дождался, когда мне на подносе принесут обед. Что-то я проголодался!

На первое оказался «огуречный суп». Представлял он из себя суп из свежих огурцов, картофеля, морковки, какой-то зелени (вроде как, петрушки). На столе также стояла небольшая тарелка с гренками, которые, судя по всему предполагалось кидать в суп.

На второе поставили хорошую такую порцию традиционного польского «бигуса». «Бигус» — это блюдо из капусты и мяса. Вариантов приготовления этого блюда великое множество. Тут же было видно, что продуктов местный повар не жалеет: в смеси обычной и квашеной капусты были заметны куски мяса, мелкие кусочки колбасы, кажется, различные пряности. К «Бигусу» полагался горячий хлеб. Но его в наличии не было, поэтому пришлось обходиться простым серым хлебом.

Ну а запивать всё это предлагали горячим чаем с лимоном.

Чаю, лично я прежний предпочёл бы «Кока-Колу» или «Спрайт», но отчего-то её тут не наблюдалось, поэтому придётся довольствоваться чаем.

Стоило мне только взять в руки ложку и набрать в неё немного бульона, как я услышал тяжелые шаги в коридоре. Повернув голову, увидел его — подполковника Владзимежа Каню, который, по-хорошему, в будний день сам нас должен был встречать.

Прикинув, сколько времени потребовалось подполковнику, чтобы появиться перед светлыми очи французского советника, понимаю, что в норматив «условные двадцать минут» он не уложился. Как и в полчаса тоже.

Мысленно скривившись своей мысли, я с изумлением обратил внимание, что подполковник... Подполковник Каня заговорил с французом на своём языке! В смысле, по-французски!

Твою же медь!

И заговорили они достаточно тепло и близко!

Во всяком случае, полковник поднялся на встречу Кане, пожал протянутую руку и что-то увлечённо затараторил!

Да они чуть ли не обнимаются тут!

Удивлению не было предела. Причем, не только моему.

Ситуация складывалась паршивая — я-то по своей простоте душевной думал, что в этой инспекции прижму нос слишком заносчивому подполковнику, заставлю его нормально служить, готовиться к войне, а оказалось, что этот «старый кавалерист», который предстал пред очи аж командарма в пьяном виде, хорошо знает проверяющего?

Да мне в таком случае даже слова сказать не дадут! Во всяком случае — официально.

От понимания сложившегося расклада на душе сразу стало как-то паршиво, что даже обедать перехотелось.

Настроение сразу упало вниз. Да и желание что-то делать исчезло. Даже пораженческая мысль появилась — подать рапорт об увольнении в запас, и, пока время есть, схватить Терезу, пана Ковальского и рвануть куда-нибудь в штаты! Там на деньги тестя можно неплохо развернуться. Купить какой-нибудь бизнес, гражданство, и, особо не напрягаясь, делать деньги, сидя на чемоданах с долларами. Пусть основной доход получает отец невесты, а мне и маленькой доли хватит. Получится накопить — на эти деньги куплю какой-нибудь танк или самолёт и подарю его Красной Армии. Так и настоящей своей Родине помогу, и свою лепту в победу над Нацизмом привнесу. А может и сам что-нибудь придумаю, разбогатею (ага, шаз) и пожертвую энную сумму в фонд борьбы с нацизмом, передав деньги в советское посольство?

На несколько минут меня даже захватила эта идея и я на самом деле подумывал, лучше

подать рапорт на имя генерала Кутшебы, либо пробиваться сразу к Маршалу Рыдз-Смиглы. Вот только понимание того, что к маршалу меня никто не пустит, а генерал Кутшеба просто сдаст меня в контрразведку, заставили меня забыть об этих мыслях и продолжить заниматься тем, чем я и занимаюсь в последние полгода. В общем — делай, что должен, и будь, что будет!

Глава 22. История жизни подполковника Кани

Помня свою поездку во Францию, я был уверен, что вся французская военная машина была насквозь коррумпирована, но к счастью, оказался не прав. Несмотря на давнее знакомство, подполковник Каня принялся весьма активно и развернуто рассказывать о проблемах вверенного ему совсем недавно батальона. И что удивительно было лично для меня — наиважнейшей проблемой командир батальона видел отсутствие нормальной связи. На весь батальон у него было лишь несколько телефонистов с пятью старыми полевыми телефонами, да немного провода. Вот, собственно, и всё. Ни одной радиостанции не было. Как, впрочем, и технически подготовленных для работы на радиостанции кадров.

В общем — мрак. Руководство батальоном осуществлялось флажками, голосом и посыльными. В бою управлять отдельными подразделениями было практически нереально. Хотя и подполковник Каня сделал всё, чтобы хоть как-то облегчить руководство в бою — на личные сбережения купил целых два гражданских мотоцикла (чистокровных немецких BMW с колясками), на которых посадил двоих телефонистов и стал использовать их в качестве посыльных. Конечно, в бою управлять танковыми подразделениями таким образом вряд ли выйдет, но, хотя бы может позволить немного облегчить передачу приказов на марше.

— В батальоне всего один грузовой автомобиль, использующийся для перевозки полевой кухни.

Француженка тут же быстро начала что-то лопотать на своём родном языке, переводя всё сказанное офицеру союзной армии. Тот тут же задал уточняющий вопрос:

— Сколько в батальоне полевых кухонь?

— Одна! — Также коротко ответил подполковник...

Французский полковник достаточно долго ходил по батальону, следом за ним ходили и мы. С удивлением для себя, я обнаружил идеальную чистоту в расположении, а также бравый внешний вид танкистов. Было видно, что за дисциплиной офицеры и унтер-офицерский состав подразделений следит весьма серьёзно.

Сам того не замечая, я стал проникаться уважением. А потом, когда я узнал биографию подполковника — вопросы по его пьяной выходке, в день прибытия батальона...

Влодзимеж Каня родился в семье священнослужителя из Кракова в тысяча девятисотом году. С началом Великой Войны, пытался прибавить себе несколько лет и записаться добровольцем в Австрийскую армию, но его быстро раскусили и отправили домой. На службу ему поступить удалось только в тысяча девятьсот шестнадцатом году — добровольцем в «Польские Легионы». Военная карьера будущего танкиста началась, как и у многих, в кавалерии, где он служил посыльным. В семнадцатом году Каня был отмечен начальством и уже ожидал повышения в звании, как, вдруг, в июле семнадцатого года, когда он и многие военнослужащие первой и третьей бригад легионеров отказались принять германскую присягу, был разоружен немцами и загнан в лагерь для военнопленных.

В лагере для военнопленных кормили, скажем прямо — «не очень». Поэтому, всё тем же летом семнадцатого года, Каня с несколькими верными товарищами совершили побег, и, окольными путями начали пробираться в родные края. К счастью для беглецов, среди них был один офицер, хорошо владевший немецким языком, что помогло избежать им ряда проблем на враждебной территории.

Так или иначе, но до «своих» им удалось добраться только в самом начале

восемнадцатого года. Впрочем, в Кракове Каня не задержался, и, уже вскоре, оказался во второй бригаде «польских легионов» на восточном фронте, где спустя полгода, летом восемнадцатого года, вся бригада перешла на сторону Антанты.

Вскоре, на основе «Легионов Польских» было создано «Войско Польское», как вооруженные силы условно независимого государства под названием Республика Польша. После принятия уже польской присяги, Каня получил капрала и был направлен на службу в артиллерию, в которой и принял участие в польско-чехословацком пограничном конфликте, где вскоре был легко ранен и отбыл на лечение в Варшаву. После госпиталя, капрал Каня получил сержанта и был направлен на подхорунжировку.

Подхорунжировка — краткосрочные курсы подготовки младшего офицерского состава (хорунжих). Аналог советских краткосрочных курсов младших лейтенантов в годы ВОВ, где за короткий период (два-три месяца) обучали на должности командиров взводов.

Получив первое офицерское звание, подхорунжий Каня был назначен командиром пехотного взвода, поменяв таким образом сразу три рода войск, начав служить в кавалерии, продолжив в артиллерии.

Польско-Украинская война, начавшаяся в конце тысяча девятьсот восемнадцатого года, стала для молодого, восемнадцатилетнего офицера «золотым временем». Вскоре, после прибытия на фронт, взвод хорунжего Кани смог захватить у армии Западно-Украинской Народной Республики в Галиции сразу два полевых трёхдюймовых орудия, которые слабо обученные польские пехотинцы использовали эти пушки для отражения украинской атаки. Рвение и удачливость молодого офицера были оценены начальством, и, вскоре, о нём появилась заметка в одной из Варшавских газет. Еще через месяц состоялось награждение первым боевым орденом «Креста Храбрых». Вслед за орденом подоспело и новое звание, и, уже подпоручик Каня принял под своё командование пехотную роту.

После польско-украинской войны началась советско-польская война, где подпоручик Каня принял весьма активное участие. Его рота принимала участие в походе на Украину. Двадцать шестого апреля польские войска заняли Житомер, а на следующий день части 59-го пехотного полка, прорвав пять оборонительных рубежей и вошли в Бердичев. Среди наступавших на острие атаки пехотинцев, был и наш подпоручик Каня. В эти дни поляки взяли в плен более двадцати пяти тысяч красноармейцев, захватили два бронепоезда, сто двадцать орудий. Несколько орудий было захвачено ротой подпоручика Кани.

Впрочем, не всё было удачно для польских войск. Четырнадцатого мая в Белоруссии началось контрнаступление значительно усиленного Западного фронта Красной Армии под командованием Михаила Тухачевского. А пятого июня на Украине 1-я конная армия прорвала фронт и вынудила поляков отступать.

Среди измотанных наступательными боями польских солдат, постоянно неся потери, отступала и пехотная рота под командованием подпоручика Кани. Вскоре, из-за неразберихи, возникающей во время любого отступления, его рота отстала от основных сил, и, оказалась в окружении. Впрочем, молодой офицер не растерялся и смог организовать жесткий порядок, на который постепенно начали ориентироваться другие отряды отступающих польских войск. К своим подпоручик вывел уже не пехотную роту, а сводную группу из усиленной роты пехоты, эскадрона кавалерии и нескольких артиллерийских

орудий.

Командование оценило умение выпутываться из сложных ситуаций и представило подпоручика Каню к новой награде, а дальнейшие события полностью подтвердили правильность этого решения.

Как так получилось, что все командование кавалерийского эскадрона оказалось не боеготовым (попросту напились, понадеявшись на то, что находятся пусть в неглубоком, но тылу), так никто и не стал разбираться. Впрочем, не до разборок было — отдыхающих на берегу живописного озера офицеров попросту зарубили злые русские кавалеристы, и лишь чудом сделанный выстрел из револьвера, сделанный одним из пьяных, но кое-что соображающим кавалеристом, переполошил стоявших неподалеку улан и подпоручика Каню, прибывшего к соседям договариваться о взаимодействии. Сам того не замечая, Каня влетел в седло первого попавшегося скакуна, и, увлекая за собой встревоженных отсутствием офицеров улан. Красноармейцы бой в конном строю приняли, и, вскоре началась рубка. Бой был тяжелый, и, только случайность в лице подпоручика Кани позволила уланам победить в этой схватке.

После боя выяснилось, что живых офицеров-улан не осталось, а прибывший на место трагедии командир дивизии, к которой относились и приданные ей в усиление уланы, и пехотинцы подпоручика Кани, назначил командовать кавалеристами так хорошо зарекомендовавшего себя молодого офицера.

Вскоре, и новая награда нашла своего героя — «Крест Виртутти Милитари» оказался на мундире, рядом с «Крестом Храбрых».

Именно как кавалерийский командир, подпоручик Каня принял участие в «Чуде на Висле».

В очередной раз Владзимежу Кане удалось отличиться в первый день контрудара польских войск — шестнадцатого августа. Позже многие историки напишут, что немаловажную роль сыграла информация радиоразведки Мозырьской группировки Красной Армии. В тот момент простой командир эскадрона не думал ни о чём, кроме как о выполнении поставленной задачи. Это ли сыграло свою роль, или почти трехкратное превосходство польских сил сыграло свою роль, но так или иначе, эскадрон подпоручика Кани был вновь на острие атаки и смог нагнать артиллерийскую батарею, частично рассеять и частично пленить отступавших в панике красноармейцев. Так уж получилось, что молодому офицеру, который неоднократно захватывал артиллерию противника, позволили доложить об успехе самому Пилсудскому, который лично руководил контрударом.

Окрыленное успехами польское командование буквально начало осыпать наградами участников контрудара. Так, например, подпоручик Каня стал поручиком Каней, получил второй «Крест Храбрых» и был направлен... учиться! Причём — во Францию. Да и польское командование оценило удачный опыт применения танков Рено ФТ-17, против Красной Армии, поэтому стало активнее обучать кадры для только создающихся танковых войск. Правда, во Францию отправился уже капитан Каня, и, только после завершения обучения Центральной танковой школы.

Учиться военному делу поручику Кане понравилось. Да и капитану Кане — не разонравилось. В танковой школе он начал учить французский язык, а во Франции продолжил. Через какое-то время смог сносно разговаривать, и, что характерно, практически без акцента. Разве что, слегка растягивая предложения.

Во Франции же, молодой и удачливый офицер-орденоносец познакомился со своей

будущей женой. Звали её Ирина, родом она была из семьи бывшего царского офицера и родилась в Варшаве. Наверное, из-за этого она не считала себя русской и пела в одном из ресторанов на польском языке? Да это как-то и не особо важно. У них завязался страстный роман, переросший, вскоре, в брак.

К моменту, когда пришла пора возвращаться в Польшу, Ирина была уже на шестом месяце беременности, и, вскоре, через несколько месяцев, она родила прекрасную двойню — девочку и мальчика.

Вот только, в отличии от спокойной семейной жизни, ситуация в Польше не была такой радужной. Страна погрузилась в политический и экономический кризис. Безработица, гиперинфляция, снижение уровня жизни и нарушение гражданских прав, вызывали недовольство огромных масс населения. Тринадцатого октября двадцать третьего года произошел взрыв боеприпасов на складе Варшавского гарнизона, организованный советским подпольем. Подчиняясь приказам руководства сверху, полиция начала арест революционеров-коммунистов, а также тех, кого начали причислять к ним — всех недовольных безработицей, гиперинфляцией и бог знает, чем ещё. Двадцать второго октября началась всеобщая забастовка железнодорожников. Начались уличные беспорядки.

Тридцать первого октября, правительство Польши издаёт указ о введении чрезвычайного положения в стране и создании военно-полевых судов. Ответом на это стала всеобщая забастовка, начавшаяся пятого ноября.

Сил полиции явно не хватало, поэтому «светлые» головы в политическом руководстве страны решили привлечь армию. Одним из таких вот подразделений командовал только что вернувшийся из Франции капитан.

В Кракове протестующие смогли разоружить две роты солдат, оттеснили полицию и соорудили баррикады. В то же время, начались уличные бои с полицией и войсками в городе Борисов. В общем — беспокойное было время, в которое чудом удалось избежать больших жертв.

После двадцать третьего года, был год двадцать шестой. Так называемый «майский переворот». По старой памяти, уже майор Каня, служивший, несмотря на оконченную танковую школу, в кавалерии, поддержал маршала Юзефа Пилсудского. Ему даже пришлось принять участие в боях в Варшаве...

Постепенно ситуация в стране стала налаживаться — «режим полковников», как многие называли времена фактического правления Юзефа Пилсудского, установивший фактически военную диктатуру, ознаменовал собой начало периода довольно радикальных государственных реформ, которые протекали на фоне непрерывных конфликтов с Германией и СССР.

Впрочем, конфликты были не только у Польши, как у государства, но и у майора Кани, как у мужа. Жена, продолжавшая к этому времени петь, пользовалась популярностью. В её жизни постоянно появлялись богатые поклонники, буквально заваливавшие красивую певицу дорогими подарками. Как любого нормального мужчину, Влодзимеж Каня был недоволен происходящим. Просьбы отказываться от подарков эффекта не имели. Закономерно, что однажды жена просто взяла и ушла, забрав с собой детей.

Жену свою и детей подполковник Каня любил. Поэтому и пытался вернуть. Вот только тщетно. После последней попытки поступил внезапный приказ на передислокацию. Вот во время путешествия на поезде, пан Каня и запил.

Услышав историю жизни подполковника от его начальника штаба, я мысленно

выругался и пообещал себе нормализовать рабочие отношения с командиром этого батальона. Он, со своим опытом может очень серьёзно помочь!

Да и, как оказалось, опять во всём виноваты женщины! Да и в голове у меня сразу всплыли слова песни, которую точно мог бы петь в молодости этот неоднозначный офицер. Конечно, если бы эта песня была написана к тому времени:

*Ваше благородие, госпожа удача,
Для кого ты — добрая, а кому — иначе,
Девять граммов в сердце, постой, не зови.
Не везёт мне в смерти, повезёт в любви!*

Подполковнику в смерти не везло. В любви, кстати, тоже.

А мне?

В смерти, вот, не повезло — дали второй шанс.

А в любви? Там не везло — всё больше один был. А здесь?

А здесь Тереза...

Глава 23. Пари

Зря я плохо думал о французе. Да, с подполковником Каней он был близко знаком, но несмотря на это, к своей работе он подошёл со всей серьёзностью, и, даже, некоторой дотошностью, присущей больше немцам, чем гражданам, родившимся в стране великих писателей и поэтов Андре Бретона, Арюра Рембо и многих прочих, кого родила французская земля.

Как-то незаметно проверка батальона подполковника Кани переросла и в проверку моего батальона. Причём к ней присоединился незнакомый капитан-танкист из Варшавы, пара незнакомых майоров с пехотными знаками отличия (вестимо, тоже из столицы — слишком уж на них мундиры богатые. В Познани такие себе далеко не все вышестоящие офицеры шьют), а также сам генерал Кутшеба.

К чему-то такому я и готовился заранее, поэтому мною была подготовлена целая программа показательных выступлений для вышестоящего командования. И в этом мне помогло мероприятие, которое я пару раз видел по телевидению двадцать первого века.

Да-да! Я решил устроить им танковый биатлон!

Правда — немного видоизменённый.

Так, например, в моей реинкарнации, данное состязание состоит только из двух этапов:

Первый из них — индивидуальная гонка. Участвует по три экипажа от команды (танковой роты). Старт отдельный — по одной машине от каждой команды одновременно. После того, как танк-победитель первого тура (круга) завершит испытания и вернётся на старт, движение начинает второй экипаж команды. На этом этапе каждый танк должен пройти на максимальной скорости маршрут общей длиной в пять километров, преодолеть водную преграду, «змейку», «мост», после чего сделать три выстрела и поразить три мишени, изображающие танки противника с места, после чего уничтожить две мишени с ходу (на этот раз на поражение каждой мишени даётся уже по два снаряда). В случае, если один из снарядов не находит свою цель, экипажу назначается штраф — дополнительный круг, длиной полкилометра за каждую неуничтоженную цель. По итогу — время считается по последнему танку из команды, завершившему все мероприятия.

После того, как все танки отстрелялись и вернулись на исходные позиции, для экипажей, зрителей в лице танкистов и ремонтников батальона, которые видели такое мероприятие впервые в жизни, а также для офицеров и генералов, прибывших с проверкой, подождали несколько полевых кухонь, где накормили «от души». На первое выдав густую похлёбку, хорошо сдобренную отваренным куриным мясом; на второе предложили — ещё горячую тушеную капусту. Запивать всё это предлагалось сладким чаем. Офицерам же можно было выбрать между горячим шоколадом, кофе или чаем.

После обеда где-то час был потрачен на осмотр техники, после чего был проведён второй этап соревнований:

На этот раз танкистам, следуя в составе взводов из трёх машин, требовалось уничтожить по всё те же три мишени каждому экипажу с короткой остановки, по две мишени с ходу (по тем же правилам, разве что, в случае промаха одного танка из взвода, всё подразделение отправлялось на дополнительный круг). После уничтожения всех мишеней, взводы на максимальной скорости должны двигаться к финишу, через всё те же «мосты», «змейки» и водные преграды. Вот только по моей команде, на маршруте у них могли произойти

различные нештатные ситуации.

Так, например, во время переправы одного из взводов, я взял наушники с микрофоном и коротко, но твёрдо отдал новую вводную:

— Сосна-три, во время переправы по вам был открыт артиллерийский огонь слева. Танк потерял ход. Загорелся. Командир машины тяжело ранен!

— Понял вас, Граб-1! — Коротко ответил танкист, после чего один из танков 7ТР застыл прямо посреди канавы с водой.

Офицеры на наблюдательном пункте вопросительно уставились на меня, после чего увидев доброжелательную улыбку, вновь прильнули к своим биноклям.

От своего бинокля не отрывался и я:

Вот танк с намалеванными небрежно-криво большими белыми цифрами «2-1», означавшими принадлежность к командирской машине второго взвода, остановился, как-то неуверенно застыл, после чего у него открылись люки. Из одного из них высунулся танкист в ребристом шлеме, похожим на те, что были в ходу у советских танкистов, после чего широким замахом выбросил две дымовые шашки в противоположную от наблюдательного пункта сторону. Дождавшись, когда дым прикроет машину со стороны вероятного противника, два танкиста, прижимаясь к броне, вытащили третьего, и, быстро потащили к берегу — в ту сторону, куда уже успели переправиться два оставшихся танка взвода, которые маневрировали неподалеку, обозначая «активные действия по уничтожению вероятного противника».

Уложив «раненого» на ровное пространство, один танкист остался перевязывать раненого товарища, а второй бросился к оставленному танку, после чего вооружившись огнетушителем, начал имитировать тушение боевой машины.

Вновь поднеся микрофон к лицу, даю следующую вводную:

— Двигатель уничтожен. Огонь потушен. Машину следует забрать.

Сосна-4 и сосна-5 — тут же бросились к броду.

Вскоре, через какой-то десяток минут, танк был вытасчен на сухую поверхность, а раненый закреплён на одной из машин на броне, благодаря специально сделанным скобам для десанта.

Различные «неприятности» случались и с другими командами. Правда, время на решение «типовых» чрезвычайных происшествий засекалось отдельно.

Ну а после финала всех команд, участвующие в соревнованиях танкисты, постреляли по ростовым мишеням из табельных пистолетов. К последнему испытанию, кстати, решили присоединиться и проверяющие офицеры. Среди них даже небольшой тотализатор организовался.

Офицерской стрельбой, видимо, решив вспомнить молодость, руководить взялся сам пан Генерал Кутшеба.

— Смена! На позиции! — Не громко, но твёрдо приказал генерал.

Четыре офицера послушно направились к исходным позициям для стрельбы.

— Оружие заряжай!

Четверо штабных офицера повывёргивали свои пистолетики из кобур и застыли в ожидании следующей команды.

— Магазины, снаряжай!!

Пара «пехотных» майоров из Варшавы отложили на стол свои неуставные (явно купленные за личные деньги) пистолеты Браунинг Хай-Пауэр бельгийского производства и

умело начали снаряжать свои обоймы.

Смутно же знакомый мне, немолодой офицер в звании подполковника, служивший, в одной из интендантских частей, достал старомодный «Наган» и принялся готовить его к бою.

Четвертым же стрелком в этой смене оказался щеголеватого вида ротмистр кавалерии, должно быть из тех, кто совсем недавно командовал спешенными кавалеристами, во время манёвров батальона подполковника Кани. Вооружен, он, кстати был точно таким же, как и у меня, стандартным армейским Висом-35.

Дождавшись, когда каждый из офицеров снарядит оружие, последовала следующая команда:

— Заряжай!

Короткими движениями рук, те, кто был вооружен пистолетами, вогнали магазины в рукояти и приготовили своё оружие к бою.

— По мишеням! Огонь!

Каждый офицер сделал по семь выстрелов.

Кавалерийский ротмистр набрал шестьдесят один балл. И стал худшим стрелком из всех в этой партии.

«Пехотные» майоры выбили шестьдесят пять и шестьдесят семь, соответственно. И результатом остались довольны.

А вот победил, неожиданно для всех, подполковник-интендант, который набрал стрельбой из своего «Нагана» шестьдесят восемь баллов.

Все с изумлением посмотрели на старика, и лишь один генерал Кутшеба доброжелательно улыбался краешком губ, будто бы показывая, что так всё и должно было быть.

Во второй партии оказалось ещё четыре офицера. Это были истинно-«штабные» офицеры, которые давно не держали в руках ничего тяжелее ручки с листом бумаги. Да и оружие они носили больше, как сказали бы в Советском Союзе — «для форса». Табельные Висы в их руках так сильно гуляли, что я обеспокоился — как бы кто-нибудь из этих товарищей не навёл шороху — не прикончил стоящих рядом. К счастью — пронесло. Отстрелялись все. Но больше пятидесяти баллов никто не набрал...

Некоторое время спустя, очередь дошла и до меня. Удивительно, но компанию мне решил составить сам подполковник Каня. По его же желанию правила слегка изменили и превратилось это всё в своеобразное пари. Для этого подполковник даже решил переговорить один на один с генералом Кутшебой. Потом, через какое-то время к ним подключился один из «пехотных» майоров. И, минут через пять, руководить этим действием стал уже не генерал.

— Панове офицеры и генералы! — Учтиво склонил он голову перед Кутшебой. — Подполковник Влодзимеж Каня предлагает поручику Яну Домбровскому пари!

Звонкий голос майора лился по поляне, на которой расположилось стрельбище.

— Правила просты. Каждый делает по выстрелу. После чего ведётся подсчёт. Итого делается по семь выстрелов. Победителем становится тот, кто наберёт большее количество очков! Что скажете?

Идея с пари всем понравилась.

Призовой фонд образовался сам собой — французский полковник через Мари пообещал победителю две бутылки настоящего Арманьяка:

— Господин полковник обещает победителю от себя две бутылки коньяка. А я... — Девушка ненадолго задумалась, после чего произнесла своим нежным голосом. — Поцелую и подарю ужин в своей компании!

Судя по одобрительному гулу, последняя награда понравилась панам офицерам даже больше, чем две пресловутые бутылки коньяка.

С целью выравнивания условий, стрелять решили из незнакомых обоим офицерам систем. Из Браунингов Хай-Пауэр, которые «пехотные» майоры для этого мероприятия благожелательно согласились выделить из своих запасов.

Снаряжали оружие тоже майоры — своими патронами.

Первым, на правах младшего по званию, и, чтобы не смущался (как объявил один из майоров), стрелять пришлось мне:

— Поручик Домбровский! На позицию!

Я сделал шаг к стрелковой позиции.

— Оружие! К бою!

Перехватив поудобнее пистолет в правую руку, я тут же обхватил пистолетную рукоятку левой рукой, а само оружие держал на вытянутых руках, слегка согнув при этом локти. Да и сам слегка изогнулся, стал больше похож на пружину. Моя стойка уж точно не была похожа на «уставную», прописанную во всех наставлениях по стрельбе.

Кто-то у меня за спиной презрительно фыркнул. Но я не обратил на это внимания. А вот на взгляд майора, руководившего стрельбой, стоявшего по правую от меня руку, обратить внимание пришлось, потому как совсем не ожидал я от него увидеть заинтересованность в моей стойке!

— Огонь!

Плавно потянув на спуск, я дождался отдачи непривычного оружия и облегчённо выдохнул — отдача слабенькая, в руках пистолет лежит удобно.

Майор тут же поднёс к глазам мощный цейсовский бинокль и посмотрел на мишень.

— Десятка! — Громогласно озвучил он.

Я расслабился и опустил ствол вниз.

Подполковник Каня встал в метре от меня слева. По команде он сделал шаг правой ногой вперёд, повернувшись правым боком вперед, плавным движением вытянул руку со своим пистолетом, а левую вытянул вертикально вниз, вдоль тела.

«Красиво стоит, хорошо красуется!» — Пронеслась мысль в голове.

Вскоре раздался выстрел.

— Десять! — Тут же оповестил майор.

Я вновь принял свою стойку и открыл огонь по команде.

— Девять!

Следом выстрелил Каня.

— Девять!

Я мысленно чертыхнулся.

«Как по пятам идёт, зараза!» — Пронеслась мысль в голове.

Следующие несколько выстрелов были также одинаковыми. В сумме каждый из нас набрал по пятьдесят семь баллов. Осталось по одной попытке.

Я начал нервничать — с пистолетом подполковник был явно «на ты», да и сам он воспринимал всё происходящее как игру. Уже к третьему выстрелу я понял — подполковник Каня просто играет.

Несколько раз сделав вдох-выдох, я в очередной раз потянул на спуск.

— Девять! — Прорекламировал майор, после чего озвучил мой результат. — Шестьдесят шесть из семидесяти! Отличный показатель!

Вытянув из пистолетной рукоятки магазин, я дождался, когда прозвучит заветное:

— Осмотрено!

После чего протянул личное оружие одному из майоров. Тот бегло осмотрел пистолет, удовлетворенно кивнул, и быстро спрятал его в кобуру.

Подполковник Каня же не спешил, тянул. И лишь только после того, как я посмотрел на него, он едва заметно подмигнул мне, и, плавно потянул на спусковой крючок.

Выстрел!

Майор внимательно посмотрел в бинокль, после чего бодрым голосом прорекламировал:

— Восемь! Итого, у подполковника Кани, шестьдесят пять баллов!

«Он мне поддался!» — Коротко пронеслась мысль в голове. — «Он специально поддался! Даже показал это! Но только мне показал! Чтобы увидел я, но никак не остальные!».

Дождавшись, когда подполковник сдаст оружие, я принял строевую стойку и приложил два пальца к виску. Каня же, не понимая, чего я хочу добиться, тоже вытянулся и с изяществом повторил мой жест.

— Пан подполковник! — Громко, чтобы все слышали, и, торжественно, на сколько мог только это сказать, начал я. — Считаю честью, что мне пришлось соревноваться с Вами по стрельбе!

Подполковник на долю секунды растерялся.

«Ну же! Что же ты ответишь? Неужели я в тебе ошибся, пан подполковник?» — Стремительно пронеслись мысли в голове.

Все внимательно уставились на командира второго в армии танкового батальона.

— Мне также было приятно с вами соревноваться, пан поручик! — Не менее торжественно ответил подполковник, после чего на долю секунды замолчал, но тут же продолжил. — Панове офицеры, пан генерал! — Склонив голову перед Кутшебой, Каня продолжил. — Некоторое время назад, по личным, совсем не зависящим от поручика причинам, я посмел оскорбить пана поручика Домбровского своим поведением. Это случилось в день моего прибытия в Познань. И я хотел бы принести свои глубочайшие извинения по поводу случившегося!

На этот раз внимательно взгляда всех присутствующих удосужился уже я.

— Извинения приняты!

Мы с подполковником синхронными движениями убрали руки от головы и не сговариваясь протянули их друг-другу для рукопожатия.

От былой совсем недавно неприязни не осталось ни следа. Начался новый, к сожалению не очень долгий этап наших взаимоотношений с подполковником Каней.

Глава 24. Шаги в сторону от истории + новогодние поздравления

На командном пункте батальона было многолюдно. Слишком многолюдно. Одних офицеров собралось под полсотни человек. И все из разных частей: пехотинцы, кавалеристы, артиллеристы, сапёры...

А вот танков в батальоне у меня осталось немного — всего десяток потрёпанных боями 7ТР, застывших в небольшом перелеске и лишь чудом не обнаруженных вражеским самолётом-разведчиком, кружившим над головами последние несколько часов.

— Таким образом, панове офицеры, нам нужно наносить стремительный удар вдоль этой дороги, овладеть перекрёстком, перерезать снабжение противника через мост, расположенный в полукилометре от перекрёстка, и, переправившись через него, разрушить его до основания! — Голос майора из штаба армии, принявшего командование всеми отступающими на этом участке фронта частями, звучал весьма бодро, что внушало некоторый оптимизм.

Вот только большинство офицеров, провоевавших с первых дней, прекрасно осознавали, что выжить в последующих боях у них практически не выйдет.

Да — с боевым духом в последнее время как-то не очень. Война идёт уже девятый день, а союзники так и не собираются переходить в наступление, и, никакой реальной помощи, кроме обещаний «вот-вот, уже скоро» начать наступление с территории Франции через линию Мажино вглубь территории Германии. Ещё и над головой постоянно висят самолёты с крестами на фюзеляжах. Польские истребители лично я видел последний раз на третий день войны, когда пара отважных лётчиков вступила в бой с девяткой пикировщиков, шедших под прикрытием восьмёрки германских истребителей. Но хуже бездействия союзников был приказ верховного командования на отступление!

— Атаку назначаю через полчаса. На двенадцать тридцать. Сверим часы!

Идея с атакой мне не понравилась с самого начала: начиная от времени начала атаки, продолжая самим планом. Согласитесь — атаковать через поле, а потом ещё и переправляться под возможным огнём вражеской артиллерии. Ещё и пехота вся на броне не разместится.

Сигналом к атаке послужили две зелёные ракеты, запущенные в небо одним из офицеров.

Повинуясь сигналу, танки устремились вперёд. На броне машин, десантом шли остатки батальона капитана Галецкого — чуть больше восьми десятков солдат, вооружённых винтовками и лёгкими пулемётами.

Перекрёсток удалось занять достаточно быстро. Серьёзных сил у противника в наличии не было — лишь пост военной жандармерии при двух мотоциклах и пулемётном гнезде, устроенном в развалинах какого-то небольшого здания неизвестного назначения.

Несколько осколочных снарядов — и начавший было стрелять ручной пулемёт был подавлен. Ещё несколько очередей из спаренных пулемётов, и, жандармы, которые не были готовы к бою, пали замертво. Один из танков остановился, сбросил десант, и пехотинцы начали зачищать перекрёсток.

Сейчас главное — время. Время играет не на нас! Разведчик в воздухе всё ещё висит и уже заметил нас! Вот прямо сейчас он докладывает об увиденном, и, вскоре прилетят

пикировщики противника, которые могут испортить всё!

У моста танки оказались через несколько минут. И тут уже случилось то, чего я и боялся — развернулся на растянувшейся гусенице вначале один танк, потом застыл другой и начал медленно окутываться густым дымом.

В прицел и штатные приборы наблюдения было весьма проблемно осмотреть поле боя и понять, что же происходит, поэтому я собрал воедино всю свою силу воли, после чего открыл башенный люк и высунулся наружу.

В этот самый момент рядом тут же застыли ещё два танка. Один из них буквально разорвало на части.

Грозно выругавшись, я увидел, как с другой стороны реки откуда-то будто бы из-под земли начали выползать танки противника. Прикинув к биноклю, я тут же опознал пару лёгких германских машин PZ-2, вооруженных автоматическими пушками и пару средних германских PZ-3, вооруженных тридцатисемимиллиметровыми орудиями.

— Механик, влево! — Ору я, но было поздно...

— А! А! А-а-а-а! — Коротко прокричал я, после чего вскочил с кровати и тяжело выдохнул.

— Милый, что случилось? — Послышался испуганный голос Терезы.

Ответил я не сразу. В голове металась мысль — «Что за чертовщина? Сон? Но почему такой подробный?».

— Милый? — Тереза переползла на мою сторону кровати и потянула меня за руку.

— Извини, дорогая. — Смутившись, ответил я. — Сон плохой приснился.

— Точно всё хорошо? — Уточнила девушка, пытаясь заглянуть мне в глаза.

— Да, дорогая... — Начал отнекиваться я. — Сколько времени?

Девушка дотянулась до прикроватного столика, взяла в руки мои часы и произнесла:

— Шесть уже.

— Шесть? — Взбодрился я. — У меня в семь назначен приём у генерала!

— Тебе до штаба десять минут пешком. — Тереза, взяв меня за руку, потянула меня в постель. — Успеешь!

— Извини, дорогая, не сейчас. — Отстранился я от девушки, после чего направился к шкафу, где висела идеально выглаженная прислужгой форма.

Собраться удалось достаточно быстро — Тереза обиженно сопела в кровати, демонстративно отворачиваясь от меня в другую сторону, а когда я склонился над ней, чтобы поцеловать, девушка отстранилась от меня.

«Вот так всегда...» — Пронеслась печальная мысль в голове, после чего я послал невесте воздушный поцелуй и направился на выход.

Водитель, приставленный ко мне военной контрразведкой, был уже на месте — подрёмывал за рулём вверенного ему лимузина. Впрочем, стоило мне только оказаться в десятке метров от него, как водитель встрепенулся, и, увидев меня, выскочил из машины, и, чётко откозыряв, бросился к пассажирской двери. Открыл он её вальяжно, будто бы стелясь перед генералом.

Удобно расположившись на пассажирском сидении, я кивнул на озвученный шофёром вопрос:

— В штаб?

Мощный двигатель машины приятно заурчал, после чего автомобиль плавно начал

движение. Желания разговаривать у меня не было, поэтому до штаба добрались в полном молчании. На КПШ удалось перекинуться парой слов со знакомым дежурным офицером:

— Пан генерал уже прибыл. Просил вас сразу же направить вас к нему, как только прибудете, пан поручик! — Ответил на моё рукопожатие знакомый подпоручик, проверявший дежурную смену.

— Благодарю, пан подпоручик! Во сколько сменяетесь?

— Да вот, через час примерно. — С улыбкой ответил молодой офицер. — Во всяком случае, если сменят нормально и без происшествий.

— У вас, пан подпоручик, думаю, всё будет нормально. — Также с улыбкой ответил я, после чего кивнул водителю, чтобы тот продолжил движение.

Долго бродить по штабу я не стал — тут же направился к генералу. Знакомый капитан, расположившийся за столом негромко поприветствовал меня, после чего сообщил:

— Вас ждёт пан генерал!

— Благодарю! — Коротко кивнул я, после чего направился в кабинет.

Генерал, как обычно, сидел за своим столом. Вот только на этот раз он был каким-то задумчивым.

— Поручик? Садитесь!

Я послушно уселся на предложенное место и стал внимательно слушать, о чём же мне поведаёт командарм.

— Французский советник высоко оценил действия вашего батальона на последних манёврах, чего нельзя сказать о батальоне подполковника Кани. Скажу больше. Французские союзники благодаря вам весьма сильно заинтересовались боевым состоянием армии «Познань». Чтобы произвести положительное впечатление, командованием Войска Польского, приняло решение о дополнительном усилении армии «Познань».

Генерал на несколько секунд замолчал, видимо, оценивая мою реакцию. Оценил. Моё каменное выражение лица. Тот самый, знаменитый «покер фейс». После чего продолжил:

— Помимо тех двух резервных полков пехоты, которые уже формируются, принято решение о формировании в составе армии «Познань» сразу трёх моторизированных противотанковых батальонов по штатам, которые вы, поручик, приносили мне. Личный состав и автомобильный транспорт начнёт прибывать к нам в самом начале августа месяца. Также в состав нашей армии будет придано сразу три артиллерийских полка. Два из них — легко артиллерийские, имеющие на вооружении по три артиллерийских дивизиона: два дивизиона в каждом вооружены лёгкими 75-мм полевыми орудиями французского образца (по 12 орудий в дивизионе, итого 24–75 мм полевых пушки), а также дивизион, вооружённый старыми 105-мм пушками Шнайдера образца 1913-го года (12 орудий). Третий полк будет иметь на вооружении 105-мм пушки Шнайдера образца 1929-го года. Все три дивизиона имеют по двенадцать орудий и передвигаются на механической тяге, в качестве тягачей планируется использовать тягачи С7Р, однако на данный момент в наличии имеются только грузовики.

Я ненадолго задумался. Если к началу войны армия успеет получить столь серьёзное пополнение, то шансы навалить немцам увеличатся. Дополнительные сорок восемь полевых 75-мм орудий, ещё и шестьдесят сто пяти миллиметровых гаубиц. Особенно, если учитывать тот момент, что в армии «Познань» было всего несколько старых 105-мм гаубиц, усиление получалось весьма и весьма внушительным.

— Пан генерал, разрешите уточнить? — Подал, наконец, голос я.

— Разрешаю. — Благожелательно кивнул генерал.

Впрочем, прежде, чем задать вопрос, я вернулся к двери и проверил, чтобы та поплотнее была закрыта, после чего вернулся за стол, и негромко спросил:

— Пан генерал, я, конечно, не вправе давать указание Генеральному Штабу Войска Польского, командованию армии «Познань» в вашем лице, но просто считаю необходимым высказать свои опасения по поводу сложившейся обстановки.

Генерал Кутшеба меня не перебивал, лишь изредка, кивками, будто бы подгонял меня. Я и высказывал всё, что думаю о сложившейся ситуации:

— В моём времени историки и обыватели много спорили, почему война Польшей была проиграна фактически за две недели, почему после была лишь агония. Помимо общего состояния армии, неудовлетворительного развития технических родов войск, ряда проблем с вооружением... Да вы и сами знаете, пан генерал, что проблем у нас очень много!

Генерал согласно кивнул, подтверждая мои слова, а я продолжил:

— Важнейшей причиной столь скорого поражения стал приказ маршала Рыдз-Смиглы не то на третий, не то на четвёртый день войны на всеобщее отступление. Многими же этот приказ был воспринят совершенно неверно. И, как итог — всё это привело к краху. Я считаю, что для того, чтобы не допустить такого положения дел, следует одержать в первые сутки-двое несколько пусть не крупных, но громких побед. Нужны фото и видеокдры разбитых немецких танков, раздавленных артиллерийских орудий, погибших и пленных немецких солдат. А дальше всё дело должно быть за пропагандистами. Они должны раструбить на весь мир, что Вермахт несёт неоправданно высокие потери. Это укрепит и моральное состояние руководства страны, и, моральный дух армии и населения, а также, может заставить более активно действовать наших союзников на западе. Также было бы хорошо ещё усилить армии на западе и севере страны, за счёт проведения мобилизации, а также усилением за счёт воинских частей с восточных границ страны.

Замолчав, я стал ожидать реакции генерала на свои слова. Кутшеба же провёл ладонью по своему подбородку, расстегнул верхнюю пуговицу своего мундира, после чего встал и подошёл к окну, слегка отодвинул занавеску, смотря что происходит во дворе, а потом повернулся через левое плечо, и, вернулся за свой стол.

«Думает генерал!» — Пронеслась мысль в голове.

— Вот что я тебе скажу, поручик. — Начал говорить генерал через несколько долгих минут, которые, кажется, тянулись целую вечность. — Согласно плану «Запад», разработка которого велась в том числе и мной, нашей армии отводится вспомогательная роль. Судя по твоим рассказам, армия с этой ролью справилась, но пользы от этого оказалось недостаточно, в первую очередь из-за того, что как таковых крупных боёв с нашей армией не было. Сами же войска оказались в окружении. Да и к Варшаве пробилась лишь немногие. Меня, как командующего армией такое положение дел не устраивает. Поэтому я с тобой согласен по всем пунктам, что ты перечислил. И действовать мы будем более решительно, чем в прошлый раз в вашей... истории. И, если германцы не поменяют свои планы, они планируют просто окружить нашу армию. Собственно, моторизированные противотанковые батальоны я планирую передать в армии «Лодзь» и «Поморье». Серьёзно они ничего не изменят, но противотанковую оборону усилить им помогут, если их правильно использовать, германцам крови они попортят серьёзно.

Генерал встал в полный рост и подошёл к большой, на всю стену, занавешенную карту, на которой было показано примерное расположение частей нашей армии, а также

некоторых частей армий «Лодзь» и «Поморье», расположенных на флангах армии «Познань».

— По моим планам, активными действиями на флангах нашей армии мы должны будем сковать манёвренные силы противника, что позволит командованию завершить мобилизацию. И главную роль в этих манёвренных действиях должен будет сыграть ваш батальон, моторизированный батальон капитана Галецкого, моторизированный противотанковый батальон, который только начинает формирование, полк артиллерии на механической тяге, а также кавалерийские бригады. На северном фланге нашей армии я планирую создать маневренную группу в составе Великопольской и Подольской кавалерийских бригад, а также сводного бронеполка из состава всё ещё боеспособной части танков батальона подполковника Кани, сводной группы бронеполка, а также моторизированного противотанкового батальона и одного лёгкого артиллерийского полка на конной тяге. Общее командование будет осуществляться командиром Великопольской бригады, генералом Романом Абрахамом. Сама же оперативная группа «Абрахам» будет действовать в интересах армии «Поморье».

Все свои слова генерал подтверждал указаниями по карте. Впрочем, эти указания по карте были весьма «условными».

— Южной же группа будет состоять из вашего, поручик, отдельного танкового батальона «Познань», моторизированного батальона капитана Галецкого, артиллерийского полка на механической тяге. Также этой группе будет придан резервный пехотный полк. Вот только может возникнуть проблема с транспортом. Поэтому нам, поручик, как воздух нужны грузовики. Вечером тридцать первого августа я отдам приказ на реквизицию гражданского грузового автотранспорта, а также автобусов на нужды армии. За ночь, надеюсь, получится найти грузовики, чтобы посадить на транспорт хотя бы батальон. Думаю, манёвренная пехота вам пригодится! Южная манёвренная группа будет действовать в интересах армии «Лодзь».

Внимательно изучив карту, я задумался, после чего предложил:

— Первого числа, после того, как германская армия перейдёт границу и вклинится в боевые порядки армии «Лодзь», мы можем нанести удар на юг, сковать наступающие силы противника, и, пользуясь неожиданностью, опрокинуть их, и, возможно, даже сможем ворваться на территорию Германии. Если всё получится, это нужно будет освятить в прессе и растробить на весь мир. — Предложил я.

— К удару на Юг можно привлечь и двадцать пятую пехотную дивизию. Которая выдвинется следом за вами. — Задумчиво пробормотал генерал. — Скорость передвижения у них, конечно, меньше, но часть сил от вас они смогут оттянуть...

Генерал ещё ненадолго задумался, после чего сказал:

— Это всё нужно ещё раз обдумать. Вот что, Ян, идея эта здравая. Я отдам приказ, чтобы в каждой дивизии были сформированы группы из фото и кинооператоров. Если всё получится, о наших победах должен будет узнать весь мир!

— Так точно, пан генерал! — Улыбнулся я, после чего включил «глупого служаку». — В этот раз мы Польшу так просто не сдадим! Если будет суждено, то погибнем в бою, но унесём на тот свет как можно больше германцев!

Генерал улыбнулся, после чего доброжелательно улыбнувшись, произнес:

— Не стройте из себя недалёкого служаку, поручик! Вы не такой. Во всяком случае, передо мной не нужно этого.

— Слушаюсь, пан генерал!

Друзья. Сегодня тридцать первое декабря. И я хочу поздравить вас с праздником, с наступающим Новым Годом!

Желаю вам всем банального счастья и здоровья! Всем тем, кто сейчас находится в стране #404, САРатове, каком-либо другом беспокойном месте и выполняет служебно-боевые задачи, желаю скорейшей победы и возвращения на Родину как можно быстрее! Остальным же рекомендую как можно веселее провести этот праздник. Все же знают примету — как встретишь Новый Год, так его и проведёшь? Лично я прошлый праздник встретил лежа с температурой под 40 и воспалением лёгких дома. Вот я весь год и болел, чего вам не желаю!

Всем школьникам и студентам — хорошо провести каникулы и сдать успешно все контрольные, а также закрыть сессии желаю!

Молодым парням — встретить любящих девушек, а любящим девушкам — лучших парней.

Более степенным мужам — спокойной семейной жизни. Чтобы жены и тёщи не «пилили» просто так. А их дамам желаю, чтобы мужья и зятья продолжали вас радовать своим присутствием и поступками!

Всем работагам, независимо от рода деятельности, пола, цвета кожи и мировоззрения, желаю повышения заработной платы и хороших премий.

Ну а всем сотрудникам силовых ведомств (полиции, Росгвардии, МО РФ), желаю спокойно охранять наш сон в эти праздники. Надеюсь, ничего экстраординарного в эти праздники не произойдёт, и, вы сможете пусть и на службе, но отметить этот праздник!

С праздником, друзья! Увидимся в Новом, 2023-м Году!

Глава 25. "Шота — у Ашота"

От пана генерала Кутшебы я вышел в приподнятом настроении — формируются новые воинские части, армия пополняется новыми отдельными полками, создаются весьма кусачие мобильные подразделения, способные вести не только оборонительные, но и наступательные действия. Танков бы побольше, но, чего нет — того нет. Спасибо хоть — артиллерию в армию подбросить обещают. А то до недавнего времени в составе армии «Познань», которая, внимание, находится наиболее близко к столице вероятного противника, было всего несколько устаревших орудий сто пяти миллиметрового калибра! А напротив, между прочим — настоящая крепость из водных преград, бункеров, ДЗОТов и чёрт знает, чего ещё, что взять орудиями калибром в семьдесят пять миллиметров физически невозможно!

Прежде чем покинуть здание штаба армии, я посетил ещё нескольких знакомых тыловых офицеров — нужно было решить ряд служебных дел, которые никак не позволяли отложить их в долгий ящик. Например, у моего батальона нагло попытались переманить часть наиболее подготовленных механиков-водителей и инженеров из внештатной ремонтно-восстановительной роты, направленной в моё распоряжение по устному распоряжению генерала Кутшебы. Формирование это было временное, и, фактически — гражданское, поскольку больше половины специалистов оказались вольнонаёмными. Бригадирю даже под это дело устроили подхорунжировку. Впрочем, сам процесс подхорунжировки был весьма условным — поспрашивали немного по анкете, да отпустили. Перед этим, указав что и как нужно отвечать перед высоким начальством. Одним словом — цирк.

Отбить своих солдат удалось достаточно просто — стоило мне только пообещать хорошего коньяка, как те пообещали сделать всё, что в их силах, чтобы мой батальон не терял таких важных для меня кадров.

Правило простое: не подмажешь — не подъедешь. И свойственно оно для всех, независимо от времени и национальности. В итальянской армии, например, говорят, за деньги можно купить всё что угодно — вплоть до звания. Главное — знать кому и сколько платить.

Мне бы, конечно, звание повыше тоже не помешало — с поручиком, пусть и на майорской должности разговаривают не то чтобы очень охотно. Вот только я не знал, куда и сколько нужно платить в Польской Армии, потому и прозябаю в поручиках.

Шучу — с поручика спроса меньше, если что. Я и так в бумагах уже утопаю — ведомости, учетные карточки, графики обучения на полигоне, планы занятий и учебных лекций... Огромное количество бумаг через меня проходит, и нет особой разницы, стоит там подпись поручика или капитана Домбровского. Правильно всё же кто-то сказал в моём, что чем больше звёзды на погонах — тем больше их не видно за кипами бумаг...

Подполковник-кадровик был мне несказанно рад.

— Что же вы, поручик, не заходите к старику? — Едва заметно, раздраженно спросил полноватый офицер с большой залысиной на голове и неприятной родинкой над верхней губой. — Совсем забыли про нас, господин танкист... А я ведь, всё что можно для вас делаю...

— Виноват, пан полковник! — Польстил я кадровику, шуточно приложив два пальца к

виску. — Больше не повторится, пан полковник!

Подполковник кадровой службы дружелюбно улыбнулся и показал знаком, что я могу садиться.

Пройдя мимо нескольких столов, которые также занимают офицеры кадровой службы армии, но рангом «пожиже», я, под удивительные взгляды кадровиков направился к вечно недовольному (в их понимании) заместителю начальника кадровой службы армии «Познань».

Вот только моему приезду подполковник был весьма сильно рад. По простой причине — в мой батальон он незаметно устроил своего непутевого сына. Тот учился в танковом военном училище, но был отчислен из-за драки с сослуживцем, после чего направился на курсы подготовки унтер-офицеров бронетанковых войск. Их, впрочем, он также не закончил. И всё по той же причине — драка с сослуживцем. Отцу только и удалось, что спасти своего непутевого сынка от суда военного трибунала. Пусть и с разжалованием в рядовые. Мне же рекомендовано было взять это «чудо» в свой батальон на перевоспитание. В батальоне этот боец тоже пытался бузить. Вот только с моего молчаливого согласия, однажды ночью побили уже его. Толпой. И пообещали, что если будет ещё хоть одна выходка, то отец — подполковник кадровой службы из штаба армии уже не сможет его спасти. От смерти. Мало ли что может упасть солдату на голову, если он технику безопасности не понимает?

Как итог — перевоспитался парень. Во всяком случае, драться больше не пытался. И даже отучился на механика-водителя танка, предложил пару рационализаторских предложений по модернизации старых танкеток ТК-3 и ТКС, за что получил «соплю» на погоны.

С подполковником мы общались негромко, так, чтобы нас не было слышно за трескотнёй печатных машинок, строчащих скороговоркой так, будто вокруг бьют ручные пулеметы на расплав стволов.

— Мой ничего не набедокурил?

— Всё в полном порядке. В конце месяца отправлю на курсы командиров танков, если будет также стараться. — Коротко, чтобы не возникло дальнейших вопросов, отвечаю я, после чего дополняю. — На следующей неделе, думаю, получит увольнительную на сутки, если не притянет к себе какие-нибудь неприятности.

— Спасибо. — Коротко поблагодарил подполковник.

— Я к вам по делу, пан подполковник.

— Внимательно слушаю? — Не наигранно заинтересованно спросил кадровик.

— Если кратко, то зачастили ко мне в батальон ходоки, которые пытаются перетянуть гражданские кадры из внештатной ремонтно-восстановительной роты, что временно прикреплена к батальону и работает во взаимодействии с моим взводом материально-технического обеспечения.

— Вам известно, кто конкретно? Из каких частей? — Внимательно глядя мне в глаза, спросил подполковник.

— Да, можно сказать, что из всех частей нашей армии побывали. Впереди планеты всей, как обычно, кавалеристы. Пытались переманить к себе людей для модернизации своих танкеток. Не понимают, дураки, что и до них очередь дойдёт. Пехота, кстати, и артиллеристы, тоже не сильно отстаёт. Грамотные технические кадры всегда нужны.

— И что же вы от меня хотите?

— Я бы мог направиться напрямую к пану генералу Кутшебе с этим вопросом, но

считаю, что это пока преждевременным. И я бы был вам, пан подполковник, весьма признателен, если вы соберете как-нибудь вечером своих коллег из кадровых отделов бригад и дивизий, разопьёте с ними несколько бутылочек хорошего коньяка и дадите понять, что из своего батальона я людей выдерживать не позволю. Во всяком случае без боя.

— А...?

— Ваши посиделки я готов спонсировать. Как и подарить несколько бутылок хорошего коньяка вашей коллекции!

— Я сделаю все что можно, пан поручик! — Обрадованно улыбнулся подполковник и в его глазах тут же появились искры.

В общем, пока разобрался — уже и обед наступил. Желания в офицерской столовой питаться не было. Готовили там, конечно, вкусно, и, что немаловажно практически бесплатно — по талонам, которые у меня были. Если же пан офицер желает купить что-то этакое — добро пожаловать в буфет. Вот только в буфете, как обычно — многолюдно в обеденное время. Поэтому мой путь и лежит в уютное кафе неподалеку.

Идти я решил пешком, о чём сообщил заранее личному водителю и отпустил его по своим делам на полтора часа. Тот едва заметно улыбнулся, после чего радостно уселся за руль лимузина, и, укатил, обдав меня сизым дымом из выхлопной трубы.

На этот раз уже довольно улыбнулся ваш покорный слуга, который знал, что у приставленных ко мне из контрразведки «глаз», все взгляды устремлены на миловидную девушку-капрала из взвода связи моего отдельного танкового батальона. Не просто так же он всё время пропадает неподалеку от радиоузла? Да и с цветами мне его пару-тройку раз за последнюю неделю удалось заметить. Главным же был тот момент, что на глаза мне эта влюбленная парочка попала буквально пару дней назад, когда один наглый молодой шофёр из Варшавы задирает форменную юбку на двадцатилетней девушке, которая не высказывала даже робкого протеста. Заметив их в одном из кабинетов штаба, я, конечно, не желая ломать лже-шоферу «малину» незаметно ретировался, но уже на следующий день дал понять, что было бы плохо, если один из лучших радиотелеграфистов батальона, вдруг «залетит» и будет отстранена от службы. Думал в этот момент, я, конечно, о начале скорой войны — тяжело девочке придется с ребёнком, если, не погибнет в тех жерновах боёв, что будут тут крутиться с сентября месяца этого года...

Вот — опять задумался и забылся. А ведь ещё чуть-чуть, и не обратил бы внимания, как ко мне на перерез, перебегая дорогу прямо перед каким-то заблудившимся старым Фордом-АА с когда-то ярко-красной кабиной, спешит поручик войск связи, Виктория Ольшевская. Выглядела она как всегда — шикарно: молодая, свежая, подтянутая, в форменной юбке, которая пусть и ниже колена, но не скрывает, а маняще обтягивает прекрасный зад молодой девушки-офицера. А китель? Шил его явно швейных дел мастер: где нужно — он обтягивал, а где нужно — подчёркивал прекрасную грудь, примерно третьего размера.

— Пан поручик! Подождите! — Окликнула она меня, хотя я её уже и сам заметил, да и собрался было уже броситься под колёса грузовика, лишь бы спасти «первую женщину» своего батальона.

— Здравствуйте! — С оценивающим девушку взглядом поприветствовал я девушку, не скрывая при этом своей улыбки. Впрочем, доброжелательно улыбался я недолго, тут же напустив в голос едва заметных ноток металла. — Зачем же так неосторожно, панна Виктория?

Девушка, которая, видимо, ожидала чего-то иного от меня, с удивлением посмотрела на

меня, а через какую-то долю секунды я заметил едва-заметно проскользнувшую по её лицу тень. Знаете, как это бывает? Вот смотришь в лицо человеку, оно (это лицо, в смысле) светится, буквально излучает позитив, какую-то добрую энергию, а потом раз — и всё! Смотришь, и, кажется — вот-вот разрыдается.

Тут-то я и понял, что срочно нужно исправлять ситуацию.

— Знаете, Виктория, вы слишком обворожительны, чтобы я мог долго на вас сердиться. — Улыбаюсь я, и, увидев какую-то заминку в её глазах, перешёл в наступление:

— Но и просто так простить вас я не могу. Поэтому вы должны будете... Должны будете...

Наступила неловкая пауза.

В голове у меня начали выстраиваться самые различные мысли — на что же обязать начальника связи моего батальона? Если честно, каждый раз, когда я смотрю на Викторию, во мне будто просыпаются первобытные, животные чувства, которые твердят только одно — Взять! Моя!

Хорошо хоть, мысль в голове пронеслась — «Ну и куда ты лезешь, почти женатый человек? Тебя Тереза дома ждёт, а ты...»

Удивительно, но мысли о скорой свадьбе и о Терезе буквально вернули меня в адекватное состояние. Вот только пауза изрядно затянулась, и девушка задала вопрос первой:

— Что я должна буду? — Негромко, с придыханием спросила она своим нежным голосом.

— Вы должны будете... — Ещё потянул чуточку времени я, после чего, наконец и высказал родившееся у меня предложение. — Составить мне компанию на обеде или ужине. Вы как?

Девушка улыбнулась:

— Если честно, я очень голодна, и даже не успела позавтракать дома, когда выходила на службу...

— Отлично! Я знаю тут одно великолепное кафе неподалеку, где нам никто не сможет помешать.

Виктория улыбнулась и споро пристроилась по левую от меня руку. Была она чуть ниже меня, и, однозначно притягивала взгляд проходящих мимо мужчин. Во всяком случае, один из них — судя по всему, студент лет восемнадцати от роду, так мечтательно засмотрелся на неё, что чуть не врезался в столб. Увидев такую реакцию, мы с моей сослуживицей весело засмеялись.

Кафе с поэтическим названием «Шота — у Ашота» располагался в живописном дворике, который был буквально украшен различного рода кустами, клумбами и живыми изгородями. Внутри был даже небольшой фонтан, в виде мальчика в какой-то дурацкой шляпе, который держит на вытянутых руках большую рыбу, изо рта которой выливалась струйка воды.

Конечно, кафе это имело другое название, но имя оно носило весьма обычное. Это как в конце девяностых годов моей реальности можно было обнаружить практически в каждом городе ООО «Ромашка» или ещё что-то похожее.

В общем — «Шота — у Ашота» звучит как-то поинтереснее. А название я такое дал из-за шеф-повара и владельца этого заведения, который своей внешностью действительно напоминал какого-нибудь армянина: был такой же низкий, тёмный и чернявый с

волнистыми волосами, как один мой старый знакомый из прошлой жизни по имени Александр и по фамилии, которая заканчивается на «ян». Нет, сам себя он, конечно, именовал не иначе как «Норд», стараясь использовать этот позывной во время различных компьютерных пострелушек или в радиоэфире на страйкболе. Вот только... народ его тут же окрестил «Эфиопом». За постоянные фразы типа «Я русский!». По аналогии с небезызвестным фильмом «Жмурки».

У живописной арки, по которой плелось какое-то прекрасное растение нас встретил распорядитель этого заведения, которое по уровню обслуживания стоило называть рестораном. Распорядителем был невысокий, седой мужчина со стопроцентно еврейскими корнями.

— Здравствуйте, пан офицер. Могу ли я вам предложить место, достойное вашей прекрасной спутницы?

Я, конечно, вежливо согласился.

Столик нам подобрали, конечно, шикарный — подальше от основного зала, на улице, рядом с массивной клумбой, в которой были высажены разноцветные цветы, наверное, десятка видов. И фонтан недалеко, от которого в летнюю жару приятно тянет прохладой.

«Дааа!» — В очередной раз мысленно удивился я, потрясаясь красотой. — «Нужно будет контакты садовника узнать! После войны, если выживу, обязательно мне устроит что-то подобное!».

Стоило нам только усесться на предложенное место, как возле стола материализовался молодой парень лет семнадцати в белом переднике, исполняющий обязанности официанта. Посмотрев в его лицо, тут же обратил внимание на внешнее сходство с шеф-поваром.

«Да тут семейный подряд!» — Пронеслась очередная мысль в голове, которая тут же дополнилась. — «А что, правильно! Пусть молодежь привыкает к труду с молодости, а не просто тянет деньги с родителей!».

Перешучиваясь и разговаривая на отвлеченные темы, достаточно быстро определились с заказом. Ожидаемо — я набрал себе мясных блюд. Девушка же, видимо, заботясь о своей фигуре, остановилась на салатиках и каком-то легком супчике. Пить в разгар рабочего дня алкоголь (даже вино) я не собирался, поэтому переглядываясь, я с лёгким сердцем заказал фруктовый чай.

Когда официант удалился, мы продолжили мило щебетать. Вот только я, как обычно это бывает — ушел в свои мысли и потерял нить разговора.

— Ян? Вы меня не слушаете? — Изобразив обиду на своем милом личике, выдернула меня девушка из моих мыслей.

— Извините. — Глупо улыбнулся я, после чего попытался отшутиться. — Вот сижу я тут с вами, глаз с вас не сожму, и, не могу подумать, как так случилось, что вы напротив меня в военной форме, а не в прекрасном вечернем платье. Нет, вы, конечно, и, в форме прекрасны, но без неё, вы просто...

«Твою мать! Что я несу!» — Пронеслась мысль в голове. Вот только прежде, чем я успел как-то исправить ситуацию, свое веское слово сказала Виктория, которая вначале удивленно посмотрела на меня, а потом в её глазах появилась какая-то икринка, задоринка:

— Это что, предложение, поручик? Если так, то они делаются несколько иначе и в других условиях!

Говорила девушка твердо, но негромко — чтобы не привлекать внимания. Вот только я не смог понять — злится она на меня за эту двусмысленную фразу или нет?

«И что делать?» — Пронеслась мыслишка в голове. Опять же, мысленно махнув рукой, как отрубив, говорю:

— Знаете, Виктория? Пусть я и не совсем то хотел сказать, что сказал, но от своих слов поручик Домбровский не отказывается!

Сказал и кивнул — будто отрезал.

И выжидательно уставился на девушку.

Она вначале недоуменно уставилась на меня. Потом улыбнулась и громко засмеялась, томно произнеся:

— Всё может быть, пан поручик!

Многообещающе звучит, правда?

Наверное, поэтому я словно с цепи сорвался и начал буквально фонтанировать анекдотами, хотя всегда считал, что особенно много их и не знаю?

Глава 26. Посиделки с Робеспьером

Знаете, кто такой кайфолом? Мой водитель! Капрал Дзедич! Он появился в тот самый момент, когда с едой уже было покончено, мы принялись за десерт, который нам порекомендовал официант, а Виктория уже почти дала своё согласие на вечернюю прогулку со мной.

Нет! Ну что за кайфолом? А с другой стороны — может быть и хорошо? Я же уже — почти женатый человек. Две недели до свадьбы! Или, лучше нагуляться напоследок? Тем более, вот-вот начнётся великая мясорубка под названием Вторая Мировая Война.

Капрала Дзедича я заметил ещё у арки, обратив внимание на вошедшего в кофейный дворик военнослужащего. Присмотревшись, обратил внимание на то, что на погонах у него лишь несколько «лычек», подтверждающих принадлежность к унтер-офицерскому составу. Сразу же пронеслась мысль о том, что капралам и сержантам это заведение вряд ли будет по карману. Тем более — в будний день, когда все нормальные люди увольнительные своим солдатам выдают в воскресенье, или, на крайний случай — в субботу.

Чёртов лже-капрал, контрразведчик, приставленный ко мне из Варшавы, бегло поговорив с администратором, проследовал туда, куда ему указал мужчина в костюме.

— Пан поручик, разрешите обратиться? — Как и положено, пройдя три строевых шага до столика, вскинув руку к козырьку форменной кепи, спросил шофёр, приставленный ко мне из контрразведки.

— Обращайтесь, капрал! — С едва заметным раздражением бросил я, но быстро взял себя в руки.

— Пан поручик! Вам конверт! Просил передать какой-то мальчишка. Подкараулил меня у КПШ возле расположения батальона.

— Где конверт?

— Вот он! — Капрал нырнул в свою полевую сумку, после чего положил его на стол.

Бегло осмотрев конверт, оценил, что он не был вскрыт — недорабатывает контрразведчик! А с другой стороны — в нос ударил аромат каких-то лёгких, воздушных цветов.

Я неаккуратно разорвал конверт и достал из него сложенный вдвое кипельно-белый лист бумаги, развернул его. По размеру он примерно равнялся формату А-4 из моего, двадцать первого века. Аккуратным, убористым женским почерком было написано буквально несколько предложений:

«Дорогой мой, поручик! Давно вы ко мне не заглядывали! Надеюсь вас сегодня увидеть у себя!

Искренне ваша, Анна!»

Похоже, я даже изменился в лице. Иначе Виктория бы вряд ли задала вопрос, перейдя на служебно-деловой тон:

— Пан поручик, у вас всё хорошо?

В очередной раз за несколько минут, быстро взяв себя в руки, повернулся к девушке, и улыбнувшись, постаравшись нагнать в голос какой-то душевной теплоты, отвечаю девушке-поручику:

— Всё нормально, панна поручик Виктория. Прошное не отпускает. Придётся ненадолго покинуть вас.

Девушка доброжелательно улыбнулась, будто бы говоря — ничего мол, бывает! Вот только в глазах появилось едва заметное огорчение или даже разочарование?...

— Вот что. Капрал Дзедич! Вы отвезёте панну поручика туда, куда она укажет. И, если потребуется, будете дожидаться её столько, сколько того потребует обстановка. После службы, доставите панну Викторию домой. Всё ясно?

Шофёр принял строевую стойку, вытянулся будто бы на параде, и, подобострастно, как в своё время завещал российский царь Пётр Великий, он же Император Российский, Пётр Первый — принял вид лихой и придурковатый, после чего задорно отрапортовал:

— Слушаюсь, пан поручик! Всё выполню, как вы приказали!

Мысленно улыбнувшись, и, с извинениями склонив голову перед Викторией, извиняющимся тоном проговорил:

— Виктория, извините, наш разговор мы продолжим позднее!

Получив в ответ великосветский кивок, достаю из кармана портмоне и вытаскиваю из него пачку золотых. Отсчитав несколько купюр, кладу их на стол, и, водрузив на голову фуражку, шуточно отсалютовав панне поручику, поворачиваюсь через левое плечо и удаляюсь.

— Пан капрал, присаживайтесь! — Добродушно предложила девушка шоферу.

Что характерно — предложила она это так, чтобы я обязательно слышал всё, что она ему говорит. Обернувшись, замечаю, что в глазах девушки пляшут чертики, а лицо украшает лучезарная улыбка, будто бы показывая, что она это делает нарочно.

Когда девушка заметила, что я обратил на её действия внимание — она даже едва заметно показала мне язычок.

Я засмеялся и направился к выходу со двора.

Выйдя на улицу, поворачиваю за угол и быстрым шагом двигаюсь к знакомому адресу. Минут через пятнадцать, а может быть и через двадцать я уже был на месте.

Осмотревшись в знакомом дворе, обращаю внимание на молодого парня, который сидел на скамейке под деревом в обнимку с молодой девушкой. Дойдя до нужного подъезда, поднимаюсь на этаж и останавливаюсь перед знакомой дверью. Несколько раз жму на кнопку дверного звонка. Через несколько секунд за дверью послышались лёгкие шаги. Вскоре заскрежетал замок и дверь приоткрылась, но я заметил цепочку, которая удерживала дверь от полного открытия. Увидев меня, посланница Робеспьера, отцепила цепочку и впустила меня в квартиру, после чего закрыла дверь на все замки и цепочку.

— Я не думала, что вы будете так скоро. — Едва заметно улыбнулась девушка.

— Правда говоря, я не до конца понимаю, почему возникла такая спешка и вам потребовалось самим меня вызывать.

— Всё предельно просто. — Коротко улыбнулась девушка. — Наши общие друзья давно ждали от вас интересующую нас информацию.

— Раздобыть то, что вы хотите знать — не то, чтобы очень просто. — Осторожно сказал я.

— Мы это понимаем. Поэтому господин Робеспьер решил лично с вами встретиться. Он совсем скоро приедет. А пока могу предложить вам чаю.

От чая отказываться не стал. Всё лучше, чем просто сидеть в тишине.

Часа через полтора в дверь позвонили какой-то непонятной комбинацией. Судя по всему — условленной заранее. Почему я так решил? Да потому что девушка подорвалась и побежала к двери. Открыла дверь. Послышались какие-то негромкие фразы, после чего ко

мне, на кухню вошёл мужчина лет около сорока в сером костюме, со шляпой на голове. Знаете, такой своеобразный карикатурный мафиози. Ещё и карман пиджака так картинно оттягивается вниз. Я аж испугался.

— Доброго дня. — Предельно вежливо, но с заминкой и заметным акцентом по-польски поздоровался мужчина, видимо, не ожидавший увидеть за кухонным столом офицера в форме.

— Guten tag! — Поздоровался я по-немецки, чем вызвал изумление в глазах охранника Робеспьера.

Из коридора послышалась какая-то фраза на немецком из которой я узнал только имя — «Ханс».

«Всё-таки немцы. Был прав!» — С каким-то облегчением подумал я.

Долго ждать не пришлось, Ханс пригласил меня пройти в зал. Я послушно поднялся со стула и направился в соседнюю комнату. Там, на удобном кресле-качалке расположился знакомый старикан.

— Пан Ян, мальчик мой! — Доброжелательно протянул руку для рукопожатия Робеспьер.

— Добрый день, герр Робеспьер. — Коротко ответил на рукопожатие я, после чего расположился на удобном плетёном стуле неподалеку. — Мне сказали, вы хотели меня видеть?

— На самом деле, всё предельно просто. — Негромко заговорил Робеспьер. — Мы договорились с вами о дружбе. А друзья делятся важной информацией, если обзаводятся ей. И у вас однозначно есть информация, которая интересна мне и моим друзьям.

— Скажем так. У меня есть то, что вас интересует. Но никаких доказательств я предоставить не могу, так как никаких документов я не видел, и, даже не знаю, есть ли они вообще.

— Я думаю, нас это устроит. — Благожелательно кивнул Робеспьер, после чего знаком показал девушке и своему охраннику, чтобы они покинули комнату. Они послушно удалились на кухню, плотно закрыв дверь.

— Тогда так. В состав армии «Познань» прибывает легкий артиллерийский полк и один или два пехотных батальона. Личный состав будет набран из резерва. Командиров и численный состав не знаю. Какое вооружение — тоже. Могу предположить, что артиллеристы будут иметь старые трёхдюймовые орудия, времен Великой Войны. — Начал я свой рассказ с частички правды. — Также, с инспекцией из Варшавы в состав армии «Познань» прибыл полковник французской армии.

— Полковник французской армии? — Ещё раз уточнил Робеспьер. — Поподробнее?

Я ненадолго задумался — неужели французский военный советник его интересует больше, чем информация о формировании новых частей Войска Польского?

— Там рассказывать особенно и нечего. Прибыл француз. Имя и фамилию не знаю. Общался с нами через переводчицу. Инспектировал танковые батальоны.

— Подождите поручик, вы сказали, батальоны?

— Да. В составе армии появился танковый батальон на полусотне старых танках Рено ФТ. Машины крайне изношенные. В батальоне бардак. Меры принимаются, но практический результат, думаю, будет не скоро.

— И что полковник?

— Обозвал командира танкового батальона болваном и выявил огромное количество

проблем. Главная проблема, это материальная часть. Около половины танков небоеспособны.

— Понял. — Медленно кивнул Робеспьер.

— При проверке моего батальона, француз делал упор на оборонительную тактику ведения боевых действий. — Коротко соврал я.

— Очень интересно... — Пробормотал Робеспьер.

Наступила тишина, прерываемая лишь тяжелым дыханием германского агента, да какой-то негромкой вознёй на кухне — это должно быть Анна с охранником чай пьют.

— Вы передали мне очень интересную информацию. — Коротко сказал Робеспьер, после чего поднял на колени дипломат, на который я вначале не обратил никакого внимания, открыл его, и, вытащил из него несколько конвертов. Один из них был весьма объемным, пухлым. Второй был меньше размером, и, вряд ли вмещал в себя что-то объёмное. А третий — был очень легким и больше был похож на обычное письмо.

— Признаюсь, мой мальчик. Вы мне симпатичны. И я хочу вам дать выбор. Получить деньги... — Робеспьер положил руку на самый пухлый конверт. — информацию... — Его рука переместилась на средний конверт. — Либо ваше спасение, в случае чего... — Рука старика легла на третий конверт.

Ненадолго вновь наступила тишина, после чего резидент продолжил:

— Деньги, вы, конечно, заберёте с собой. Информацию из второго конверта вы можете посмотреть только в этой комнате. Ну а спасение вы вправе забрать с собой. У вас пять минут, чтобы принять решение.

На пару минут наступила тишина, которую прервал я:

— Прежде, чем сделать выбор, я должен задать вам несколько вопросов.

— Вы же понимаете, что никакие сведения, которые могут составлять какую-либо государственную тайну?

— Прекрасно понимаю. Меня сможет устроить и ваш кивок.

Робеспьер засмеялся:

— Вы мне с каждой минутой нравитесь всё больше и больше. Хорошо, задавайте свои вопросы.

— Вам известно, вероятно ли война между Германским Рейхом и Польской Республикой в ближайшее время? — Старательно подбирая слова, сформулировал я вопрос.

— Вы прекрасно всё и сами понимаете, Ян. — После короткого кивка сказал Робеспьер.

На этот раз в ответ кивнул уже я. Больше вопросов у меня не было. Агент не обманул. И я сделал свой выбор — потянул к себе самый тонкий конверт.

Робеспьер улыбнулся:

— Я в вас не ошибся. Спрячьте этот документ куда подальше, и, как только всё начнётся, сдайте его любому солдату. Когда будете сдаваться — предъявите документ. И требуйте встречу с представителями разведки. Когда вас к нему доставят, просите сообщить Робеспьеру, то есть, мне.

— Я так понимаю, наша встреча может считаться завершённой успешно? — Уточняю на всякий случай я.

— Думаю да, господин поручик. — Улыбнулся Робеспьер. — Вы можете идти.

— Благодарю. Хорошего дня. И рекомендую больше не посылать за мной своих «топтунов». Мне уже задавали неудобные вопросы представители контрразведки. Кому-то из штаба армии показалось, что за мной следят. Вот они и решили проверить на всякий случай.

— Я это учту. — Кивнул Робеспьер. — Спасибо, что предупредили.

На этот раз агент германской разведки говорил по-немецки не скрываясь. Скороговоркой вызвал своего охранника, отправил меня проводить до выхода и закрыть дверь.

Я напрягся. Согласитесь, неприятно как-то, когда у тебя за спиной вооруженный солдат армии противника. К счастью, это тоже закончилось достаточно быстро. Меня спокойно выпустили, и, никто особенно не стал мне что-либо навязывать.

Выйдя из подъезда — снова осмотрелся. Влюбленная парочка всё также нежилась под летним солнцем на скамейке. Чуть в сторонке появились новые действующие лица: высокая и полная бабушка с мелкой собачонкой-коротколапкой на длинном поводке, которая в этот момент опрыскивала небольшую клумбу; и пара дедушек в возрасте «за шестьдесят», которые расположились за специальным столиком для шахмат. Они, понятное дело — играли и о чём-то переговаривались между собой.

В общем — всё спокойно, что не может не радовать. Не хватало ещё, чтобы меня прихватили контрразведчики сразу после встречи с агентами германской разведки. Тут даже пан генерал Кутшеба не спасёт.

Кстати, о генерале — думаю, ему стоит рассказать о моей вербовке. Всё-таки во взаимодействии с ним вполне реально слить германской разведке какую-нибудь дезинформацию. Просто ради того, чтобы внести какую-нибудь сумятицу в планы противника. Только эта дезинформация должна быть подкреплена какими-либо документами. И такая информация должна разрабатываться группой штабных работников — чтобы избежать не состыковок, которые обязательно возникли бы в случае, если я начну и дальше рассказывать что-то из того, что сам придумал. В общем — лучше всего возложить эту ношу на вышестоящее командование. Вот только неизвестно каким образом отреагирует командарм на моё очередное признание. Вначале признание в том, что я из будущего. Потом — признание в работе на германскую разведку. Хотя и в благих целях. Неспроста же говорят — «Благими намерениями устлана дорога в ад!».

В общем — нужно всё очень хорошо продумать. И не делать резких движений. А то влезу в какое-нибудь дерьмо по горло и хрен вылезу. Паршивая ситуация, в общем.

Глава 27. Кто же ты на самом деле, Мари?

Я был очень удивлён, что агенты германской разведки выпустили меня живым. И, если честно, достаточно долго старался незаметно оглядываться, пытаюсь понять — следят ли за мной или нет. Слежку я так и не обнаружил — банально не хватало опыта, чтобы понять, паранойю я или нет.

До расположения батальона добрался вполне успешно — наблюдения за собой не заметил, никто не пытался меня остановить или каким-либо образом пристать. И это весьма сильно радовало. На КПП меня встретил молодой сержант, один из командиров танка первого взвода первой роты. Моей бывшей роты.

— Пан поручик! За время вашего отсутствия происшествий не произошло!

Дежурно откозыряв в ответ, следуя дальше, через КПП к штабу батальона. По левую руку не без довольства замечаю группу из двух десятков солдат, что занимались спортом в спортгородке, сделанном своими руками. В данный момент, бойцы преодолевали препятствие под названием «стенка» под строгим присмотром командиров взводов.

В парке техники тоже было весьма многолюдно — вооруженные самыми разнообразными инструментами, порядка трёх десятков человек буквально облепили танкетку ТК-3 и пытались закрепить дополнительные броневые листы во лбу корпуса. Немолодой инженер из вольнонаёмных, прикомандированный к нам на время с ремонтного завода. Солдаты из взвода материально-технического обеспечения батальона внимательно его слушали, кто-то даже что-то предлагал. В общем — в парке техники соблюдалась хорошая рабочая атмосфера.

У здания штаба меня перехватил дежурный офицер. Сегодня им оказался офицер разведки и тактики батальона, подпоручик Северен Маршалек. Вскинув руку к козырьку фуражки, он начал свой доклад:

— Пан поручик, за время вашего отсутствия происшествий не произошло. Личный состав занимается по распорядку. Первая рота находится в карауле. Вторая рота занимается в спортгородке. Третья находится на полигоне, на боевых стрельбах из личного оружия. Взвод материально-технического обеспечения и приданная ремонтная рота находятся в парке техники, занимаются усилением бронирования техники, приписанной к батальону, согласно утверждённому плану модернизации.

— Отлично, пан подпоручик! — Откозыряв в ответ, я протягиваю руку подчинённому. Тот осторожно пожал её и отстранился, пропуская в здании штаба.

В коридоре всё было как обычно. Молодой солдатик из наряда по штабу при помощи веника и совка сметал практически незаметную пыль, занесённую с улицы.

До кабинета дежурный офицер меня провожать не стал — я доброжелательно разрешил ему удалиться на своё рабочее место и не сопровождать меня.

В кабинете у меня, как обычно — рабочая атмосфера. На столе стоит печатная машинка, несколько стопок неисписанной бумаги, несколько пустых серых папок, ещё не заполненных листами с машинописным текстом.

Присев на своё место, тут же потянул руки к печатной машинке и начал набирать текст, пока не забыл. Начал с заголовка посередине:

«Тактика организации засад танковым подразделением в обороне.»

Отступив несколько строк, начал набирать когда-то услышанный текст:

«Танковая засада — засада с применением танков, заблаговременное и тщательно замаскированное расположение танкового подразделения на наиболее вероятных путях движения противника с целью его разгрома внезапным ударом, уничтожения боевой техники и захвата пленных солдат противника с целью их дальнейшего допроса.

Танковая засада может быть организована как одиночным танком (экипажем), так и танковым взводом или ротой, усиленными ротами пехоты, сапёров и/или пулемётными взводами.»

Посидев несколько минут, собираясь с мыслями, начал писать дальше:

«С целью лучшей маскировки на местности, при организации танковой засады рекомендуется использовать естественные преграды и укрытия: складки местности, заросли кустарника, стога сена, дома.»

Прислушиваясь к своим мыслям просидел около получаса, после чего плюнул, и, решил закончить на сегодня — общий смысл применения танковых засад я уже объяснял и пану генералу Кутшебе, и даже составлял документ с рекомендациями по применению танковых засад. Вот только хотя бы для своего батальона написать подробную методичку из того, что я помню про танковые засады буквально необходимо! Да ещё и со схемами!

«Эх! Вот бы мне Колобанова с Лавриненко сейчас сюда! Зиновий Колобанов бы смог нарисовать схему, каким образом ему за бой удалось сжечь аж двадцать два германских танка! А Лавриненко, который за несколько недель боёв сжег полсотни танков противника! Сколько у него боёв было? Пятнадцать? Двадцать? Вот если бы он их описал, да расчертил что там было и как — пособие получилось бы шикарным! Вот только никого из этих великих советских танкистов со мной нет. А сам я эти схемы даже никогда не видел! И общих слов, типа: первыми выстрелами стоит поразить головные и замыкающие машины противника... Даже и сказать нечего!» — Сокрушенно подумал я и тяжело вздохнул.

От самобичевания меня спасла трель телефонного звонка. Встрепенувшись, тяну руку к телефонной трубке и прикладываю её к уху:

— Поручик Домбровский!

— Пан поручик! Подпоручик Маршалек! Докладываю, что к вам пришли. На КПП девушка просится к вам.

— Кто такая? — С удивлением в голосе спрашиваю я.

— Переводчик. Мари-Жан. Которая с французским полковником была.

— Немедленно проводите ко мне! — Коротко приказываю перед тем, как бросить трубку на рычаг.

Долго ждать не потребовалось. Буквально минут через пять в мою дверь постучались.

— Войдите!

Приоткрыв дверь, в кабинет вошёл молодой боец с красной повязкой, на которой было написано: «Помощник дежурного по штабу». Приложив руку к пилотке, он начал доклад:

— Пан поручик, к вам посетитель!

— Пропустите. Вы свободны, солдат!

— Слушаюсь! — Ещё раз козырнув, и, повернувшись через левое плечо, удалился, оставив меня в кабинете наедине с Мари-Жан.

Блондинка выглядела как всегда обворожительно. Вот только на этот раз она была не в форме. Не в том смысле, что плохо выглядела. Выглядит она всегда прекрасно — маняще и будто бы зазывающе. Не в форме — в смысле, не в военной форме, в которой я привык её видеть. Всё-таки она обычно ходила в военной форме польского образца для женщин, но без

знаков различия. Тот же её шеф, например, ходил во французской военной форме со знаками различия полковника совершенно не скрываясь. В общем — чёрт знает, что у них там с формой и почему переводчица обычно ходит в польской форме.

Зато сейчас она была в настоящем вечернем платье, тёмно-синего цвета. И, кажется, даже на каблуках.

— Вы как всегда обворожительны! — Сделал дежурный комплимент я.

— Благодарю! — Доброжелательно улыбнулась Мари-Жан.

— Присаживайтесь! — Вскочив на ноги, я отодвинул один из стульев напротив своего рабочего места и помог девушке устроиться возле стола. — Чем могу помочь, прекрасная Мари?

Девушка в очередной раз обворожительно улыбнулась, после чего, дождавшись, когда я усядусь за своё рабочее место, перешла к делу:

— Ян, вы помните то пари, когда вы соревновались в стрельбе с тем офицером?

— Конечно помню, Мари! — Киваю я. — Тот день занимает особое место в моей памяти благодаря вам, которой я и посвятил эту свою маленькую победу!

Церемониальные речи говорить у меня никогда не получалось. Поэтому удалось лишь нагнать во фразу кучу пафоса, чем случилось вызвать у девушки лучезарную улыбку с лёгким и приятным смехом в придачу.

— А вы льстец, Януш! — Засмеялась блондинка. — Если вы всё так хорошо запомнили, то вы прекрасно должны помнить о призе для победителя?

Последние слова Мари-Жан звучали с нескрываемой ноткой обиды в мой адрес.

— Конечно, помню, моя прекрасная Мари! — В очередной раз улыбнувшись говорю я, после чего начинаю воспроизводить в памяти. — Насколько помню, одна прекрасная француженка обещала победителю поцелуй и ужин в своей компании!

— Вы всё правильно запомнили, Ян! — Улыбнулась на этот раз девушка и стрельнула в мою сторону своими глазками, после чего нагнав в голос тоски, продолжила:

— Вы победили, а за своим призом так и не спешите! Я вам так не нравлюсь?

— Вы не правы, моя милая Мари! Вы мне очень сильно нравитесь! Вы прекрасны! Великолепны! Обворожительны! — Начал я перебирать в памяти самые различные комплименты, и, кажется, даже слегка покраснел, прямо как школьник, который впервые говорит нежные слова девочке, которая ему очень нравится.

Мари-Жан в очередной раз звонко засмеялась:

— Вы бы видели своё лицо! Вы покраснелись!

В ответ засмеялся уже я:

— А ведь это всё вы, милая Мари! Ваше общество вгоняет обычного, скучного, серого, как и вся масса вокруг офицера бронетанковых войск в краску! После этого я просто обязан пригласить вас на ужин! Сегодня же! Сейчас же! Пока вы в этом прекрасном вечернем платье!

— Ну наконец-то, Ян! Вы соизволили обратить внимание на мой наряд! — В очередной раз засмеялась девушка. — А для вас ещё не всё потеряно! Ну что же, я согласна! Должна же я выполнить своё обещание?

— Отлично! Тогда, сегодня вечером! — Улыбаясь, сообщил я.

— Ян, так уже вечер... — Будто бы открывая мне большую тайну, показывая пальчиком на изящные дамские часики на своей правой кисти, сообщила мне девушка. — Почти семь часов...

— Вы правы. Заработался. — Как бы извиняясь, произношу я. — Мне нужно десять минут!

Времени я потратил несколько меньше — всего лишь достал из печатной машинки исписанный лист, спрятал его в пустую папку, а ту засунул к своим сёстрам-близняшкам в сейф. Всего пара минут ушла. Включая на то, чтобы водрузить на голову форменную фуражку и уточнить, вернулся ли мой шофёр в расположение.

Шофёр вернулся. Поэтому по первому же требованию он прибыл в штаб, где передал мне ключи от автомобиля.

Lagonda V12 была как всегда прекрасна — идеально вычищенная, она буквально сияла своим тёмно-синим цветом, привлекая внимание. Бак тоже оказался полон.

Обойдя машину, я открыл пассажирскую дверь и помог девушке устроиться на заднем сидении.

— Вы весьма любезны, Ян, хотя иногда и производите впечатление неотёсанного простачка. Надеюсь, вы не обижаетесь? — Повела мне девушка, когда я занял место за рулём.

— Как на такую прелестную девушку возможно обижаться? — Спрашиваю в ответ, после чего заведя двигатель, спросил:

— Сегодняшний вечер стремительно развивается. Поэтому я не успел подготовить культурную программу.

— Я же говорю, вы иногда просто невыносимы, Ян! — Засмеялась Мари. — Поэтому я всё предусмотрела!

Услышав мой короткий «Хм», француженка продолжила:

— Знаете где находится «Кайзеровский замок»? Там недалеко есть прекрасный ресторан.

— Слушаюсь, Мари! — Улыбнулся я, после чего плавно тронул машину с места.

Нужное нам здание располагалось прямо напротив знаменитого Кайзеровского замка в Познани. По легенде, германский кайзер был одержим строительством могущественной империи. В планах создания велико германского Рейха и было построена сразу несколько роскошных резиденций, призванных подчеркнуть растущий престиж Германии. Разработка проекта началась в самом начале двадцатого века. К строительству же приступили в тысяча девятьсот пятом году и было закончено к тысяча девятьсот десятому. Сам Германский Император Вильгельм Второй несколько раз посещал эту свою резиденцию перед Первой Мировой, или, как её тут называли, Великой Войной.

По итогам Версальского мирного договора, германский город Позен перешёл во владение независимой Республики Польша и стал официально именоваться Познанью. Соответственно и бывшая резиденция императора перешла во владение Польше. В том же качестве — как резиденция президента Польской республики. Ну, а, чтобы комнаты просто так не пустовали, часть помещений передали в пользование Познаньскому университету. Изображения немецкого императора закрасили, а протестантскую часовню преобразили в католическую.

Разумеется, я этого всего не знал — об этом всё мне поведала Мари по дороге к пункту назначения. В голове даже пробежала мыслишка — «Какая же она любознательная, чертовка! И языки знает. И историю. Чужого для неё государства.»

В голове сразу же будто что-то щёлкнуло. Кто может знать о чужом государстве так много? Либо какой-нибудь повёрнутый на истории студент, либо интересующийся этими

всем обычный гражданин, либо... Агент какой-нибудь спецслужбы, что должен втереться к кому-то в доверие.

Я мысленно чертыхнулся.

На студента-историка девушка явно не была похожа.

Как и на обычного человека, которого интересует именно город Познань в Польше.

А вот на агента какой-нибудь французской спецслужбы — очень даже вполне. Должна же быть во Франции разведка? А женщину подложить под интересующего эту разведку человека — первое дело, чтобы узнать информацию. Опять же — объясняется, почему такая прекрасная Мари, вдруг выбрала меня среди всего того большого количества офицеров, что волей или неволей крутились рядом с ней. Были там и более симпатичные, и более умные, и более богатые чем я.

В случае с агентом — опять же объясняется, чего это подполковник Каня так быстро изменил ко мне отношение. В штабе армии не было секретом, что мы друг друга, мягко говоря, недолюбливаем. Да и не скрывал этого никто. Опять же — вхож напрямую в кабинет командующего армией «Познань», генерала Кутшебы. Нахожусь с ним в хороших, деловых отношениях. Несколько раз виделся с высшим военным руководителем Польской Армии — маршалом Рыдз-Смиглы. Опять же — успел покуролесить во Французской Республике. Когда Терезу похитили. Тогда не обошлось без стрельбы. И несколько трупов было. И раненых.

Опять же — в контакт с германской разведкой во Франции вошёл. А за немецкой разведсетью могли наблюдать! И наблюдали — уверен! Ну не будет ни одна контрразведка мериться с тем, что на территории их страны действует чужая разведка.

И к французскому полковнику Де Голлю я ходил. С рекомендацией. От посла Польской Республики во Франции, пана Лукасевича.

Ещё и жених дочери пана Ковальского — не последнего человека в промышленности Польской Республики. У него точно есть свои интересы в автомобилестроении, железнодорожном транспорте, лёгкой (ткацкой) промышленности, и, вроде как — в химии, которая при формальном нахождении на посту президента Польши Игнация Мосцицкого, учёного-химика, фактически создавшего химическую промышленность Польши. Опять же, пан Ковальский активно начал участвовать в развитии вооруженных сил Польской Республики! Те же грузовики для моего батальона и батальона капитана Галецкого идут через него! И форма. Моим танкистам — танковые комбинезоны и танковые шлемы чёрного цвета, очень сильно похожие на те, что были во всех советских кинофильмах про Великую Отечественную Войну. А батальону Галецкого переппадают маскировочные костюмы (больше похожие на балахоны с такими знакомыми мне рисунками, сочетающими в себе «амёбу» и «берёзку» сразу двух цветов. Получилось вырвиглазно, но интересно. И на местности, пусть и летом, но маскировали они хорошо.) — которыми он оснастил уже всех своих людей. Но на этом пан Ковальский не остановился: комбинезоны и маскировочные костюмы (в том числе зимние, причём двух видов: «клякса» и «белый») уже начали поступать и в другие подразделения армии «Познань». Даже пошли слухи, что вслед за ним, ряд местных промышленников тоже решил поддержать армию и стал «скидываться» кто чем может на нужды родных вооруженных сил.

— Ян, вы меня не сгущаете? — Очаровательно улыбнувшись, спросила девушка.

— Слушаю. — Улыбнулся в ответ я.

«Похоже, французская разведчица. И полковника своего попросила, чтобы тот заставил

Каню со мной помириться. И выиграть в том пари позволила. Какая умница. И красавица!»

...

В общем, пусть это и разведчица, но я решил получить от неё всё, что смогу. И приятный ужин. И шикарную ночь.

Да-да, вот такой я — моральный урод. Скоро женюсь на одной. Флиртую с другой. А сплю с третьей.

Но если посмотреть с иной стороны: скоро война — и когда жить и пробовать всё, если не сейчас? То-то же!

Глава 28. Очередное довоенное утро

Пробуждение было тяжелым. А каким оно ещё может быть, после вечера, обильно разбавленного алкоголем и продолженного весьма бессонной ночью? Несмотря на достаточно молодой возраст меня мутило и шатало. Самое же паршивое, что голова болела так, будто вчера вечером я один выпил пару бутылок палёной водки и по какой-то причине вначале умер после этих возлияний, а потом вспомнил, что мне пора на работу, воскрес и стараясь делать вид, что всё нормально, отправляюсь на доклад к начальству.

Согласитесь — малоприятное ощущение.

Ещё и рука, будто бы отсохла.

Полежав некоторое время, спустив ногу на пол, я, наконец, пришёл в себя и смог повернуть голову.

Рука не отсохла. На ней... Навалившись на неё...

Нет. Не так.

В общем, прижавшись ко мне своим обнажённым и весьма притягательным телом, уложив голову на моё плечо, и, поджав под упругую грудь правую руку, лежала обворожительная в неглиже Мари. Кстати, ногу на меня французенка тоже закинула, будто бы обнимая, показывая, что не отпустит.

Настроение, как и у всякого нормального мужчины, который просыпается вместе с прекрасной, молодой девушкой, тут же начало ползти вверх. Даже показалось, что головная боль и какая-то противная тошнота, которую я совсем недавно начал чувствовать, начала потихоньку отступать.

По-хорошему надо было потихоньку освобождаться от захватившей меня Мари, отступить в ванную, умыться и по-тихому сбежать под бок к Терезе, сославшись на своё ночное отсутствие по причине какой-нибудь служебной необходимости. Но, толи я ещё не совсем «оскотинился», толи просто совесть проснулась — но желания уходить по-аглицки, не попрощавшись, так и не возникло.

А вот желание решить, кто же мне на самом деле нужен «для души» — появилось. Понятно, что благодаря Терезе у меня выстраиваются просто прекрасные отношения с паном Ковальским, который в свою очередь далеко не последний человек во всей Польской Республике. Если честно, я до сих пор не пойму, как он меня смог допустить до своей дочери? Но как-то допустил. Чем-то приглянулся простой поручик бронетанковых войск влиятельному папаше.

Вот только этот самый поручик, вдруг переспав с французенкой, резко понял, что жениться даже ради благого, великого дела — победы над фашизмом и нацизмом — не желает.

Впрочем, этот самый молодой офицер Войска Польского только сейчас дошёл до того, что ему, по сути своей — одиночке в этом времени, прошлом для него, следует быть одному. Нет, сексом, конечно, он заниматься может и должен — не священник, всё-таки. Да и для здоровья, говорили, что полезно. Но вот жениться — это равнозначно, что обрести слабое звено в предстоящих грандиозных событиях, которые вот-вот развернутся в этих краях. И это слабое звено будет мешать нормально выжить, независимо от того, останусь ли я в оккупированной Польше, как-то смогу легализоваться в Советском Союзе, или, например, рвану на запад. В любом случае — все эти три варианта оказываются крайне опасными. И

стрелять там будут постоянно. В Союзе могут — за то, что офицер. В Польше — за то, что воюю против немцев. А на западе — так там шанс сгинуть в бою тоже достаточно велик! Как, впрочем, и через какой-то месяц с небольшим, в Польше.

И тащить на все эти опасные мероприятия женщин — нет уж, увольте. Поэтому нужно как-то избавиться от Терезы. Не в смысле — убить. А в смысле — сделать так, чтобы она уехала куда подальше. Пусть, и, обидевшись на меня. Мари-Жан бы отправить во Францию до начала вселенской мясорубки. Там она, может быть и выживет. А вот что делать с Викторией Ольшевской? Она мало того, что гражданка Польской Республики, так ещё и военнотружущая Войска Польского. Можно, конечно, попытаться сделать так, чтобы она попросту уволилась из армии. Но делать это придётся через кадровиков. А оттуда в любом случае утечёт к пану генералу Кутшебе. А вот пан генерал — он точно не поймёт. И таскать Викторию за собой — не лучший вариант. Хотя... Погибать я точно не собираюсь. Польша сентябрьскую компанию точно не вытянет — если только против немцев ещё можно было бы попытаться её затянуть, то воевать ещё и против Советского Союза — точно бесперспективно. Да и я не смогу — у меня примерно в эти времена один из прадедов в Красную Армию пришёл. А второй — был призван в сороковом году. Так мне бы очень не хотелось стрелять не только в них, но и в любых военнотружущих Красной Армии. Ну не лежит у меня быть героем Польши за то, что я отлавливал по лесам одиночных военнотружущих РККА, глумился и убивал их, периодически нападавая на комсомольских активистов, председателей колхозов, учителей, врачей и прочих представителей советской власти. Сколько там было этих чёртовых Аковцев, занимавшихся террором на Западной Украине и в Западной Белоруссии? Много. Там даже «институт памяти Польши» признавал эти отморозков героями! Нет, в их число я не хочу.

Один из так называемых «героев Польши» — бывший лейтенант Войска Польского Юзеф Кураш по прозвищам «Орёл» и «Огонь». Сражался в сентябре 39-го против немцев. Был подпольщиком в Армии Крайовой и батальонах Хлопских. Воевал во взаимодействии с советскими партизанами. С апреля 1945-го года по февраль 1947-го воевал против РККА и Войска Польского на территории просоветской Польской Республики. В документах службы безопасности ПНР говорится, что партизаны его отряда убили более 60-ти функционеров тайной полиции (Службы безопасности), 40 польских полицейских и 27 бойцов НКВД. Сам же он заявлял об убийстве как минимум, 84-х функционеров тайной полиции.

Другой «польский герой». Франчак Юзеф, польский подпольщик, активист Союза Вооруженной борьбы. Командир взвода Армии Крайовой. Продолжал подпольную борьбу в ПНР до 1963-го года. В 1944-м году был мобилизован во 2-ю польскую армию (в составе РККА), в январе 1945-го года был свидетелем расстрела бойцов АК (напавших на военнотружущих РККА) и дезертировал.

Капитан Армии Крайовой Ромуальд Адам Райс, также известен под псевдонимом «Бурый». Казнён за преступления против мирного населения. В январе-феврале 1946-го года банда Райса совершила массовое убийство 79-ти белорусов в Восточной Польше.

Мысленно выругавшись, я понял — если оставаться в Польше, то придётся самому создавать ту силу, в том числе и политическую, которая будет сражаться против немцев, но при этом не будет воевать против Советского Союза.

Ещё раз мысленно выругался — понял, что если я попытаюсь создать такую силу, то

резаться больше, чем с немцами, придётся с поляками. Придётся устроить настоящую гражданскую войну. Среди польских партизан. В таком случае обязательно пострадают мирные. Веры в то, что будущие АКовцы пощадят членов семей моих вероятных бойцов — у меня не было.

Девушка неожиданно вздрогнула, чем заставила дернуться уже вашего покорного слугу. К счастью, Мари не проснулась и продолжила тихо сопеть.

Я протянул руку к девушке и нежно погладил её по спине.

В голову сразу же проникла неприятная мысль — о том, что могут сделать с такой красавицей доблестные германские солдаты, попади она к ним в руки, и, попытайся она сопротивляться. Представлять такую оргию у меня желания не было. Но вот настроение, ещё недавно медленно ползущее вверх, начало стремительно ухудшаться.

А виноват в этом — я. Опять думать начал над разными серьёзными... проблемами. Вместо того, чтобы получать удовольствие от жизни.

Судя по тому, что девушка дёрнулась ещё один раз и открыла глаза — своими телодвижениями я всё же её разбудил.

Несмотря на помятый вид, Мари выглядела сногшибательно.

— Отвернись. Мне нужно одеться. — Неожиданно попросила меня девушка, стеснительно прикрываясь простыней.

Мне вдруг захотелось засмеяться — чего я там не видел? Но говорить ничего не стал и послушно повернулся к стенке, оставив девушку у себя за спиной.

Послышалось какое-то шуршание.

Не удержавшись, поворачиваю голову через плечо и в очередной раз восхищаюсь прекрасной фигурой девушки. О чём не преминув сообщаю девушке. Услышав моё одобрение, девушка засмеялась:

— Ты так каждой своей девушке говоришь?

Я мысленно выругался. Это же надо было — нарваться на такой вопрос с подвохом! Вот только отступить было некуда. Тем более, ведь сам себя впросак загнал.

— Не всем. — Попытавшись начать фразу тоном балагура, и, плюнув на не получившийся «финт» речевыми оборотами, продолжил простым своим, серьёзным голосом. — Только одной молодой француженке, что соизволила явиться из блистательного Парижа в наше захолустье!

— Да! У вас тут, конечно, не Париж... И не Лондон... И даже, не Прага! — с лёгким придыханием, и, вроде, даже с едва заметным разочарованием в голосе, произнесла девушка. — Но в Париже, Лондоне и Праге нет тебя! Такого неотёсанного славянского мужлана, который смог похитить меня и воспользоваться моей слабостью...

Услышав эту фразу —, я оторопел.

«Вот как всё просто оказалось — подложили мне бабу, а я тут же готов скакать! Всё как по классику! Классику какой-нибудь разведслужбы...» — Пронеслась печальная мысль в голове. Вот только, один молодой поручик бронетанковых войск ошибся в очередной раз.

Девушка, внимательно посмотрев на моё изумлённое лицо, вначале едва заметно улыбнулась, а потом, не скрываясь, засмеялась. Осознав, что меня банально разыграли — засмеялся уже и я.

Из номера мы вышли где-то через полтора часа. Пока умылись, пока привели себя в порядок... Прервавшись разок на другое, немаловажное дело. После чего расстались вполне довольные: Мари отправилась в ресторан, расположенный при гостинице, а я, бросив взгляд

на часы, мысленно выругался и поспешил к припаркованному неподалёку автомобилю.

По городу я нёсся как угорелый — удалось набрать около шестидесяти километров в час. По местным меркам, когда на одной улице может передвигаться сразу несколько видов транспорта: автомобили и гужевые повозки, это была весьма приличная скорость. Особенно — на узких улочках Познани, которыми я пытался проскочить к расположению своего батальона.

На КПП меня уже ждали. Впрочем, ничего удивительного в этом и не было — не заметить припаркованный возле главных ворот на въезде в расположение батальона легковой Форд чёрного цвета с Варшавскими номерами было достаточно сложно. В пяти метрах от них, как бы случайно оказавшись рядом с незнакомцами, напряжённо покурировал сержант в парадной форме с повязкой дежурного на руке. Возле дверей КПП, напряжённо застыл караульный из мотопехотного батальона капитана Галецкого с карабином у ноги.

Пришлых же было сразу четверо. Причём, все из них — офицеры. Стоило мне только остановить свой автомобиль возле ворот, как ко мне тут же подскочил дежурный по КПП. Вытянулся по стойке смирно, приложил руку к фуражке, и коротко, по существу, доложил:

— Пан поручик! За время вашего отсутствия, происшествий не случилось. Прибыли офицеры из Варшавы. О цели прибытия не сообщают. Дежурному офицеру передали, что готовы общаться только с вами!

— А что за вооруженный караульный у КПП? — Уточняю на всякий случай.

— Дежурный офицер отделение из мотопехотного батальона попросил у пана капитана Галецкого. На всякий случай. Командир батальона пехотинцев пошёл на встречу, и, отправил к нам взвод на двух машинах с оружием и боеприпасами. Они как раз на стрельбы должны были ехать.

— Вызовите моего шофёра, пусть заберёт машину. — Протянув сержанту ключи, отдаю последнее приказание я, после чего направляюсь к чёрному форду, на котором прибыли незнакомцы.

Ещё на подходе, обращаю внимание на геометрию звёзд на погонах всех офицеров.

Крайним слева, правым боком ко мне, стоял молодой подпоручик. На вид ему было вряд ли больше двадцати лет. Роста он был невысокого — ниже меня головы на полторы. Сантиметров сто шестьдесят в нём. Про таких в моём времени говорили ещё — «Полторашка». Это был явно недавний выпускник военного училища, и, выглядел, он, надо сказать — картинно. Невысок, но крепок, явно нечужд спорту. Ладно построенная форма, которая, казалось бы, должна придавать некоторую мешковатость, на нём смотрелась совсем иначе, чем на многих знакомых мне офицерах — сидела как влитая что ли? Нет. Не так. На многих кадровых офицерах форма сидит красиво — особенно на тех, кто начинал службу в Российской Императорской или Австро-Венгерской армиях. На нём она сидела... с каким-то шиком что ли? Будто бы показывая всем, какой серьёзный спортсмен на самом деле носит эту форму из явно заграничного сукна.

По левую от него руку, лицом ко мне, оказался поручик. Окинув его оценивающим взглядом, пришёл к выводу, что этому офицеру вряд ли больше тридцати лет. Роста он был поистине высокого — немногим не доставал двух метров. Да к этому ещё — и худощав. Поэтому форма на нём висела как на вешалке. Вот только глаза у этого поручика были... умные... образованные что ли? Стоило мне только в них посмотреть, как тут же вспомнился взгляд преподавателя из института, того, ещё двадцать первого века. А ведь Пётр Михайлович был мужчиной необычным — в прошлом, офицер, раненный в Афганистане,

потерявший ногу и комиссованный из-за этого из армии в середине восьмидесятых. Но мужчина он был не из робкого десятка — за жизнь боролся. Поэтому и поступил в институт, закончил его, и, на заре девяностых годов стал преподавателем философии в одном из ВУЗов столицы. Мужиком он был не злопамятным, компанейским и добрым. Ещё и специалистом — отменным. Неспроста же его уже в девяносто шестом году позвали преподавать за границу. Вот только отказался Пётр Михайлович — остался в России. И всю жизнь выгрызал себе место под солнцем. Давая возможность при этом нормально учиться всем. Взятки не брал. Даже с самых тупых студентов. При этом отмечая тех, кто старался, но у него не получалось по какой-то причине нормально учить философию.

Впрочем, у нас Пётр Михайлович помимо философии вёл ещё ряд предметов — иностранный язык, и, информатику. Выучился на старости лет. Вот и учил нас — оборотов разному.

И мужик был — кремень. Это у него и во взгляде читалось.

Как и у этого поручика.

О! Да у него ещё и орден на мундире — крест «Виртути Милитари»! И где только заслужил?

Лицом к нему, спиной ко мне стоял в противоположность поручику, крепкий капитан. Роста он был среднего — метр семьдесят с кепкой. Сзади, вроде тоже нормальный мужик — «не заплывший жиром» и не слишком худой. Лица не видно. Но под фуражкой можно заметить светло-русые волосы.

Справа от капитана, также боком ко мне, но уже левым плечом, расположился невысокий майор, с пивным пузом, которое с трудом удавалось скрыть даже мундиру свободного кроя. На вид «старшему из пришлых» было явно «за сорок», возможно, даже, «за пятьдесят». Круглое, одутловатое лицо, широкий лоб, по которому из-за летней жары стекает липкий пот. Пухлые щёки, противно свисающие с лица, нос картошкой и маленькие, бегающие из стороны в сторону, крысиные глаза, вызывали какую-то явную неприязнь к этому офицеру.

Первым на меня обратил внимание высокий, худощавый поручик. Он что-то шепнул своим собеседникам, после чего те расступились, образовали некое подобие строя. Впрочем, получилось у них это не очень: если подпоручик с поручиком ещё нормально выстроились в одну линию, хотя и смотрелись странно из-за своей разницы в росте, то двое вышестоящих офицеров приняли позу вольготную, не соблюдая никаких линий и правил, положенных при построении в одну шеренгу.

На самом деле, смотреть на этот забор, собранный из «кривых досок разного размера» было весьма комично.

Чтобы не начать смеяться от происходящей картины, делаю последний шаг, скидываю к козырьку фуражки ладонь:

— Поручик Домбровский, командир батальона! Чем могу быть полезен?

Глава 29. Контрразведчики из Варшавы

— Поручик Домбровский, командир батальона! Чем могу быть полезен?

Как мной и предполагалось, первым заговорил майор.

— Марек Хмелевский! — Лениво откозыряв, представился старший по званию из незнакомых офицеров, после чего извлёк из нагрудного кармана мундира небольшую книжечку, и, раскрыв её, дал возможность прочесть.

Текст гласил о том, что предъявитель сего удостоверения личности является майором Марекком Хмелевским и проходит службу в Генеральном штабе Войска Польского, в отделении Пв. Память услужливо подсказало, что отделение два — это знаменитая «двуйка», а отделение Пв — военная контрразведка.

В очередной раз общаться с контрразведчиками мне не хотелось — печального опыта более чем достаточно. Стоит только вспомнить арест в самом начале этого года. Да и приключения с капитаном, а теперь уже и майором Врубелем. Наверное, после последних приключений во Франции, в голове у меня засела простая, но важная мысль: связался с контрразведкой — быть стрельбе. А стрелять лишний раз не хотелось — стрельбы мне в сентябре более чем хватит. Да и не только в сентябре — если выживу.

В тот момент я ещё не знал, что в сентябре тридцать девятого года мне удастся не только выжить, но и немного подвинуть русло великой реки под названием — История. Впрочем, об этом я сейчас даже не задумывался. Да и времени на это особенно не было, ведь передо мной застыли сразу четыре офицера военной контрразведки. С кем с кем, а с ними лучше быть настороже!

— Мы можем пройти в ваш кабинет и обо всём переговорить спокойно?

— Конечно, пан майор! — Согласился я. — Пройдёмте!

Прежде чем отправиться к штабу, поручик с орденом на мундире успел залезть в машину и достать из него портфель из чёрной кожи. Молодой подпоручик же захватил жёлтый саквояж, на вроде тех, что используют врачи для переноски различных приспособлений, которые должны использоваться в различных врачебных целях.

На КПП контрразведчики одобрительно покивали, увидев в дежурном помещении ещё троих солдат и капрала при оружии — получилась своеобразная группа быстрого реагирования, которая в случае возникновения каких-либо осложнений, должна с применением силы, и, возможно, оружия, разрешить все противоречия на месте.

Впрочем, я был несколько удивлен — потому как, кроме капрала из моего батальона (в лицо мне удалось запомнить всех капралов и сержантов, не говоря уже об офицерах), двое совершенно незнакомых бойцов. Из батальона капитана Галецкого.

Не без удивления контрразведчики посмотрели на «спортивный городок», на котором в очередной раз группа солдат занималась спортом, а также на ремонтников, которые продолжали возиться с очередной танкеткой, которая, судя по тактическим знакам на броне, принадлежала одной из кавалерийских бригад нашей армии. По просьбе кавалеристов, их танкетки модернизировались несколько иным способом, чем те, что были приписаны к моему батальону: помимо установки дополнительных броневых листов толщиной в два с половиной миллиметра, скобы для десанта устанавливались таким образом, чтобы на них без труда было можно закрепить ящики для артиллерийских снарядов. Ну и фаркоп цеплялся — чтобы при необходимости было возможно утянуть на себе лёгкую противотанковую

пушку калибром в тридцать семь миллиметров. Получался такой своеобразный, бронированный лёгкий артиллерийский тягач, вооруженный пулемётом винтовочного калибра, но десант в виде орудийного расчёта должен будет ехать на броне, вместе со всем своим боезапасом. Конечно, в бою, под обстрелом особо не поездишь, но как дополнительное средство тяги для лёгких пушек — получилось очень даже неплохо.

Подойдя к зданию штаба, на флагштоке у которого висел большой бело-красный польский флаг с гербом, возле которого стоял часовой во всей амуниции с карабином «на караул», навстречу к нам поспешил начальник штаба батальона, капитан Анджей Завадский, который как раз недавно заступил дежурным по батальону. Пройдя три шага, тянув ногу как на параде, капитан чётким движением вскинул два пальца к головному убору и громогласно начал свой доклад:

— Пан поручик! Разрешите доложить, капитан Завадский? За время вашего отсутствия происшествий не случилось! Личный состав занимается по распорядку! Первая рота находится в спортивном городке. Вторая рота отбыла на полигон для стрельб из личного оружия. Третья рота в полном составе занята уборкой закреплённой за ротой территории! Ремонтно-восстановительная рота, в полном составе занимается по своему плану!

Обычно такой «парадной картинности» у меня в батальоне не наблюдается: никто не тянет ноги как на параде — ведь я считаю, что на исход боя не повлияет то, как высоко и ровно ты вытягиваешь свою ножку — и уж тем-более никто не орал во время доклада. Вот только капитан, заметив меня из окна своего кабинета (и заранее оповещённый дежурным по КПП), решил сыграть на опережение и встретить своего воинского начальника на улице, попутно попытавшись понять, что за гости прибыли в батальон.

Отказыряв в ответ, я отпустил дежурного офицера, попросив беспокоить только в случае крайней необходимости.

Войдя в здание штаба, тут же наткнулись на вытянувшегося во «фрунт» сержанта-сверхсрочника, помощника дежурного по штабу. Как полагается, он был одет в парадный мундир и туго перетянут ремнём, на котором висела кобура с табельным револьвером системы «Нагана»

Вообще, у меня в батальоне как-то само-собой пошло, что личное оружие находится у всех сержантов-сверхсрочников и офицеров на руках. Контрразведчики обратили на это внимание, но вслух ничего не сказали, хотя по их лицам было заметно, что они удивлены и несколько обеспокоены — так ведь можно и до неприятностей в виде самострела дойти. Впрочем, я не был настолько обеспокоен, потому что знал, что пистолеты у офицеров разряжены, и чтобы моим подчинённым удалось из них выстрелить, им потребуется поставить заряженный магазин, который хранится в кобуре. Тоже самое и с револьверами — патроны у офицеров и сержантов были, но их требуется вначале зарядить. Во избежание — так сказать.

В штабе было приятно находиться. Ласково манила лёгкая прохлада, буквально обволакивающая, после нахождения под утренним солнышком. В первый раз почувствовав такое наслаждение после знойной июльской жары, я было подумал, что где-то стоит достаточно мощный кондиционер. Конечно, кондея из двадцать первого века в веке двадцатом не оказалось. А температура в здании — это просто какая-то хитрость проектировщиков и строителей, которую мне так было и не суждено узнать: в первый день войны, сразу эскадрилья пикирующих бомбардировщиков отбомбится по зданию штаба, сравнив его с землёй. А после, уже советские войска доделают то, чего не сделают немцы в

тридцать девятом. Да и выхода особенно у них не будет — не будут же красноармейцы банально смотреть на здания, из которых их убивают? Правильно — не будут, а лишь банально вызовут батарею, которая окончательно смешает с землёй когда-то неплохое здание... Впрочем, всё это будет впереди, да и узнаю я об этом совсем нескоро — через несколько долгих, фронтовых лет...

В штабе было немногочисленно — пара дежурных солдат протирала пыль, ещё двое — несли какие-то кипы бумаг под предводительством офицера разведки и тактики батальона, подпоручиком Севереном Маршалёком.

Перед кабинетом со скромной табличкой «Подпоручик Домбровский» задержались лишь на десяток секунд — пока я ковырялся ключом в замочной скважине. Больше и не требовалось.

К моему удивлению, со мной в кабинет вошли только майор и поручик. Подпоручик лишь передал свой саквояж поручику, после чего вышел в коридор к капитану и встал около двери, поплотнее прикрыв дверь. Оно и понятно — незачем лезть не в своё дело.

На столе у меня был как обычно — бардак: печатная машинка соседствовала с настольной лампой, украшенной массивным зелёным абажуром... чуть в сторонке лежала стопка писчей бумаги, а возле неё находился набор письменных принадлежностей: перьевая ручка в стакане и непроливайка с чернилами. На другом краю стоял обычный проводной телефон с чёрным, эбонитовым корпусом.

Какое-то время потребовалось на то, чтобы все расселись.

— Итак, пан поручик, если вас не затруднит, мы бы сразу перешли к делу. — Начал майор, после короткой заминки, возникшей после того, как контрразведчики, достаточно бегло повертев головами, осмотрели кабинет:

Я — за свой стол. А контрразведчики — у основания буквы «Г», по обе руки от меня, на некотором расстоянии.

— Если честно, был бы рад, сложись у меня возможность побыстрее разрешить все наши с вами вопросы.

Я рассчитывал, что слово вновь возьмёт майор, но оказался неправ. Продолжил поручик:

— Пан поручик, нам прекрасно известно о разногласиях, которые возникли у вас с нашим ведомством зимой этого года и не хотим, чтобы они повторились вновь. Именно поэтому мы и общаемся сейчас с вами здесь, а не вызвали вас к нам.

— Я премного благодарен вам за это. — Не стараясь скрыть своего недовольства, отвечаю контрразведчикам. — Был малоприятный опыт общения с вашими коллегами. Да вы это итак сами знаете!

После моих последних слов, глаза майора буквально вспыхнули. Но первую скрипку сегодня играл точно не он, поэтому поручик лишь примирительно поднял руки и продолжил:

— Пан поручик, мы к вам приехали, не затем, чтобы вспоминать старые обиды. И не затем, чтобы появились новые. Поэтому, позвольте мне, наконец, перейти к делу?

— Я вас внимательно слушаю!

— Прежде чем начать наш разговор, прошу вас подписать вот этот документ. — Контрразведчик достал из своего чемоданчика листок бумаги и протянул его мне.

Я внимательно изучил полученный документ. Там всё просто — повестка о неразглашении: «Я, нижеподписавшийся (моё имя уже было вписано), даю настоящую

подписку о том, что обязуюсь не разглашать особой важности, совершенно секретные и секретные сведения, ставшие известными мне за время службы в Генеральном Штабе Войска Польского». И печать — второго отдела Генерального штаба Войска Польского.

Изучив документ, краем глаза замечаю доброжелательную улыбку и внимательно изучающий меня взгляд поручика-контрразведчика. Ставлю свою размашистую подпись и возвращаю подписку контрразведчику, тот с благодарностью кивнул, после чего поставил на стол перед собой портфель из чёрной кожи. Как оказалось, портфель был закрыт на замок, ключ от которого был у майора. Тот достал его из кармана, протянул поручику. Контрразведчик с орденом кивком поблагодарил пана майора, после чего открыл замок при помощи ключика и извлёк из портфельчика обычную картонную папку. У меня таких в сейфе с десятков — с личными делами вновь прибывших офицеров, да различной документацией, которую веду лично.

Папку целиком протягивать поручик мне не стал. Достал из неё лишь несколько фотокарточек и положил их на стол, передо мной.

— Вам знаком этот человек?

Даже короткого взгляда мне хватило, чтобы понять — да, я знаю человека, изображённого на этих фотокарточках! Очень хорошо знаю!

На одной из чёрно-белых фотокарточек, далеко не самого высокого качества была изображена пара людей: немолодой мужчина и молодая девушка, шедшие рядом друг с другом по парку; на второй обнаружилась эта же парочка, но уже, судя по окружению, в каком-то кафе, или, даже ресторане. Присмотревшись повнимательнее, я даже смог узнать место.

— Так что, поручик, вы узнаете человека на фотографической карточке? — Писклявым голосом спросил майор.

— Так точно, узнаю. — Коротко киваю в ответ. — Это француженка. Мне она представилась как Мари-Жан. Фамилию, к сожалению, не знаю. Мужчину вижу впервые. Хотя фотографии сделаны, вроде бы в знакомых местах. Вот только где?

— Отлично! — Искренне улыбнулся поручик. — Скажите нам, она рассказывала о себе что-нибудь?

— Если честно, мне вам и рассказывать особо нечего. — Пожал плечами я. — Представилась как Мари-Жан. Знает польский язык. Говорит чисто, без акцента. Служит переводчиком при французском военном советнике. Я с ней общаюсь несколько... ближе других офицеров. Собственно, вчера вечером мы с ней ужинали. Это был её приз победителю в пари по стрельбе...

Я рассказал офицерам «дефензивы» всё, кроме подробностей бурной ночи — им этого знать незачем. Во всяком случае — пока незачем.

Контрразведчики переглянулись, после чего поручик продолжил:

— Это хорошо, что вы осознаёте всю важность сложившейся ситуации и идёте на контакт. Смею признать, что такое отношение вас, армейских офицеров к нам, офицерам военной контрразведки несколько непривычно. Редко ваши коллеги идут нам навстречу сами...

Не знаю, чем, но поручик у меня вызывал какую-то внутреннюю симпатию, едва заметную, но всё же...

— Каждый из нас делает свою работу. — Коротко сообщил своё видение проблемы я. — Просто кому-то эта работа кажется несколько... мм-м... специфичной. А с другой стороны,

согласитесь, кому-то нужно, закатав рукава чистить авгиевы конюшни?

Майор посмотрел на меня с недоумением. А вот поручик — сразу видно, умная голова — понял моё сравнение правильно:

— Хм, авгиевы конюшни? А ведь правда, порой с таким приходится сталкиваться, что... Врагу не пожелаешь! Весьма остроумное сравнение!

Офицер контрразведки с орденом на кителе улыбнулся, после чего на столе появилось ещё несколько фотографий. Я внимательно присмотрелся и едва не выругался — на одной из них, достаточно чёткой, по сравнению со всеми предыдущими, можно было заметить, как мой «старый знакомый» Робеспьер кладёт какой-то маленький не то свёрток, не то конверт в небольшую сумочку француженки.

— Как нам стало известно, гражданка Французской Республики Мари, уже неоднократно встречалась с этим мужчиной. — Начал свой рассказ контрразведчик, но достаточно быстро замолчал, после чего вопросительно уставился на графин с водой, стоявший рядом.

— Конечно, пейте. — На правах хозяина кабинета, разрешил я.

Поручик с благодарностью кивнул, после чего налил в пустой стакан воды до краёв и достаточно быстро, буквально в два или три глотка осушил его, после чего продолжил:

— Так вот, известная вам гражданка Французской Республики Мари, неоднократно встречалась с этим мужчиной. И что характерно, делала она это не только здесь, в Познани, но и в Варшаве, столице Франции, Париже, и, что было весьма удивительно для нас, по неподтверждённым данным, в Праге. Ещё в тридцать восьмом году.

Поручик внимательно посмотрел на меня — будто рентгеном просветил, после чего продолжил:

— В тридцать восьмом году, в Праге, как нам стало известно совсем недавно, она собирала информацию о Чехословацких вооружённых силах. Во Франции эта гражданка, как нам известно, пыталась выйти на нашу военную комиссию по закупке вооружений. Особенно её интересовали офицеры, отвечающие за закупку бронетанковой техники, авиации и артиллерии. По информации, доведённой нам от коллег из посольства во Франции, в ходе работы с офицерами комиссии выяснилось, что данная гражданка весьма активно искала контакта с молодым офицером, подпоручиком бронетанковых войск, Янушем Домбровским. Почему она искала связи именно с вами? Не с полковником Франтишкой Пионтковским, возглавляющим комиссию, не с майором генерального штаба Збигневом Маевским, являющимся его заместителем, а именно с вами? Согласитесь, странно? Вы можете что-то нам поведать на этот счёт?

— По правде говоря, я в растерянности... — Нисколько не сдукавив отвечаю равному по званию офицеру военной контрразведки. — Во Франции я не помню, чтобы мне пытались навязать знакомство кто-нибудь из местных, тем более, женщина. Да и инструктировали нас отдельно, по поводу общения с французами. По улыбаться, покивать, кофе с круасаном выпить разрешали, но не более. И точно нам никто не разрешал обсуждать дела служебные.

— Я вас понимаю, поручик. Тем более, по нашим сведениям, вы уже покинули Париж, когда гражданка Мари начала узнавать о вас. Но спросить я просто был обязан. — Добродушно улыбнулся контрразведчик.

— Может хватит уже ходить вокруг да около, поручик? — Пропищал со своего места майор, подгоняя подчинённого.

— Конечно, пан майор. Я уже перехожу к сути дела. — Поручик доброжелательно

улыбнулся и продолжил:

— Пан поручик, вы личность весьма интересная. Вам всего двадцать два года, а вы уже получили очередное звание, досрочно... Вы являетесь создателем новой методики применения бронетанковых войск в обороне... — Польстил мне контрразведчик. А приятно же, чёрт!

— Самое главное, чёрт бы вас побрал, вы лично знакомы с паном Маршалом! — Заёрзав на своём стуле, влез в разговор майор. Причём слово «маршал» он проговорил подобострастно, будто бы преклоняясь перед верховным главнокомандующим польскими войсками.

— Да, пан поручик. И это тоже. — Кивнул контрразведчик с орденом на мундире. — Кроме того, вы будущий зять пана Ковальского, прямо скажем, весьма небедного человека, обладающего к тому же имеет веских сторонников в сейме и сенате, ещё, в последнее время, ваш будущий тесть активно начал интересоваться военными поставками. Вам известно об этом?

— В общих чертах. Знаю, что пан Ковальский весьма богатый и влиятельный человек. Знаю, что занимается военными поставками. Часть из них идёт в мой батальон, а также мотопехотный батальон, квартирующий тут же.

— Это хорошо, что у вас такой влиятельный тесть. И несколько опрометчиво было изменять его дочери с первой попавшейся француженкой. — Былое добродушие поручика резко испарилось. Голос офицера буквально налился металлом.

— Это моё личное дело. — Коротко, но слегка взвинчено ответил я.

— Безусловно, это ваше дело. — В очередной раз обаятельно улыбнулся поручик. — Но, чтобы это осталось вашим личным делом, вам требуется оказать некоторую помощь ведомству, в котором я имею честь служить.

В своей пламенной речи, которую поручик проговорил спокойно, без какой-либо запинки или заминки, будто бы выдав заранее заученную фразу, контрразведчик сделал акцент на сочетание «личным делом», не оставив мне никакого выбора — ведь если информация об этой ночи каким-то образом просочится к пану Ковальскому, тот меня и без войны превратит в пыль...

— Что нужно делать?

Как-то незаметно, со всеми этими шпионскими играми наступил август месяц. За это время было сделано немало дел и по армии «Познань» в целом, и по моему отдельному танковому батальону — в частности. Отдельно стоит отметить всё то, что относилось к делам армейских разведок и контрразведок. Но обо всём — по порядку.

Генерал Кутшеба, обладая весьма сильным характером и обширными связями делал всё, для укрепления своей армии: было создано сразу два резервных пехотных полка, которые придавались кадровым дивизиям, в армию прибыли сразу два артиллерийских полка, и вскоре, должны будут прибыть иные воинские части с востока страны. Так, например, из состава оперативной группы «Восток», к концу августа в распоряжение армии «Познань» должна прибыть 16-я Поморская пехотная дивизия под командованием полковника Станислава Щвитальского, а из отдельной группы «Яблонowo» — 208-й пехотный полк подполковника Яна Шевчика. У командира оперативной группы «Пётркув» дивизионного генерала Виктора Томме, несмотря на все протесты изъяли бронепоезда № 52 «Пилсудчик» и № 53. Из состава северной группы армии «Пруссy» изымалась Виленская кавалерийская бригада под командованием Константина Друцкого-Любецкого, а из состава южной группы этой армии, изымалась 3-я пехотная дивизия Легионов полковника Мариана Турковского. Таким образом, к началу Второй Мировой Войны, армия «Познань» окажется весьма многочисленна:

25-я пехотная дивизия — бригадный генерал Франтишек Альтер

26-я пехотная дивизия — полковник Адам Бжехва-Айдукевич

16-я Поморская пехотная дивизия — полковник Станислав Щвитальский

3-я пехотная дивизия Легионов — полковника Мариан Турковский

331-й резервный полк — подполковник Пшибыслав Червиньский

332-й резервный полк — подполковник Виктор Цесьлик

208-й пехотный полк — подполковник Ян Шевчик

Великопольская кавалерийская бригада — бригадный генерал Роман Абрахам

Подольская кавалерийская бригада — полковник Леон Стшелецкий

Познанская бригада НО — полковник Станислав Щюда

Калишская бригада НО — полковник Франтишек Судокл

1-й отдельный лёгкиo-артиллерийский полк — полковник Здислав Свидерский

2-й отдельный легко-артиллерийский полк — полковник Якуб Боровский

Отдельный гаубичный артиллерийский полк армии «Познань» — полковник Казимеж

Липинский

1-й отдельный моторизованный противотанковый батальон — майор Игнаций Заяц

2-й отдельный моторизованный противотанковый батальон — майор Витольд Шульц

3-й отдельный моторизованный противотанковый батальон — майор Теодор

Каманский

Отдельный мотопехотный батальон армии Познань — капитан Ян Галецкий

Отдельный танковый батальон «Познань» — Поручик Ян Домбровский

201-й танковый батальон — Подполковник Владзимеж Каня

Бронепоезд № 52 «Пилсудчик» — капитан Миколай Гончар

Бронепоезд № 53 «Смелый» — капитан Мечислав Малиновский

Всего, к началу войны, под командованием генерала Кутшебы окажется около девяноста тысяч человек личного состава. Конечно, не все полки были обучены должным образом... Не все были снабжены по «последнему слову техники», но в армии «Познань» было сделано главное — создать значительный перевес сил, готовых наступательные действия: создавались дополнительные склады, организовывались новые базы снабжения, о которых ещё не было известно врагу.

Отдельно можно ответить передовой для данного места и времени способ обучения личного состава пехотных полков — на местах, используя танки и броневые автомобили состава армии, в приказном порядке, все солдаты и офицеры передовых и тыловых подразделений проходили обкатку «бронёй». За проведением простого, в общем-то мероприятия, следила специальная комиссия, набранная из штаба армии. Да и само обучение было весьма простым: рылся небольшой окопчик, в который ложился солдат с винтовкой и муляжом гранаты. Пока танк или танкетка, используемая для обкатки пехотинцев, медленно ползла на солдата, тот должен был из винтовки стрелять по установленным позади танка мишеням, после чего, в подходящий момент (когда бронемашинка оказывалась буквально в паре метров впереди), солдат ложился на дно окопчика, ждал, когда танк проедет, после чего поднимался на четвереньки и бросал на крышу корпуса или моторно-трансмиссионного отделения танка — деревянный муляж гранаты.

Конечно, в бою бойцы будут метать бутылки с бензином — противотанковых гранат же ещё нет. Но сам факт того, что солдаты переставали бояться бронетехнику, уже говорил о многом.

Да-да! Солдаты переставали бояться технику! Ведь каждый оказывался в окопчике три раза! Причём — в разные дни! То есть, каждый из солдат осознавал и запоминал, что должен делать, если окажется в подобной ситуации!

Преобразования были не только во всей армии «Познань», но и в моём, отдельном, конкретно взятом танковом батальоне аж армейского подчинения. Про развернутую на базе батальона танкоремонтную мастерскую, занимающуюся модернизацией имеющейся техники было сказано уже много. Как и про то, что модернизации пошли в войска. А вот информация об обучении личного состава батальона самому разнообразному, что может пригодиться на войне (по моему скромному мнению), говорилось весьма мало. Так, например, все наводчики (командиры) танков, без исключения освоили возможность стрельбы по бронетехнике противника с ходу. Да, далеко не все добивались стопроцентных попаданий. Но где-то треть танкистов смогла добиться попадания двух из трёх выпущенных снарядов с ходу! Остальные с уверенностью добивались поражения мишени одним снарядом из трёх. Да, немного — но лучше, чем ничего.

Конечно, это не значит, что все бои будут теперь вестись только на ходу! Но зато, теперь мои танкисты могут в экстренной ситуации не тратить время на остановку, подставляясь под выстрел.

Или, например, теперь все члены экипажей добились стопроцентной взаимозаменяемости! Командир танка и до этого должен был при необходимости уметь заменить всех членов экипажа, вот только раньше механик-водитель далеко не всегда мог освоить пушку, а заряжающий — водить танк. Конечно, мастерами в этих делах мои танкисты не стали... Далеким им до этого (как, собственно, и мне)... Но вот теперь, если случится так, что механик-водитель будет вынужден встать за орудие — он будет понимать, как необходимо не только заряжать эту самую пушку, но и как целиться, и, чёрт возьми,

даже, попадать! Конечно, не все его снаряды найдут цель — но даже те, двадцать пять или тридцать процентов снарядов, что придутся по танкам и бронемашинам противника, согласитесь, уже неплохо.

Или банальная стрелковая подготовка? Теперь, если экипажи останутся без танков, они могут вполне успешно вести пехотный бой — основы окапывания экипажам показали и рассказали пехотинцы из батальона капитана Галецкого. Они же — принимали зачёты по окапыванию до тех пор, пока все подразделения не успевали окопаться в норматив. Зачёты, кстати, принимали повзводно. Так что, если, вдруг, не успевал один экипаж — пересдавали все.

Даже штабные офицеры через это прошли — я настоял. Хотя некоторые сопротивлялись. Единственное послабление было — офицеры штаба батальона занимались индивидуально. И зачёт принимался у каждого лично.

Самому, кстати, лопатой тоже пришлось помахать не меньше остальных — зачёт то я сдал только со второго раза.

Да и стрелять многие научились... Теперь каждый танкист из моего батальона мог стрелять не только из пистолетов и револьверов, но также и из большинства разновидностей винтовок и пулемётов, состоящих на вооружении Войска Польского в настоящий момент.

В общем — неплохо готовимся. Ещё и сам в радиоделе подтянулся. Мог передавать открытым текстом и даже стучать на ключе. Правда, стучать удавалось не быстро — слишком долго думаю, затягивая передачу. Но основы понять удалось. Благодаря Виктории.

Кстати, пару слов о Виктории. Кроме службы мы с ней более не виделись. Я и так разрывался между Терезой и Мари-Жан, чудом умудряясь не попасться на глаза невесте.

И что самое противное — мне было невыносимо стыдно перед этой девушкой, которая, похоже, меня по-настоящему полюбила, и, которую, я банально предал. Причём предал — ещё до замужества...

Мне было стыдно, противно и вдруг захотелось всё рассказать Терезе. Вот только делать этого было нельзя никак. Это грызло меня где-то внутри. Каждое утро я просыпался с паршивым настроением, начинал непроизвольно грубить девушке. Позже, какой-нибудь психолог назовёт все мои действия каким-нибудь умным словом, но это всё будет позже. Намного позже. А сейчас...

Сейчас... сейчас я сидел в своём легковом автомобиле, нервно ёрзал на мягком диване и слушал, впитывал всё, что мне говорит хорошо знакомый по приключениям во Франции майор Врубель, который совместно с контрразведчиками из Варшавы, через меня сливал дезинформацию Мари, которая по их информации, передавала сведения дальше — тому самому Робеспьеру.

— Наши люди блокировали дом. — Коротко сообщил мне контрразведчик, облачённый в тёмно-синий костюм в полоску и модную шляпу с лентой. — Тыходишь внутрь. Забираешь деньги. После чего, тут же уходишь.

— Понял. — Коротко киваю в ответ.

— Тогда, пусть Бог поможет всем нам! — Благословляя, продекламировал контрразведчик.

— Аминь! — Коротко отвечаю ему в ответ, после чего открываю дверь лимузина и выхожу на улицу.

Несмотря на начало августа, погода стояла по-июльски жаркая. Память тут же услужливо подсказала, что где-то два часа назад, термометр, висевший на окне дежурного

помещения в здании штаба батальона, показывал запредельную температуру в районе тридцати двух градусов. В тени.

Вот и сейчас — несмотря на приближающийся вечер, температура вряд ли упала ниже двадцати семи, или, максимум, двадцати пяти градусов по Цельсию. И вокруг, что называется — парит. В такую погоду бы на природу, к воде... На море, или, на худой конец, на речку. Но выбора у меня особо нет.

Подойдя ко знакомому двору, я огляделся по сторонам, будто бы высматривая, куда мне следует идти. Глупость, на самом деле — но так нужно, чтобы местные контрразведчики не прознали, что я уже бывал здесь раньше.

Осматривался я совсем не зря — моё внимание привлёк дворник. Казалось бы, чего странного в немолодом горбатом, бедно одетом мужичке в фартуке, с надвинутой на глаза кепке? А то, что по двору он мёл как-то слишком активно. Не похож он был на дряхлого старичка, зарабатывающего копейки. Даже дешёвые, разношенные и помятые ботинки не разубедили меня в том, что этот мужик — либо офицер германской разведки, либо контрразведчик...

Пока я шёл к подъезду, обратил внимание, что следом за мной, во двор вошли ещё двое. По виду — молодые парни, возрастом до двадцати лет. Оба одеты легко: парусиновые штаны, летние рубашки и какие-то лёгкие куртки. Один из них нёс подмышкой какой-то длинный и тонкий тубус. По виду — обычные студенты, которые идут с лекций. Вот только взгляд... У одного. Того, что с тубусом — колючий, рыскающий. И поступь какая-то... неправильная, хотя и не пойму в чём это выражено. А вот второй парень — ступает легко, головой почти не вертит и что-то смеясь рассказывает своему спутнику.

Останавливаюсь перед дверью подъезда.

Ещё раз осматриваюсь по сторонам. Вроде, всё спокойно. «Студенты» прошли мимо, не обращая на меня совершенно никакого внимания, дворник всё также увлечённо метёт пыль, то и дело смещаясь в сторону... Идиллия прямо.

Недолго думая, тяну ручку на себя и открываю дверь. Шаг — и меня принимает приятная прохлада подъезда.

«И почему внутри прохладно? Кондиционеров же нет?» — Появилась шальная мыслишка в голове, которую я тут же прогнал.

Следует быть более собранным.

На всякий случай, проверяю пистолет в кобуре. Табельный «Вис» всё также увесист и тяжел. Хорошо было бы его заранее приготовить к бою, но делать этого нельзя — мало ли, захотят германцы изъять у меня оружие? И увидят, что пистолет заряжен — могут возникнуть разные неприятные вопросы.

После того, как убрал табельное оружие на законное место, лезу в карман форменных бриджей и достаю из него малюсенький пистолетик. Карманный «Кольт» мне протянул майор Врубель. Слов он никаких не говорил, но я прекрасно понял, что этот «малыш» под совсем несерьёзный патрон может спасти мне жизнь. Жаль только, что патронов всего — шесть...

Пока осматривал оружие, прятал его обратно, а после этого поднимался вверх, прошла, кажется целая вечность.

Вот знакомая дверь.

Три коротких удара с небольшой паузой, ещё три коротких удара, но на этот раз скороговоркой — практически без паузы.

А в ответ — тишина. Про неё ещё любят писать в романах — «наступила звенящая тишина» или как-то похоже. Вот только тишины не было. Мне казалось, что я слышу каждый шорох, каждое движение, что происходит вокруг.

Или это так тишина «звенит»?

Не знаю.

Я постучал ещё несколько раз. Всё тем же кодом.

Наконец, за дверью послышались шаркающие шаги, какой-то шум, скрежет замочной скважины.

Дверь мне открыл Робеспьер.

— Ян, мальчик мой! — Добродушно улыбнулся он, освобождая проход.

Оказавшись в коридорчике, я бегло осмотрелся, пока старик не закроет дверь. На замок и не повесит цепочку. В глаза сразу же бросилась полка над вешалкой, на которой аккуратно расположились сразу две шляпы.

— Проходи в комнату, мальчик мой... — Приглашающим жестом позвал меня за собой резидент. — У меня к тебе есть важный разговор.

В зале всё было привычно: стол, стулья, кресло-качалка, к которой и направился германский разведчик.

Неожиданно, у меня за спиной послышались лёгкие шаги. Я дёрнулся и повернул голову. За спиной, буквально в паре шагов стоял невысокий мужчина лет тридцати от роду. Робеспьер что-то сказал по-немецки. Из знакомых слов оказалось только одно слово — «Pistole».

Отвечать мужик у меня за спиной ничего не стал. Сделал несколько стремительных шагов ко мне, и, каким-то молниеносным движением открыл клапан кобуры и извлёк из неё мой пистолет, после чего отстранился на два шага назад.

Всё произошло настолько быстро, что я даже и сделать ничего не успел — хотя и ожидал чего-то подобного. В голове только и пронеслась запоздалая мыслишка — «А я так не умею!».

— Садитесь, пан поручик. — Приказал мне Робеспьер. От его доброжелательности не осталось и следа.

Я послушно сделал несколько шагов к столу и уселся на стул так, чтобы мой правый бок был прикрыт от германского резидента столом со скатертью. Вооруженный моим пистолетом боевик немецкой разведки остался за спиной, и я его не видел, но прекрасно слышал характерный «лязг железа» от того, что тот извлекал магазин, после чего загонял его обратно в рукоятку. Раздался привычный щелчок — патрон загнан в патронник.

— Что же вы, поручик, не рассказали мне о своей дружбе с военной контрразведкой? — Задал вопрос Робеспьер.

— А это имеет значение? — Решил «валять» дурака я.

— Не придуривайтесь, поручик! — Голос резидента налился металлом.

— Хорошо. — Согласно киваю я. — Мне знакомы некоторые офицеры из отдела военной контрразведки из штаба армии «Познань», и перед поездкой во Францию, мне пришлось иметь беседы с представителями этой службы, но это было ещё в Варшаве.

— Это не то! Мне прекрасно известно, что две недели назад к вам приходили офицеры контрразведки! — Повысив голос, выпалил Робеспьер, после чего взял себя в руки и продолжил уже тише:

— Вам показывали фотографии, где я встречаюсь с девушкой!

Я слегка прищурился, изображая активную мозговую деятельность...

***

Майор Врубель нервничал. Операцию по захвату или ликвидации германской разведывательной сети пришлось готовить в спешке. Благодаря своему обширному опыту контрразведывательной деятельности как в войсках, так и находясь «на дипломатической» службе, Врубель прекрасно осознавал, что слишком большое количество нюансов было неучтено.

Опять же — никто не подозревал, что эта француженка, Мари, окажется агентом иностранной разведки. А ведь её личное дело изучали едва ли не под микроскопом — всё там было чисто! Знает английский, немецкий, польский и чешский языки... Молода... Красива... Работает переводчиком... Если бы не её заинтересованность поручиком Домбровским этой зимой во Франции — на неё бы и не обратили внимания! Но решив проверить, узнали, что в тридцать восьмом году она интересовалась боеспособностью Чехословацкой Армии. И, пусть тогда, с немцами Польша была заодно — Тешинская область была присоединена к Польской Республике, майора насторожила та активность, которую она проявляла по отношению к поручику...

Внезапно послышались выстрелы. Вначале два частых, быстрых. Потом ещё два. И ещё.

Контрразведчик негромко выругался, выхватил из потайной кобуры купленный в Германии пистолет «Вальтер ПП», и, вместе с одним из своих подчинённых побежал в ту сторону, где скрылся поручик бронетанковых войск.

Всё пошло не по плану...

**Друзья! Вот так вот скомкано завершается второй тот "Мазурки Домбровского".
Совсем скоро начнётся написание третьей книги цикла, так что — терпения!**

Могу лишь сказать, что с Мари наш поручик еще встретится, да и, наконец-то, наш герой столкнётся с теми, для кого он готовил огромное количество сюрпризов!